

АЛЕКСАНДР ТОРИН

Осенние рассказы

Copyright © 2005 Alexander Taratorin. All rights reserved.

Любое изменение этого текста, а также воспроизведение его в коммерческих целях может осуществляться только с согласия автора.

E-mail: amtar@pacbell.net

Содержание

ПРОЩАНИЕ С МУХТАРОМ	3
СЕМЕЧКИН	7
ДЕРЕВО ДЕТСТВА	16
МАРКСИСТЫ.....	25
КАРТОШКА.....	41
ПРИВЕТ, МЕНГИСТУ!	57
СЛУЧАЙНЫЕ ВСТРЕЧИ	74
1. МЫШИ.....	75
2. НАКЛАДНАЯ	79
3. ПИСТОЛЕТ.	83
4. ГАЗЕТА	89

ПРОЩАНИЕ С МУХТАРОМ

Загадочное это событие – превращение детских обрывочных вспышек памяти, с фотографической точностью выхватывающих слепки времени из бездны небытия в непрерывную ленту впечатлений. Так выцветшие черно-белые снимки прошлого века с родителями в старомодной одежде, с табуретками, расставленными вокруг вытащенного в сад стола, покрытого вытертой клеенкой превращаются в цветное кино, сопровождаемое запахами и очарованием летнего утра. Поют птицы, ласковый свет переливается на выцветшем ковре, изображающем странное животное с рогами на фоне гор – что-то недоступное моему пониманию, бирюзовое и ярко-охровое пробуждает меня. Отдаленные голоса, звяканье посуды на кухне, скрип входной двери и стук молотка, доносящийся с улицы.

Время неожиданно становится непрерывным. В кровати тепло и калейдоскопом проносятся ранние, выхваченные из бесконечности эпизоды. Тусклая лампочка в коридоре, из ванной идет пар, работает черно-белый телевизор «КВН», с глицериновой линзой около маленького экранчика. Потом – снег, и почему-то собаки на заборе. Овчарки, холеные и благородные. Толпа зевак, это Москва, улица Петровка, а почему собаки эти были знаменитыми: так и не помню, то ли они в кино играли, то ли поймали бандитов. Снег лежит на нашей «Победе», отец пытается счистить его перчаткой, но отчаивается и вместо этого бросает в меня снежки. Снежок попадает в губу, мне больно, но одновременно смешно. Потом – провал, какие-то игрушки, разыгрывающие Шекспировскую трагедию в детской кроватке, дача, и вот он я. Меня привезли на дачу. Я здесь живу уже несколько месяцев.

От этого странного, впервые нахлынувшего чувства становится страшно. Как будто бабочка вылупилась из кокона и пытается восстановить историю своего существования. Комната мне хорошо знакома, что-то пробивается из вчерашнего дня. Лоскуты ободранной краски около трубы Ковер с оленем. Запах побелки и дерева. Наша соседка тетя Клава поймала в мышеловку мышь и утопила ее в ведре. В июне умер дедушка, я его почти не помню, меня разбудили ночью и принесли к нему, он просил – я хочу видеть внука. Я хотел спать, но дед держал меня на руках. Вскоре после этого он исчез. Выпал снег, было холодно, мама топила печку. Коты орали ночами и украли колбасу из ведра, стоявшего во дворе – я еще проснулся от грохота и заплакал. Потом приехала бабушка, я от нее удрал и спрятался в будке нашей овчарки Альмы. Она меня любила, эта огромная и добрая собака, а я – ее: мял ее бока и шерсть, хватал за нос, а Альма только уворачивалась и облизывала меня шершавым языком. К вечеру меня все-таки нашли, бабушка пила сердечные капли, мама рыдала, а Альма недовольно тявкала. А потом шел дождь, была гроза, Альма выла, боялась молний, прыгнула на забор и задохнулась в своем ошейнике.

Тогда у нас дома появился Мухтар. Его принес отец, маленького и смешного. Немецкие овчарки оставили в щенке генетический след – узкая морда, толстые, разъезжающиеся лапы. А Мухтаром его назвали потому что фильм такой был про милицескую собаку. Я тайком совал ему в пасть карамельки, взамен получая собачью любовь и маленький язычок, облизывающий нос и щеки. Отец поймал меня за этим

занятием и жутко рассердился: у щенка испортятся зубы. Мухтару купили ошейник и поселили во дворе, привязав к натянутой проволоке, дающей щенку видимость свободы передвижения от будки до забора.

Я приходил к нему каждую свободную минуту, играл и, несмотря на запрет, приносил сладости, которые иногда удавалось выцаганить у бабушки. Конфеты я экономил, стараясь порадовать Мухтара. Иногда, бывало, по слабости душевной откусывал половину, но Мухтар и обкусанному остатку радовался.

В саду пахло медом и жужжали пчелы, с утра трава была мокрой от росы. Родители возвращались с работы в сумерках, когда чувствовалась вечерняя прохлада.

Так шли бесконечные летние дни. За прошедшие месяцы Мухтар заметно подрос. От его благородных предков остались лишь уши, а в остальном он превратился в типичную дворняжку-подростка, не чаявшую души в хозяевах.

– Мухтар, Мухтарчик, – я вскакиваю с кровати.

– Ты куда голышом во двор? – Возмущается бабушка.

– Я сейчас, скажу Мухтару доброе утро, – кричу я.

– Совсем он с этим псом распустился, – укоризненно качает головой бабушка. – Из сада не выманишь, завтракать не посадишь.

– Ну ребенок же, – пожимает плечами мама.

– Притащили собаку, Клава ругается. Вы уедете, а ей до следующего лета этого darmоеда кормить.

– Ничего, он ее не объест. В конце концов, собака в доме полезна, вон у всех соседей псы. А Клаве мы заплатим.

– Мухтарчик, хороший мой, – я сую в слюнявую пасть остаток печенья, завернутого в салфетку. – Животик тебе почесать? Ну давай, – пес ложится на спину, закатывает глаза и подергивает лапой от удовольствия. – Вкусное печенье?

– Завтракать! – кричит мама. – И быстро, нам надо собираться.

– Куда собираться? – удивляюсь я и тут вспоминаю, что уже несколько дней мама складывала коробки.

– Ты забыл? Мы сегодня уезжаем домой, лето закончилось.

– А Мухтар?

– Мухтар останется здесь до следующего лета.

– Нет, мама, нет! Я хочу взять его с собой. Ну пусть он живет у нас, ну пожалуйста!

– А что он будет делать? Он же в квартире с ума сойдет. Мы на работе до вечера, ты в детском садике. Он один заболит и умрет.

– Нет, я не хочу, чтобы Мухтарчик заболел.

– Мухтару гораздо лучше будет здесь, на природе. А мы будем приезжать в гости.

– Но я хочу жить с Мухтаром! Я не могу без него.

– Значит так, – мама делает мне таинственные знаки. – А ты знаешь, что тебя в Москве ждет сюрприз?

– Сюрприз? – от сладкого чувства ожидания становится трудно дышать. – А какой?

– Вот если будешь хорошо себя вести – узнаешь. Тебе понравится.

– Ну какой, ну скажи, ну какой? Ну скажи, пожалуйста.

– Ну хорошо, я тебе намекну. Ты будешь охотником.

– Ружье, – кричу я в восторге. Ружье! Которое мы видели на витрине! – Это моя мечта – немецкая игрушка «Тир». Ружье с настоящим прикладом и пробкой на пружинке. И даже мишень с серым волком, когда из пробки в нее попадешь, мишень переворачивается.

– Угадал, ну что с тобой делать, – вздыхает мама.

– Поехали скорее домой. Ну пожалуйста.

– Машина придет к обеду, – вздыхает мама. – А пока – завтракать.

После завтрака я бегу к Мухтару.

– Мухтарчик, миленький, мы уезжаем. Я тебя люблю, – обнимаю я пса. Он, кажется, что-то чувствует, поскуливает и отводит глаза.

– Мы приедем в гости, честное слово, – объясняю ему я. – Мама сказала. А на следующее лето мы опять будем здесь жить и с тобой играть. А мне подарят ружье, и мы пойдем с тобой на охоту. Ты же любишь охотиться? На волков, медведей.

Мухтар доверчиво смотрит на меня и виляет хвостом.

Когда пришла машина, Мухтар начал нервничать. Он пытался сорваться с поводка и скулил, царапая лапами по земле. Я начал плакать, даже ружье не могло примирить с потерей и в машину меня сажали силой.

За лето наша квартира забылась. Я с удивлением, смешанным со смутным узнаванием ходил из кухни в комнату и обратно, выходил на балкон и ощупывал пластмассового тукана с огромным желтым клювом, стоявшего в книжном шкафу. Вечером за окном начал накрапывать дождик. Отец вернулся с работы, достал из портфеля ружье в коробке, и дачный сезон временно забылся, сменившись на охотничий.

Через несколько недель ружье приелось. Как-то субботним утром я пристал к родителям с просьбой съездить на дачу и навестить Мухтара.

– Ты знаешь, а Мухтар ушел жить в лес, – сказал отец и отвел глаза.

– Как ушел? Он же был на поводке, – изумился я, чувствуя, что дело нечисто.

– Тетя Клава его отпустила погулять, он встретил знакомую собаку, подумал, и решил, что хочет жить в лесу, – опять соврал отец.

– А как же я? – слезы потекли из глаз. – А вдруг он вспомнит о нас и вернется.

– Ну хорошо, давай я завтра, или лучше в понедельник позвоню тете Клаве и спрошу, не возвращался ли Мухтар. – Нехорошее выражение было у отца в глазах, да и голос какой-то чересчур сладкий. – Хочешь, поедem сегодня в кино смотреть мультфильмы?

– Хочу, хочу. А мороженое купишь?

– Куплю, куда я денусь, – вздохнул отец.

В тот день в кинотеатре «Россия» показывали самую что ни на есть первую серию «Ну, погоди!». Она и серией-то тогда не была, просто так, маленький фильм про волка и зайчика. А мороженое было вкусное, сладкое и холодное, как ему и полагается.

Вечером, уже лежа в кровати, я вспомнил Мухтара и загрустил. С кухни доносились приглушенные голоса родителей. Я на цыпочках прокрался к двери и прислушался.

– Ну и как ты думаешь, он поверил? – спрашивал отец.

– Поверил, скорее всего. А Клава сволочь, трешки в месяц ей на собаку мало было.

– Да в чем она виновата. Все дворовые собаки в округе бегают. Кто же знал, что в этот день будут ловить бродячих собак?

– Могла бы заявить, нам позвонить, в конце концов. Я иногда думаю, не сдала ли она его за деньги какому-нибудь живодеу, а нам наврала.

– Вряд ли. Сколько ей за дворнягу дадут? Ту же трешку от силы.

– А хоть рубль. Ей в тот момент на бутылку не хватало, вот и загнала пса.

Я не понимал, о чем говорят родители, но ощущение того, что случилось что-то страшное, такое, чего я даже представить себе не мог окутало меня, свело судорогой руки и сдавило грудь. В ушах зазвенело тоненько и противно, перед глазами закружились звездочки. Я кое-как дополз до постели и потерял сознание, стараясь вернуться в эпоху разорванных воспоминаний, разделенных черными провалами памяти.

Но возраст брал свое: забыть прошлое мне больше никогда не удавалось.

Недавно мне приснился старый дачный дом. Я поднялся по скрипящим ступенькам на террасу, с изумлением вспомнив старый диван, покрытый клеенкой, растрескавшиеся подоконники, на которые я любил залезать в детстве и треснувшее стекло, по которому я ударил игрушечной саблей. Обеденный стол, за которым в меня впахивали овсянку и макароны по-флотски стоял все на том же месте, около входной двери. На стене висел выцветший от времени, но до сих пор неправдоподобно яркий охровый олень с рогами на фоне синего озера. Озеро и снежные горы на горизонте напомнили мне Йосемитский национальный парк. На стене все так же тикали ходики, и даже цинковое ведро около печки стояло на своем месте.

В доме пахло затхлостью, сад зарос, от кустов крыжовника ничего не осталось, а собачья конура куда-то исчезла. Около моей кровати лежал забытый в детстве остов машинки, собранной из немецкого конструктора – железная рама с винтиками и большие, пахнущие едкой резиной черные колеса.

– Вот вы где, – обрадовался я. – Я же вас целый год искал, все пытался из остатков конструктора что-нибудь собрать, да так и бросил.

Входная дверь скрипнула и через нее, радостно стуча грязными лапами по дощатому полу, и вихляя задом, в комнату ворвался Мухтар и бросился ко мне, облизывая руки и подпрыгивая.

– Хороший мой, Мухтарчик, – на глазах у меня выступили слезы. – Дождлся все-таки, псина. И надо же, совсем не изменился, как был щенком, так и остался, дурашка!

Теплое собачье тело прижималось к моему, счастье поднималось в груди, но неумолимые ходики пробили семь раз, налетел осенний ветер, и видение рассыпалось.

Я проснулся. За окном шумели деревья – поднялся сильный ветер. В стекло стучал холодный осенний дождик.

– Это хорошо, – подумал я, с трудом возвращаясь в реальность. – Значит к новому году в горах будут грибы.

СЕМЕЧКИН

Судьбу первых моих школьных лет решила простая закорючка, сделанная чернильной ручкой на листе бумаги. Закорючке этой предшествовало слово «Отказать», а листочек был заявлением директору школы. Школу и директора я помню смутно, меня привели туда, в прохладную тишину еще пустых коридоров, в которых висели портреты Пушкина с длинными бакенбардами, еще одного в пенсне с исключительно ироничным взглядом и третьего, совершенно мужицкого вида со светлыми глазами.

– Не кушал ни рыбы, ни мяса, – тихонько пропела мама.

– Пушкин? – нерешительно спросил я.

– Тише. Ни во что не вмешивайся, води себя вежливо. А лучше молчи. Запомни, директора зовут Максим Геннадьевич.

– Так слушаю вас, гражданка, – гражданин, выглянувший из кабинета директора, на мой взгляд, к своей должности совершенно не подходил. Череп у него был лысым, глаза жуликоватыми. У директора были исключительно мохнатые пальцы, покрытые неестественно длинными, черными волосами.

– Видите ли, Максим Геннадьевич. Мальчику будет семь лет в декабре. Я вас очень прошу. В сентябре ему еще будет шесть. А терять целый год обидно. Тем более, что он свободно читает, начал когда еще пяти не было. И вы знаете, сразу же взялся за взрослые книги. Прочел «Приключения Гулливера» от корки до корки. И арифметику знает неплохо.

– Читаешь, значит? – вяло спросил директор.

– Читаю, Максим Геннадьевич. Интересно.

– И считать умеешь?

– Умею. Даже таблицу умножения знаю.

– Что мне с вами делать... Вы знаете, гражданка, ведь дети должны в советской школе читать учиться. А вы что натворили?

– Я вас не понимаю.

– Вы, гражданка, подрываете образовательный процесс. Вот придет он в класс, сидят простые советские детишки, дети рабочих, начинают учить алфавит. Широка страна моя родная. А он умнее всех. Некрасивая ситуация получается. Что прикажете учительнице делать?

– Геннадий Максимович, я вас очень прошу. Ведь в следующем году...

– Вот в следующем году и приходите, – ухмыльнулся директор. – У меня инструкция из Министерства Образования, и нарушать я ее не собираюсь. Всюду, гражданочка, должен быть порядок.

– Жлоб. Чертов хам, – ругалась мама. – Придется все-таки отдавать тебя к бабушке. Там хоть и провинция, но люди нормальные. И школа хорошая, сестра твоя ее с золотой медалью закончила.

– Ура! К бабушке. Хочу к бабушке. А вы будете ко мне иногда приезжать?

Жизнь с бабушкой в детском сознании осталась вечной вольницей. Спать на сундуке, сверху постелен ковер, а внутри лежат сокровища – старые фотографии, пахнущие нафталином платья и серебряные ложки. За окном – деревья, во дворе пахнет травой, а чуть отойдешь – рынок и лес, за которым кусты орешника, овраг и пруды, в которых плавают карасики и бычки.

Директором моей будущей школы был человек, неуловимо напоминающий интеллигента в очках, увиденного в коридоре несбывшейся столичной школы.

– Ну, здравствуй, – он пожал мне руку, смутив до глубины души. – Сестру твою мы любили, умница. Золотая медалистка, поступила в МГУ. Не подкачаешь?

– Постараюсь, – смутился я.

– Читать умеешь?

– Умею.

– Что читал?

– Приключения Гулливера.

– А «Робинзона Крузо» читал?

– Нет еще.

– Прочти обязательно. Хочешь, я тебе дам, только с возвратом. – Директор открыл книжный шкаф и достал из него вытертую книжку в красном переплете.

– Спасибо. Я обязательно верну. Я быстро читаю.

– Ну и славно.

– Господи, святой он человек. Дай ему Бог здоровья, – выйдя из школы бабушка вдруг тайком перекрестилась.

Так я начал учиться в здании красного кирпича, неподалеку от городского дома культуры, горсовета, и странного заведения, имя которому было «физтех». Физтех тогда у меня прочно ассоциировался со странными дяденьками бледного цвета лица, которые брели от станции к институтским корпусам, бормоча что-то себе под нос и чертили в воздухе что-то видимое им одним.

После школы во дворе бегали, играли в красногвардейцев, лузгали семечки, курили, пили и чесали языки обитатели окрестных домов, от мала до велика. Первые навыки социального общения: недоступные девчонки с разбитыми коленками, парочка дворовых хулиганов из третьего класса (какими же большими они мне тогда казались), старухи, словно сошедшие с картин Нестерова про всяких странниц и отшельниц и представитель власти. Властью районного масштаба был председатель профкома товарищ Гвоздев с красным-прекрасным носом. Ходил товарищ Гвоздев в просторном костюме тех древних времен, то ли хлопковым, то ли парусиновым, и в шляпе. То ли из-за шляпы этой, то ли из-за костюма в памяти моей он остался маленькой копией Никиты Сергеевича Хрущева. Я даже не знаю точно, председателем какого профкома он был, но во дворе его уважали и побаивались. Стоило прорваться какой-нибудь трубе в подвале, или возникнуть воздушной пробке в батареях отопления, народ бежал к товарищу Гвоздеву, жившему во втором подъезде.

– Не волнуйтесь, товарищи, сейчас я наведу порядок, – отвечал гражданам слегка нетрезвый председатель. – Павел Иванович, – поднимал он телефон, который в те времена был редкостью. – Что творите? Истопник где. Где, я спрашиваю? Народ

мерзнет, жалуется. Будет? Так вот, я завтра лично проверю, в восемь утра. Всего доброго.

– Товарищи, – уверенно заявлял Гвоздев. – Идите спать спокойно, исполком разберется. А завтра я с них лично требую отчет по всей строгости нашего времени.

– Спаситель вы наш, – всхлипывала старушка с синяками под глазами. Ей– Богу, не знаем, что бы мы без вас и делали.

– Идите, товарищи, по домам, спать, а завтра к новым трудовым, как говорится, свершениям.

Но и у Гвоздева не все было в порядке. Однажды я застал его на берегу пруда с удочками. Рядом с товарищем Гвоздевым был его двойник–близнец, в таком же парусиновом костюме и шляпе. И председатель профкома, и двойник были слегка навеселе.

– А что, Ваня, не клюет рыба, – задумчиво обобщил незнакомец–двойник.

– Эх, Коля. Да не в рыбе дело. Я вот думаю иногда – ведь мы с тобой могли бы до министров дослужиться. И вдруг начали сволочи эту кампанию: это не то, то не это, понимаешь, жизнь ведь положил, а чем закончил?

– А чего тебе, Ваня, человек ты уважаемый, в должности. Любую путевку достать можешь. Я тебе советую – езжай, развлекись. В Крым, к примеру. Или на пароходе до Нижнего. А то и до Астрахани.

– Да не понимаешь ты. Ведь подставили меня, отодвинули, все заслуги забыли. Кто я теперь? Пенсионер Союзного значения. Хожу вот, карасей в пруду ловлю. Так и помру здесь тихонько, и никто не вспомнит. А ведь у меня министерство в руках почти уже было. И какое министерство...

– Уж и помирать собрался. Ты, Ваня, погоди. Может быть ветер еще переменится. Может они про нас, старых кадров еще и вспомнят.

– Валяй, валяй. Тешь себя надеждой. Лучше дочке квартиру выбей, пока можешь. Потом поздно будет.

– Ваня, твою так. Ведь клюет у тебя. Слышишь? Клюет!

– Ах ты, шельма. Ничего, от меня не уйдешь.

Сколько помню себя, ни разу из этого пруда не вытаскивали такого размера карася с золотой чешуей. Был он с приличную сковородку, сверкал на солнце и по–карасьи хлопал губами.

– Вот так поджарим его сегодня в сметанке, Коля. Вот повезло, – Иван Гвоздев забыл о своей карьере, обидах и шляпе. – А ведь прав ты, живем-то один раз. Надо бы за водочкой сгонять, такой улов отметить...

Запомнил я все это потому, что спустя месяц Ивана Андреевича Гвоздева хоронили под надрывные звуки оркестра. У председателя профкома неожиданно остановилось сердце прямо на заседании, и умер он с недокуренным «Беломором» в зубах.

Из нашего класса во дворе жило человек пять, и бегали мы стайкой. В те годы у мальчишек было легкое помешательство – самодельные ружья, стрелявшие «пульками» – кусочками алюминиевой проволоки. Делалось такое «ружье» очень просто – брался деревянный приклад со стволом, просверливалась дырка, в которую вставлялась гнутая проволока. Натягивалась резина... Резина была в большом дефиците, но наша соседка по коммуналке, тетя Надя работала на фабрике игрушек и как-то принесла мне целый моток этой дефицитной резиновой струны. Надо ли говорить, насколько возрос мой

авторитет. Теперь со мной дружили все, от мала до велика, стараясь получить кусочек дефицитной резинки.

Самым близким моим другом в этой дворовой команде стал Юрка Семечкин. Дружба наша началась довольно драматично – в середине первого класса мы подрались на школьной площадке, толком не помню уже из-за чего. Вначале мы лупили друг друга портфелями по головам, потом пытались зарыть противника в снег, но здесь нас поймал директор, проходивший мимо. Он вызвал в школу родителей.

Разбираться пришел Юркин отец – мрачный, небритый грузчик из продуктового магазина. И бабушка. Старушка была возмущена, говорила, что я позорю сестру – золотую медалистку. Сестра до сих пор висела в школьном вестибюле в самом центре красной звезды, которая должна была вести всех нас в светлое комсомольское будущее.

Юркин отец мрачно заявлял директору, что этого так не оставит, мне наkostenяет по шее, а некоторые (он смотрел на нас с бабушкой) вообще буржуи недобитые, и к тому же живут в шестиметровой комнате непонятно на каких основаниях.

– Вы уж извините, – говорил директор бабушке. – Что поделать, необразованный человек, алкоголик. Таких у нас немало, к сожалению.

– Да что вы, я все понимаю. Огорчает меня то, что внук дерется.

– Мальчишки должны драться, – сжал зубы директор. Не сердитесь на него, вот увидите, агрессивность пройдет.

С Юркой мы не разговаривали и смотрели друг на друга волком. Но тут в Доме Культуры случилась Новогодняя елка, взрывались хлопушки, школьникам раздавали корзинки с конфетами. Потом Юрка увязался за мной и мы пошли в тир Выстрел из духового ружья стоил две копейки. В кармане у меня лежала двадцатикопеечная монета.

– Давай так, – пять выстрелов тебе, пять – мне. И не будем больше драться.

– Спасибо...Руки у Юрки дрожали, десять копеек для него были настоящим богатством. Да и ходил он в штанах, доставшихся то ли от старшего брата, то ли от соседа, с заплатками на коленках, и ужасно этого стеснялся.

Мы подружались. Какие снежные крепости мы возводили во дворе, с лабиринтами и переходами, прорытыми в снегу, с башенками, за которыми удавалось спрятаться от снежков противника. Какие бои мы устраивали с пиратами из двенадцатого дома. А какие кораблики мы пускали весной в ручьях.

Потом распустились почки на деревьях и мы вдруг закончили первый класс. Только пели хором «Во поле березка», а теперь заладили «Широка Страна моя родная». В Доме Культуры крутили «Чингачгук большой Змей», я его обожал. А еще больше я обожал «Неуловимых Мстителей», которые только что появились в прокате.

Тем временем воробей на улице клевал извивающуюся гусеницу, пахло пылью, в актовом зале случилось торжественное собрание, и всем выдали красную ленточку с булавкой, на которой было написано «Второй «А». Бабушка по этому поводу купила нам с Юркой мороженое в вафельном стаканчике с розочкой за 19 копеек, и наступило лето.

Тут случился перерыв из совсем другой жизни – я вернулся в Москву к родителям, и мы поехали на пахнущем углем и тормозной жидкостью поезде черт его знает куда, короче на юг.

В Новом Афоне были галька на пляже, абреки с галунами, копченая рыба, кусты лаврового листа на станции, столовые, пахнущие люля-кебабом, шелковица, закаты, море и таинственная бутылка под названием «Букет Абхазии». Бутылку тщательно завернули в тряпки и положили в чемодан, дабы выпить в Москве. В конце августа мы сели на самолет и вернулись домой. Я предвкушал давно обещанный подарок – двухколесный велосипед «Школьник».

Отец тогда работал на Пушкинской площади, около кинотеатра «Россия». Первые попытки сохранить равновесие произошли там же, около памятника Пушкину. Собственно, все мое детство прошло на этих бульварах, и балансируя на странном средстве передвижения я вспоминал какую-то церквушку, детский сад, расположенный поблизости, старичков– шахматистов, сидевших на скамейках, кирпичные стены, которые возвышались за окном спальни и врезались в память, поликлинику, пахнущую карболкой и бесконечные, пахнущие пылью и хлебом улицы, поднимающиеся и опускающиеся на холмах.

Велосипед был привезен к бабушке в электричке с Савеловского вокзала. Отец поддерживал меня всю дорогу от станции до дома. Потом бегал по двору и ругался, потому что я упорно не понимал, что педали на велосипеде не прокручиваются и расставлять ноги в стороны совсем не обязательно.

Вечером во дворе догорал последний вечер августа. Кусты около дома были пыльными, бабуси постанывали на лавочках, потирая больные поясницы, а школьные друзья рассказывали о каникулах.

– А я на Черном море был, – похвастался я. – Жара жуткая, а потом шторм, волны огромные, размером до второго этажа.

– Ну ладно, будет врать. Таких волн не бывает, – сплюнул Коля Васильев.

– Ага, не бывает. Очень даже бывает. Мы думали, что наш дом в море смоем. Сели ужинать, а в окно волна и все смыла...

– А я у бабки в деревне был, – вступил в рассказы Вовка Сорокин. – Такая дура. Кричит, ругается, ничего не соображает. Дед от нее на охоту удирает и меня с собой брал. Я из настоящего ружья стрелял.

– И что, убил кого-нибудь?

– А как же. Двух медведей, – хвастается Вовка.

– Ха... – смеемся мы. – Двух медведей, мы так и поверили.

– Юрка, а ты?

– А я здесь все лето был, – Семечкин грустен. – Все разъехались, тихо стало, пусто. Вот, рисовать научился. – Он выдирает из тетрадки страничку, на ней явственно виден Сорокин и два удирающих мохнатых медведя. Они живые. И Вовка, и медведи, они бегут прямо на этой страничке.

– Здорово, – зевает Коля. А я открываю рот и не могу оправиться от удивления.

– Юрка, а что еще ты умеешь? Любовь Васильевну можешь нарисовать?

– Могу, – Юрка делает несколько движений карандашом и на чистой страничке стоит толстая тетя Любовь Васильевна, наша классная руководительница, рассказывающая школьникам о том, как широка страна наша родная.

– Ну надо же, как ты это делаешь. Я уже сам ее забыл, а ты...

– Не знаю. Я просто вспоминаю, и оно само по себе получается.

– Юрка, поганец. Быстро домой, а то убью...

- Мне пора, – бледнеет Юрка. – Батя опять нажрался.
- Расселись тут – Юркин отец с трудом стоит на ногах.
- Хоть бы детей постыдился, – крестится старушка в платке.
- А, е... – отец сползает на скамейку. – Что вы все... – Начинает он, но теряет нить.
- Бать, пошли. Пошли, ну прошу тебя. Вставай.
- Сучонок. Ты слышишь, что я тебе говорю? Слышишь?
- Пошли, батя. Прошу тебя.

Выходные закончились. И я как-то сам сел на велосипед и поехал. Мимо кирпичных домов, мимо дома моей одноклассницы Гали Бабушкиной, в которую был слегка влюблен. Мимо дворца пионеров, дома Культуры, школы, горсовета, физтеха, книжного магазина, станции, рынка, кафе «Чародейка».

- Держи его! Уйдет!

Передо мной стояли сельские хулиганы из нашей школы, перешедшие уже в четвертый класс.

- Эй, ребята, вы чего.
- Городской, сволочь. А ну, иди сюда.
- Ребята, – я судорожно вспоминал содержание прочитанных книжек и беседы с мамой, наставлявшей меня о правилах хорошего тона. – За что?
- Сука. Отдавай велик.

Меня били ногами. Не то, чтобы очень сильно и по голове, больше по ребрам и как-то нерешительно, чтобы не покалечить, а напугать.

Нос мне, впрочем, разбили основательно. Домой я добрался с разорванными штанами, рыдающий и окровавленный.

- Господи, – газовая сварщица тетя Аня открыла мне дверь. – Надь, Надя, посмотри, что со внучком Татьяниным сделали. Кто тебя так?
- Хулиганы какие-то. И велосипед отобрали, который папа подарил.
- А какие хулиганы? Ты кого-нибудь знаешь?
- Нет, незнакомые. – соврал я.
- Господи, бандиты оканные. Иди, умойся. Бабушка скоро придет.

В выходные приехал отец, и я рассказал ему о происшедшем.

- Не расстраивайся. Велосипед в крайнем случае купим новый. А Юру этого вашего жаль. Увидишь его, предложи сходить вместе на рыбалку.

Я выбежал во двор. Семечкин бродил между начинающими желтеть кустами, изредка ковыряя что-то ботинком.

- Юрка. – напрягся я. – Хочешь пойти со мной и отцом на рыбалку?
- Что? Правда?
- Правда. У нас лишняя удочка есть.
- Хочу.
- Привет, Юра, – сказал отец. – Ну пошли. Поможешь сумку нести?
- Да, конечно.

– Спасибо. Где у вас лучше всего червей копать?

– Смотря каких, – оживился Семечкин. – Если красных, то за станцией лежат гнилые бревна, их там полно. А если дождевых, то по дороге будет поле...

– А на каких рыба лучше берет?

– На красных.

– Тогда води к вашим бревнам.

Мы нарыли целую консервную банку отборных червей и пришли к пруду. Вода по осени уже становилась темной, воздух был прозрачным, листва золотой. От земли поднимался аромат, за который я сейчас, почти четыре десятилетия спустя, отдал бы все, что у меня есть – запах перегоя, грибных шляпок, хвои, березовой коры.

Клев начался сразу же. Это было волшебством, я ходил на этот берег почти каждый день, и Юрка тоже, и батя его, и все одноклассники. Один– два бычка – вся наша добыча. В этот день клевали золотые рыбки–карасики. Мы не успевали забрасывать удочки в воду.

– Вы что, волшебник? – испуганно спросил Юрка.

– Нет, – зевнул отец. – На самом деле это ты показал, где червей брать. А давайте, ребята, пообедаем. У меня бутерброды, с колбасой, с сыром, хотите?

– Хотим.

– И лимонад тоже имеет место быть.

Лимонад щипал в горле, бутерброды были потрясающе вкусными, а карасей мы наловили столько, сколько я ни разу не ловил в жизни.

Над прудами собрались тучи, потемнело и начал накрапывать дождик.

– Ребята, айда домой.

Как же вкусно пахнет, когда первые капли дождя прибивают к земле осеннюю пыль. Мы бежали мимо башенки над заброшенной усадьбой, мимо сельского магазинчика, расположенного в бараках неприглядного вида. Около станции продавали соленые огурцы, но мы добежали до подъезда, скрипнула дверь, запахло плесенью и кошачьей мочой, но в этом сумраке было уютно. Тем более, что на улице разыгрался ливень.

– Юра, а говорят, ты умеешь рисовать? – спросил отец.

– Умею немножко.

– Ну нарисуй меня, например. Вот у меня ручка есть, и тетрадка.

– Ну, вы. Вот такой.

Это был отец. Юрка по наитию схватил выражение его лица, будто размышляющее над чем-то, едва уловимый взгляд...

– Юра – Отец нахмурился. –.Послушай меня. Ты будешь известным. Я тебе обещаю. Только держись. Помни о том, что у тебя дар. Ты должен учиться. Слышишь?

– Спасибо

– Юра! Ты где шляешься?

– Ой, маманя сердится. Я здесь!.

– Ну–ка домой, быстро!

– Юра, если что, дай знать. Ты должен учиться, у тебя талант, огромный. Это от Бога, как завещал Ленин, не знаю. Прошу тебя, держись. Если что я тебе помогу, беги к Сашке, вы же дружите.

– Спасибо. Мне пора, правда.

– Пойдем, – вздыхает отец. – Гениальный парень. Хорошие друзья у тебя. Молодец. А за велосипед не переживай.

Через пару дней Юрка постучал в мою дверь.

– Ты не обижайся, что я во дворе не гуляю. – прошептал он. – Батя не велит, ругается. Ты же знаешь, что с него взять.

– Угу, – сглотнул я. – Я и не обижаюсь ни чуточки.

И тут дожди закончились и наступило бабье лето. Второй «А» класс в полном составе повезли на экскурсию в подмосковный город Клин, в краеведческий музей, в котором стояли фарфоровые супницы и хрустальные графины, а графини и князья иронически прищуривались со старых портретов.

А на станции резали свинью. Прямо около поезда, из которого с ужасом выглядывали ученики начальной школы. Свинья была мохнатой и дергала волосатыми лапами, похрюкивая в недоумении. Волосатость этих копыт напомнила мне директора Московской школы, написавшего на заявлении «Отказать».

Ноги у хавроньи были связаны, потом мужик в телогрейке воткнул в нее нож, и раздался дикий, почти что человеческий крик боли, который вот уже три с лишним десятилетия стоит у меня в ушах...

Тем вечером в нашу дверь постучали. На лестничной клетке стоял Юркин отец. Он как всегда был пьян.

– Ну, сволочи, что с сыном сделали? Художник, говорите? Убью!

– Слушайте, успокойтесь, мы милицию вызовем. – Возмутилась бабушка. – Что вы себе позволяете?

– А вы что позволяете, гады. Мальца увели, колбасой подкормили. Будто родной отец его не кормит. Не волнуйтесь, на вас управа найдется. Я может быть в горсовет пойду.

– Подите лучше проспите. Никто у вас ребенка не уводил, а какой пример вы ему подаете – еще надо разобраться.

– Разобраться. Я те разберусь... Ежели еще про его мазюльки будете сопли разводить, я вас всех...

Но тут на лестничную клетку вышел наш сосед Виктор Васильевич и врезал Юркиному отцу по физиономии весьма основательно, отчего тот присел на кафельный пол, всхлипнул и уполз по лестнице вниз.

В те времена о политической корректности никто понятия не имел, и даже классовая борьба представлялась ограниченным мордобоем между силами добра и зла.

К годовщине Великой Октябрьской Социалистической Революции наш класс повезли на Красную площадь. Царь-пушка, Царь-колокол, то ли история, то ли осенний сумрак, то ли политые кровью стены, но мне было не по себе.

На обратном пути электричка пахла потом, перегаром и Беломором. Кто-то играл на гитаре, мужики, которые теперь показались бы мне мальчишками пили и веселились.

На нашей платформе образовалась заминка – около перехода толпилась милиция, рыдали бабы.

– Не смотрите. Не смотрите! Уведите детей.

Что-то красное, кровавое с омерзительным оттенком желчи лежало на рельсах.

– Пьяный был. Полез прямо под поезд, – причитал кто-то. Пытались его удержать, но куда там.

– Бааатяя, – у Юрки глаза вылезли из орбит и он бросился к этому перемолотому под поездом телу. – Папка, ну что ты, ну не смей, ну папка.

– Ой, батюшки, – сочувственно заголосили бабы. – Сынок нашелся. Батюшки...

Не помню, как я дошел в тот день домой. Вяло сказал бабушке, что Юркиного отца переехала электричка.

Юркина мать вскоре спилась. Она сидела около подсобки для грузчиков с утра до ночи, спала на улице, материлась и Юркой совсем не занималась. Кормили Юрку соседи, частенько он ночевал у нас на полу, а иногда мы с ним менялись – сегодня ты спишь на сундуке, завтра – я.

Не помню точно, когда это случилось, но Юра Семечкин разучился рисовать. Дар Божий ушел из него, или притаился, не знаю. Танки, автомобили, поезда и школьные учителя в его тетрадке стали гротескными, как и должны были быть, с непропорциональными руками и толстыми талиями.

Потом Юркину мать посадили за кражу – очень хотелось супа, а кафе было закрыто. Юрку отправили в интернат куда-то в Забайкалье. Больше я никогда его не видел.

Остался лишь тот прозрачный осенний день, когда каждый из нас поймал с десятков золотистых карасиков, а Бог разговаривал с нами. И день этот до сих пор стоит перед глазами.

Пару лет тому назад я посетил места моего детства, и этот берег, с которого мы закидывали удочки, и рынок около станции, и двор, в котором мы жили. Все изменилось, только арка под домом до сих пор звенит эхом. Благодаря этой арке я и узнал дом своего детства. Когда-то мы в ней топали своими детскими сандаликами и кричали, прислушиваясь к эху.

На обратном пути в Москву Димка гнал свои «Жигули», и недоезжая до Химок я увидел огромный портрет Ленина. Ильич возывшался над каким-то сельским ангаром, половина транспаранта покрылась черной плесенью, но облик Ульянова с классическим партийным прищуром пережил десятилетия разброда. Транспарант смотрелся нелепо среди торжества мелкого лавочного капитализма. Потом я вздрогнул и вспомнил, что видел этот портрет в детстве, когда ездил с бабушкой на автобусе из Долгопрудного в Москву. Все изменилось, и ничего не изменилось, потому что время было и есть и всегда течет в вечности, или в воронке, и совершает вечный цикл от начала и до заката.

ДЕРЕВО ДЕТСТВА

1.

За год до столетнего юбилея Ленина партия с правительством решили, что пора решать проблемы коммунального быта строителей коммунизма.

На окраинах городка, за магазином «Культтовары» и «Овощи-Фрукты» построили квартал пятиэтажек. Руководил застройкой наш сосед по коммуналке Иван Алексеевич (дядя Ваня), который по совместительству работал главным инженером строительного управления. Рядом с хрущобами были возведены две типовые школы из блочных конструкций, детский сад и двухэтажный магазин «Юбилейный». Магазином этим грядущее столетие Ильича оставило свой отпечаток на прошлом.

На первом этаже «Юбилейного» продавались клюква в сахаре, желтые, пахнущие вечностью макароны, подсолнечное масло с мутным осадком, рыбные консервы и докторская колбаса. На втором предлагался одеколон, школьная форма, ботинки, туфли на каблучках, подушки, строгие мужские костюмы и платья.

Бывшую коммуналку расселили по двум соседним пятиэтажкам. Забыты были кухонные склоки: по выходным бывшие соседи собирались вместе. Мужики пили, дети носились около подъездов, а усталые женщины обсуждали ассортимент местного универсама.

Гулять в новом микрорайоне было негде, разве что прыгать по бетонным блокам очередного дома, который строился на пустыре. Из детских развлечений эпохи массового строительства мне запомнились эксперименты с карбидом. Карбид считался ценностью, его разыскивали на стройках, порой с риском для жизни залезая на скелеты будущих многоэтажек. Найденное вещество обменивали на фантики от конфет и сигареты. При погружении в воду карбид шипел и взрывался. Другим развлечением была выплавка свинцовых бит и грузил из оплетки электрического кабеля.

Бабье лето в том году затянулось. Дождей не было, деревья стояли в золоте, вечера были прозрачными и воздух пах ароматным дымком.

Каждый день после уроков мы убегали на любимую поляну за железнодорожной станцией. Поляна была светлой, солнечной, с высоченными старыми березами и молоденькими елочками. Метров через триста от станции поляна упиралась в забор с колючей проволокой, за которой прятались госдачи всякой шушеры, мелких бесов времен позднего Сталина и раннего Хрущева. За дачами тянулись бескрайние поля, дубовые леса, заросли орешника, сосновые перелески, пруды и озера.

У нас было свое любимое, заветное дерево: невесть каким образом выросшая посреди березовой рощи кряжистая сосна. Под ней всегда пробивались из-под иголок подберезовики и даже белые: каждый год мы собирали около корней с десятков крепких грибов. Бугристый ствол с выступами от веток, обломанных предыдущими поколениями

школьников манил ловких и смелых. Чуть повыше ветки были толстыми и надежными, мы привязали к ним толстую витую веревку, соорудив что-то среднее между качелями и виселицей. Под ветками нашей сосны мы грызли семечки, качались, флиртовали, играли в войну и шпионов.

– Признавайтесь, куда это вы все смотрите? – строго спрашивала неприступная Люба Пухова, моя очередная школьная любовь. – Как вам не стыдно?

Стыдно нам не было. Мужская часть компании заворуженно смотрела на детские ноги с расцарапанными коленками и задирающийся школьный фартук.

– Любка, завязывай. Ты уже давно качаешься, имей совесть. – Галя Бузакина сердилась. Возможно потому, что ей хотелось, чтобы мы смотрели и на ее коленки.

– Бузакина, чья бы корова мычала... Кто вчера целый час качался? Ну да ладно, садись. Паша, пойдем, прогуляемся?

Это была женская месть. Люба Пухова знала, что Бузакина равнодушна к Паше Чумакову.

– Я тоже хочу прогуляться. – попытался примазаться я к намечающемуся любовному многограннику.

– Вот еще. Нам с Пашей очень надо поговорить наедине.

– Ну и ладно, не очень-то хотелось, – поморщился я и сделал вид, что меня все это не касается.

Хотя все это меня касалось. Этот Пашка и красивым-то не был: толстенький живчик к румяным щекам, знающий все на свете. Педагоги его обожали, называли «наш энциклопедист». С Чумаковым сравниться не мог никто. Память его цепко хранила все: от даты Куликовской битвы до мощности моторов, стоявших на вооружении танков Гитлера во время войны.

– Все девчонки дуры, – крутилось у меня в голове. Все до одной. А вдруг они там теперь целуются? Вот, скажем, Чумаков обнимает Любу и...

Как мужчины с женщинами целуются я видел только в кино. Но одна мысль об этом приводила меня в странное состояние оцепенения.

Я добрал почти что до края поляны, лениво ковыряя ботинком вылезшие после дождя мухоморы.

– Обиделся? – Меня догнала Галя Бузакина.

– Подумаешь, – пожал я плечами. А чего ты с качелей ушла?

– А, ерунда. – Галя поморщилась. – Думаешь я не вижу, как ты по Пуховой сохнешь? Хочешь я тебе одну тайну расскажу? Про Любку. Тебе будет очень интересно.

– Хочу, – в груди что-то сладко заныло. – Сейчас она расскажет, что видела, как они с Пашкой целовались, – подумал я и приготовился к самому худшему..

– Хорошо. Только никому не протрепись. Поклянись!

– Могила.

– Ну смотри. Обманешь... Короче, слушай... – Галя перешла на шепот. – Так вот. Я вчера классный журнал в учительскую относил и случайно услышала, как Клавдия Васильевна с директором разговаривала. Чумаков заболел и скоро ложится в больницу. Надолго... Клавдия говорила, что может быть он всю четверть пропустит.

– Ну ничего, Пашка не отстанет. Он все на свете знает.

– Какой же ты глупый... Пока Чумаков будет в больнице, ты сможешь с Пуховой гулять. А я Пашу в больнице навещать буду... Согласен?

– Смотри, как ты все ловко придумала. Согласен, конечно.

– Только молчок! – Галя приложила палец к губам. – Никому!

Домой мы возвращались уже в сумерках.. Сашка Астахов ухмылялся и с заговорщическим видом доставал из кармана пачку папирос «Дымок», украденных у отца. Курить я отказался, не до того было. В соседнем подъезде живет эта красавица с пухлыми губами и серыми глазами, она наверняка сейчас тоже сидит за столом и ужинает... Я мечтал о том, как мы пойдем гулять, а еще лучше – сходим в кино. Если и есть на Земле совершенство, так это она.

– Даже свои любимые пельмени не съел. – Ворчала бабушка. Что мне с тобой делать...

2.

Через несколько дней Паша лег в больницу на обследование. Еще через неделю я стал первым учеником в классе, и Люба приняла мои ухаживания. Теперь я был ее фаворитом, заняв место Чумакова. В субботу я набрался храбрости и пригласил Любу в кино на какой-то фильм про индейцев.

– Я вообще-то хотела Пашку проведать, – смутилась Люба.

– Успеешь еще. Знаешь, какой фильм интересный. Там, говорят, индеец всех победил, а собака схватила бандита за штаны и укусила. Весь зал смеялся.

– Правда? Давай сходим. Спасибо...

Я летел домой на крыльях сам не знаю чего. Жизнь казалась полной смысла, улицы – просторными, а вселенная и вовсе бесконечной.

Закончилось все внезапно. Бабушка слушала по радиоточке свою любимую передачу «Встреча с песней», которая начиналась мелодией «За околицей бродит гармонь». Светил прожектор со стороны «Водников». Пахло дымом. Я стоял на балконе, смотрел на змейки освещенных желтыми клеточками окон электричек, и жевал виноград. Виноград был странный: длинный и приторный с горчинкой.

В электричках куда-то ехали взрослые. Некоторые из них направлялись из Москвы, другие в Москву. Мне пришло тогда в голову, что надо просто поменять их местами и никому не нужно будет бежать на станцию, садиться в поезд и дремать в вечерних вагонах, освещенных тусклыми лампочками.

Неожиданно огоньки начали расплываться. Дышать становилось все труднее, перед глазами заплесала неоновая вывеска «Юбилейный».

– Бабушка, худо мне.

– Господи. Что с тобой?

Я проснулся ночью от странного чувства. Казалось, мое тело распирает что-то изнутри, будто во мне находится надутый воздушный шарик. Голоса звучали в голове, но раздавались откуда-то издалека.

– Что с внучком –то?

– Воды, воды ему дайте.

– Водки ему, а не воды.

– Молчи, пьяница.

– Немедленно в больницу.

Что было потом я не помнил, и вдруг услышал женский голос.

– Руку давай.

– Что? – испугался я.

– Сожми кулачок. Слава богу, проснулся наконец. Укол делать будем, вот что. – подмигнула мне молоденькая, внушительных размеров сестричка.

– Ой, а где это я?

– В больнице. Будешь у нас лечиться.

– Вот черт, – подумал я. – А как же Люба?

В голове звенело. Я лежал в палате. Вместе со мной палату делили несколько мальчишек. Кто-то спал, кто-то кряхтел, остальные синхронно ковыряли пальцем в носу.

– Вынули пальцы из ноздрей. Завтрак! И чтобы не сорили мне тут! – дородная тетка вкатила в палату тележку с подносами. – Кто будет хлебом швыряться на обед шиш с маслом получит!

На тарелках лежал серый хлеб, кусок сыра и ломтик сливочного масла...

– Сыр, – обрадовался я. – Сыр, сыр...

– А ну-ка, шкет столичный, убери руки! – искаженное лицо с заячьей губой появилось около тарелки. Судя по пробивавшимся над губой усикам, обладатель заячьей губы был класса из пятого, или даже из шестого.

– Почему? – испугался я. – Я есть хочу.

– А потому что мне твоя морда не нравится. Не видел я тебя никогда. И запомни: никаких лишних вопросов. Дошло?

– Дошло. То есть понял. То есть зарубил на носу.

– А может тебе «темную» для профилактики устроить, пацан? Чтобы знал, как старших уважать?

– Ишь ты, какой храбрый, – я решил блефовать. – Ты давай, устраивай. Я ребят со двора позову, они тебе покажут. Они в восьмом «А» учатся, а я им... – я запнулся, придумывая что-нибудь такое, – настоящий бензиновый двигатель от мопеда помог запустить.

– Вот это да – Заячья губа слегка утратил боевой пыл. – А ты чего, тоже местный? В какой школе учишься?

– В пятой.

– Ну ладно, бить мы тебя пока не будем. Читать умеешь?

– Умею.

– А я до сих пор не научился, – загоготал парень. – Почитай нам вслух. Отличная книжка про шпионов.

– Ну и пожалуйста, – обрадовался я. – Я про шпионов и сам книжки люблю.

Будущие бандиты уселись около кровати, завороченно слушая рассказ про храброго чекиста и вражеского разведчика.

– Вот ведь, Бляха, – вздохнул заячья губа. Был бы у меня пистолет, я бы я бы такое сделал... А ты где так здорово читать научился? Здесь у нас лежал один вроде тебя, только его перевели в другую палату.

– А как его звали? – спросил я, чувствуя, что заранее знаю ответ.

– Не помню, Пашкой, кажется. – зевнул парень.

3.

После завтрака я подошел к санитарке, сидевшей в больничном коридоре.

– Тетенька, а вы случайно не знаете, где здесь Павел Чумаков лежит, мы с ним в одном классе учимся.

– Дружите что ли? Дело хорошее. Вон в той палате, около лестницы. Только если он спит – не буди, а то он совсем слабенький, бедняжка.

Я приоткрыл дверь оказался в комнате, пахнувшей хлоркой и эфиром, тоскливым больничным ароматом. На койке около окна лежал Пашка, я поначалу его не узнал, детское лицо его осунулось, розовые щеки побледнели.

– Ой, привет, – он вздохнул и повернулся на подушке. – Ты чего, тоже заболел?

– Привет, Пашка. Я вроде отравился чем-то. А ты как себя чувствуешь?

– Да ничего, слабость только. А что в школе делается?

– Все нормально. Вот будет праздник строя и песни. По математике – дробь проходим.

– А к нашему дереву ходите?

– А как же. Почти каждый день.

– Везет вам. А я, боюсь, уже не попаду. Пока выпишут, глядишь дожди пойдут и холодно станет.

– А ты выздоравливай поскорее. Уже все учителя говорят – вот был бы Чумаков, он бы вам всем нос утер.

– Спасибо. – Пашка устал от разговора, лоб его покрылся испариной. – Я посплю немного, ладно?

– Ага, я еще вечером зайду.

– Да, – Пашка как-то напрягся. – Ты Любе передай, пусть заходит.

– Передам, – сказал я, чувствуя угрызения совести. – А Галя Бузакина тебя навещает?

– Заходит, – улыбнулся Паша. – Слушай, он приподнялся на кровати. – Пуховой обязательно привет передай, ладно?

– Конечно, Паша. – Почему-то мне стало стыдно, я понимал, что меня скоро выпишут, а он останется лежать в этой больничной палате.

Через несколько дней Заячья губа вылечился и был выпущен на свободу. Меня поили хлоридом кальция, димедролом и делали уколы. Через неделю болезнь отступила.

Когда меня выписывали, врач объяснил, что узбекский виноград был спрыснут какой-то вредной химией для избавления от насекомых, а вместо насекомого жертвой

химикатов оказался я. Но беспокоиться уже не о чем, потому что отек спал, яд вышел из организма. Вот только аллергические реакции могут остаться.

Бабушка кивала головой, а я не выдержал и спросил: «А что там с Пашей Чумаковым?»

– Чумаков? Мы делаем все, что можем, – нахмурился врач.

– А когда его выпишут? – не унимался я, чувствуя себя предателем. С одной стороны я хотел, чтобы Пашку поскорее выписали, с другой...

– Боюсь, что с окончательным диагнозом подождать, – нахмурился доктор.

– Веди себя прилично, – рассердилась бабушка. – И не отвлекай доктора от работы.

– Куртку одень, похолодало, – бормотала бабушка. Меня поразил холодный, прозрачный воздух и ощущение бесконечности пространства. По улице куда им вздумается шли люди, понятия не имея о том, что творится за кирпичными больничными стенами..

4.

Класс наш начали готовить к празднику строевой песни, и обнаружилось, что петь хором и маршировать я совершенно не умею. Наша новая пионервожатая, тоже Люба, в коричневом платье, хлопчатобумажных колготках и прыщами на лбу, оказалась прирожденной комиссаршей.

– Левой, Левой. – Визжала она. – правой. – Тех, кто ошибется не примут в пионеры. Равнение направо. Шагом марш! Запевай!

После репетиции я подошел к Любе Пуховой.

– Привет, – она улыбнулась мне. – Выздоровел?

– Люба, – я сделал над собой усилие. – Ты знаешь, я в больнице Пашку видел.

– Ой, правда? Как он там? Скоро вернется?

– Не знаю. Похудел немного. Сказал, что будет рад, если ты его навестишь.

– Слушай, какая же я нехорошая, – Люба покраснела. Все собиралась, да так и не сходила. Стыдно.

– Короче, он тебя ждет, – пробормотал я и подумал, что такого идиота еще надо поискать на поверхности нашего шарика.

На улице начались осенние дожди. Мы убегали на стройку, прятались среди бетонных панелей будущих пятиэтажек. В один из сумрачных дней, когда дождь льет с утра до вечера, а сумерки за окном начинаются днем, бабушка уехала в Москву. Ключ лежал под ковриком, котлеты в холодильнике. Уроки делать не хотелось, и я включил телевизор.

В голубоватой глицериновой линзе пел народный хор. Бабы в стилизованных кокошниках залихватски подмигивали и приплясывали. Я достал из портфеля учебники, разложил их на кухонном столе и вздрогнул от дверного звонка.

На лестничной клетке стояла Люба Пухова. Она дрожала, волосы ее намокли.

– Привет, Ты знаешь. Паша.

- Что? – Испугался я.
- Пашка умер.
- Как? – Я ничего не понимал. – Как умер?
- Я не знаю. В больнице. Мне только что Клавдия Васильевна сказала.
- Почему?
- Я тоже не понимаю. Я же его навещала несколько дней назад. Он просил сходить к нашему дереву, помнишь, где мы играли. Покачаться за него.
- Надо же, он и меня об этом просил.
- Побежали...
- Сейчас? Такой ливень на улице.
- Побежали, пожалуйста. Я тебя очень прошу.

Я не узнавал городок. Пелена дождя то обрушивалась перед нами, отделяя прошлое от будущего, то исчезала, испаряясь на глазах, дома ветшали и строились одновременно, к подъездам подкатывали «Волги» с новорожденными, и отъезжали автобусы с гробами. Мне было жутко, больно, сладко и странно одновременно.

Трава на дорожке, ведущей в рощу от станции была мокрой, тропинки размокли от дождя, на ботинки налипли комья грязи.

– Ну, вот мы и пришли, – Люба вдруг успокоилась. – Давай представим себе, что все приснилось, ладно?

– Давай.

– И как будто Пашка здесь. Привет, Чумаков. Ну что ты стоишь, ну подтолкни же меня... – Платье ее вымокло и облегалo детскую фигуру, острые плечики и худые ноги. – Еще. Еще, сильнее. Еще выше. Закрой глаза. Хорошо. Все, не хочу больше качаться. Стой.

Я придержал веревку.

– Спасибо. – Люба вдруг прикоснулась губами к к моей щеке.

Дыхание у меня перехватило и тоже прикоснулся к ней губами, не помню даже куда, то ли в лоб, то ли в щеку, по которой стекали капли дождя.

Это был первый поцелуй в моей жизни.

– Вот и все. – Устало сказала Люба. – Я совсем замерзла. Проводи меня домой.

Через два месяца родители нашли обмен и мы с бабушкой вернулись в Москву. Любу Пухову я больше никогда не видел.

5.

Я вернулся в этот городок только через тридцать пять лет. Поляна за станцией превратилась в заросший до безобразия лесок, мимо прудов проложили асфальтовую дорогу, по которой гордо катились «Ауди» и «БМВ».

– Ну как, узнаешь родные места? – спросил Димка. Собственно, ему поклон – он привез меня в детство, он меня из него и увезет через пару часов.

– Погоди. Балконы узнаю. Пятьдесят лет подряд один и тот же вечный пластик в трещинах. Здесь мы снежные горки строили. А двор такой маленький почему-то. Знаешь, я помню, как однажды пошел град, градины были огромными, лежали на земле и таяли и от них шел пар.

– Пойдем на станцию. Рынок посмотрим.

На рынке, как и тридцать лет назад сидели бабуси с вениками и вязаными шапочками. Разве что ларьков стало больше. За станцией начинался заросший подлесок, загаженный окурками, обрывками газет и всяким хламом..

– Я ничего не понимаю. Ничего. Ведь здесь была поляна. Березы, простор, солнце, а это что за биомасса?

– А ты чего ожидал?

– Ну как же так? Ведь такой свет был, как у Куинджи. И елочки мохнатые, у меня же с детства в башке застряло, что «в лесу родилась елочка» – это должно было быть отсюда.

– Бурьяном все поросло. Обычно так после пожара бывает.

– Стой! – Как будто интуиция вела меня, потом я понял, что это был старый березовый пенёк, около которого бомжи жгли костер. – Я помню. Здесь направо.

– Куда же направо. Там сплошная чаща, через кусты не пролезешь.

– Пролезешь. Сюда!

В заросшей рощице стояла наполовину высохшая сосна. Та самая, дерево моего детства. Слегка обгоревший ствол я узнал сразу же. Смолистые, вывернутые ветки. От обрубков, на которые мы в детстве набрасывали веревки и качались остались причудливые вмятины, похожие на глаза лесного чудища. Мощные корни уходили в стороны, презирая разросшийся кустарник.

Около дерева сидели на траве и курили две слегка нетрезвые тетki неопределенного возраста. Они недружелюбно уставились на незваных гостей.

– Эй, чего надо? Давайте, мужики, валите отсюда, – одна из женщин рассердилась.

Я с ужасом всматривался в помятое, грубое лицо. Казалось, что серые глаза были похожи на глаза девочки, в которую я был влюблен в детстве.

– Люба? – с испугом спросил я.

– Какая я тебе Люба, – рассердилась женщина. – Чего пристал?

– Извините, обознался.

– Ходят здесь...

Я подошел к дереву и прикоснулся пальцами к шершавой коре.

– Эй, ты чего, на голову больной? – С любопытством посмотрела на меня тетка с серыми глазами.

– Вы случайно не знаете, сколько лет живут сосны? – неожиданно спросил я.

– Нет, точно псих. – вступила вторая тетка. – Я как его увидела, сразу поняла – из психушки сбежал. Слушайте, мужчина, дайте лучше рублей тридцать на пиво.

– Лет сто, а может быть и двести, – бормотал я, не обращая на женщин внимания. В ушах отдавались эхом едва слышные далекие голоса, как бывает в гулком соборе, в котором разговаривают шепотом. Будто мазками невидимой кисти импрессионистов в воздухе прорисовывались фигуры детей, качающихся на ветках, прыгающих около ствола и с испугом прячущихся от свинцовой тучи, наползающей с горизонта.

Я погладил сухую кору и прикрыл глаза. Высохший ствол, давно обрубленные ветви. Так и все мы, потерянные, забытые, разъехавшиеся по разным городам и странам. Но ты еще живешь, и мы тоже. Все мы отсюда, как ни крути, и возвращаемся к тебе в мечтах и воспоминаниях. Дерево моего детства... Спасибо, что стоишь до сих пор, ты мне снишься ночами, как любимые женщины.

МАРКСИСТЫ

1.

Сентябрь встретил учеников десятого класса углубленным изучением общественно-политических дисциплин. Причин тому было множество – напряженная международная обстановка, тяжелейшая битва за урожай, инструкции ГОРОНО, и новая учительница обществоведения.

Началу учебного года предшествовали месяцы свободы и чудных открытий. Моя сестра наконец-то дождалась кооператива в Теплом Стане, рядом с югославским магазином «Ядран». Новый девятиэтажный дом, восьмой этаж, светлые коридоры, пахнущие краской, потрясающая перспектива из окна – половина Москвы, лесной массив, шпиль университета. И книжные развалы, перевезенные из университетского общежития – наследие оттепели и умеренно-оптимистичных ранних семидесятых. Библиотека фантастики, Стругацкие, ксерокопии первых изданий Булгакова, жизнь Замечательных Людей. За эти месяцы, казалось, я прожил целую эпоху.

Теперь все летние радости в прошлом, хотя и недалеко. Утром мы влезаем в казенную школьную форму: синие брюки и пиджак с металлическими пуговицами.

К школе можно пройти двумя путями. Первая дорожка идет в гору, между двух пятиэтажек, в одной из которых живет мой старый приятель Гоша, а в другой наши школьные красавицы – Галя с Танюшей. Танька живет на третьем этаже, Галя на пятом, и мы с ними вечерами флиртуем – я достаю подзорную трубу с двадцатикратным увеличением, а девочки делают вид, что меня не замечают.

Но мы с Серегой пойдем в школу другим путем. Окружной путь этот пролегает мимо телефонной будки и котельной. Нормальные герои всегда идут в обход. Серега – мой лучший школьный друг. До сих пор помню, как мы познакомились. Случилось это в физкультурной раздевалке, расположенной в школьном подвале.

2.

В раздевалке пахло слегка подтекающей канализацией и юношеским потом. Мы натягивали синие физкультурные штаны и зашнуровывали кеды китайского образца. Бегать кросс по школьному стадиону не хотелось.

Мальчишки обсуждали девчонок, которые наверняка переодевались где-то совсем рядом, за толстой подвальной стеной, неловкими движениями освобождаясь от школьной формы. Еще обсуждали заграничную жизнь. Перед физкультурой был урок английского, на котором полная и румяная Генриетта Сергеевна демонстрировала

ученикам фильм про Лондон и Темзу. В этом учебном фильме широкоплечий ученик и стройная ученица катались по Темзе на кораблике и говорили на хорошем Оксфордском английском.

– Вот стану хоккеистом, – Генка Захаров занимался в спортивной секции ЦСКА, – обязательно поеду в Англию. Как в кино показывали, сяду на парходик и прокачусь по матушке–Темзе. И Маринку с собой возьму...

– Вообще-то Темза мужского рода. Поэтому в английском правильнее говорить «Батюшка–Темза» – юношеским баском, вполголоса сообщил Серега.

Серега был «новеньким» – он недели две как пришел в наш класс, и слегка чурался окружающих.

– Чего заливаешь? Сейчас как дам в ухо, будешь знать.

– Я не заливаю, – сжал зубы Серега. Темза действительно мужского рода.

– Точно, Генка, – вступился я. – Я тоже об этом слышал.

– Напридумывают, – оскалился Захаров. Батюшка Темза. Чтобы река мужского рода была. То ли дело у нас: Волга–матушка.

– А Енисей? – Ехидно спросил я.

– Умные все больно пошли. Козлы, – Генка сплюнул и вышел из раздевалки.

– Спасибо, – Серега зашнуровывал кеды. – Ты давно здесь учишься?

– С четвертого класса. А ты откуда приехал?

– Родителям наконец квартиру дали, а до этого я у бабушки жил на Проспекте Мира. Отец все время в командировки ездил, только что из Америки вернулся.

– А кто он у тебя? Дипломат что ли?

– Да нет, он профессор. Биолог. Хочешь, заходи в гости, я тебе американские игрушки покажу, и пистолет духовой. Стреляет как настоящий.

– Спрашиваешь, – согласился я.

Жил Серега в скромной двухкомнатной квартирке около самой линии железной дороги. Игрушки меня разочаровали – машина, поезд и ракета с американским флагом. Зато Серега угостил меня настоящей американской жевательной резинкой и дал подержать в руках спортивный пистолет. Пострелять нам удалось всего один раз – последние холостые пули, теперь надо было ждать следующей зарубежной командировки отца.

3.

По утрам мы встречались перед началом занятий – Сережкин дом был чуть дальше моего. Местом нашей встречи, которое изменить нельзя, хотя фильм этот появился значительно позже, была телефонная будка, около которой школьники закуривали первую сигарету.

Сигареты у Сереги были хорошие – «Кент», который в те годы достать было невозможно. Лето он провел у своего дядюшки в Ленинграде. Дядька этот, загадочная и романтическая фигура на шахматной доске уходящего века, по долгу службы занимался чем-то связанным с портами и морями. Племянника он обхаживал как мог: из

Ленинграда Серый приехал с блоком импортных сигарет, чемоданом западных пластинок и колодой порнографических карт. Еще он уверял меня, что потерял в Ленинграде девственность, черт его знает, скорее всего привирал.

Тем солнечным осенним утром все было как обычно. Жители микрорайона спешили по своим делам, вот и Серега появился на асфальтированной дорожке, и помахал мне рукой. У него была походка кряжистого Вологодского мужичка, приземистая и внушающая уверенность в правильном выборе центра тяжести чуть ниже пояса.

– Ну, как дела? По Кенту? – Спросил он и протянул мне пачку сигарет. Держи, пока не кончились. Хороший все-таки табачок. Что день грядущий нам готовит?

– Перед смертью не накуришься, – мрачно ответил я.

– Что так пессимистично?

– А ты забыл? Обществоведение. Опять Вера нудить будет.

Вера Семеновна – наша новая учительница по общественно-историческим наукам. В отличие от мирной, советской до мозга берцовых костей Нины Ивановны, которая в прошлом году размеренно бубнила себе под нос главы из учебника, Вера горела идеологическим огнем и (что гораздо хуже) пыталась зажечь им учеников. Откуда она такая взялась точно никому не известно. Говорили, что Вера много лет преподавала историю КПСС в каком-то институте в Сибири, пока мужа не перевели на ответственную работу в Москву. Сибирским студентам повезло, а московским школьникам выпала черная метка.

Стоило седовласой и худой Вере начать рассказывать про какой-нибудь партийный съезд, как щеки ее покрывались румянцем, в голосе появлялись железные нотки, а глаза закатывались. Она не вела урок, она шла на свой последний и решительный бой. В этом гипнотическом трансе она часто делала смешные оговорки. До сих пор помню ее фразу: »Тема сегодняшнего урока – Коммунистическая партия – организатор и вдохновитель Великой Отечественной войны«.

Гораздо хуже было то, что в своем стремлении выковать учеников новой коммунистической формации, Вера устроила факультативные занятия и всячески внедряла дополнительную внеклассную работу: написание рефератов, глубокое изучение причин каких-нибудь отклонений от линии партии. Работа эта, тем не менее была обязательной, а невыполнение ее приравнялось к предательству Родины.

По понятным причинам, директор школы Веру всячески поддерживал, и слух о ней дошел до райкома партии, и до ГОРОНО. Говорили, что о Вере должны написать статью в газете, а опыт ее внедрить повсеместно в Московских школах.

Урок начался с изучения теории социалистической революции. Я посматривал на одноклассниц, записывающих отдельные мысли исторички в тетрадки. В те годы девчонки носили мини-юбки, причем чем короче была мини-юбка, тем моднее. Серега что-то рисовал в учебнике. Урок уже близился к концу, когда случилось то, чего я боялся.

– Сергей, Александр, – спокойно сказала учительница. – Вы одни из лучших учеников в классе. И вам доверается высокая честь.

– Честь? – вздрогнул я.

– Да, – с придыханием произнесла Вера. – Это честь и доверие, потому что тема чрезвычайно ответственная. К нашему следующему занятию вы должны подготовить реферат о том, как именно вы поняли Ленинское определение революции. И о том, как это определение находит все новые и новые подтверждения в наши дни.

– Вера Семеновна, – застонал Серега.

– Обратитесь прежде всего к первоисточникам, к Ленинским статьям. Внимательно изучите материалы съездов и пленумов ЦК КПСС, периодику. Я очень рекомендую взять в библиотеке журнал «Коммунист», в нем бывают очень неплохие обзорные статьи. Тема большая, разделите ее между собой.

– Вера Семеновна, – взмолился я. – Так много уроков задают по математике, да и по литературе надо сочинение сдавать.

– Я немного помогу. – Вера достала из книжного шкафа толстый том в суперобложке. – Это очень неплохая монография. «Рабочее движение в России и Ленинская теория революции»

На обложке были нарисованы бегущие матросы с винтовками и сталевары на вахте. Сталевары в шлемах напоминали тевтонских рыцарей, у которых отпилили рога, и я понял, что мы с Серегой обречены.

4.

Пару дней мы валяли дурака, но урок обществоведения неотвратимо приближался. После занятий мы пошли домой к Серому.

– Ну, и о чем мы будем писать? – Садиться за реферат не было ни малейшего желания.

– погоди. Не суетись. Это дело надо хорошенько обмозговать. – Серега обладал потрясающим житейским чутьем. – Мы ведь живем для того, чтобы получать удовольствие, так?

– Ну, вроде бы так.

– Расслабься. Мысли, они сами придут, или не придут. Смотри, что у меня есть. Роскошь – он достал из ящика стола кубинские сигары в алюминиевых трубочках – саркофагах. Ты только понюхай.

Серега достал из шкафа бутылку армянского коньяка..

– Давай-ка по рюмочке. Хороший, кстати, коньячок. А для души – Deep Purple.

У Сереги был роскошный по тем временам первый отечественный настоящий стерео-проигрыватель «Вега» с большими колонками. Мы часто обсуждали факт бытия: сочетание хорошей аппаратуры и привезенных из Ленинграда пластинок должно быть крайне привлекательным для симпатичных одноклассниц, но не успели реализовать далеко идущие планы. Учебный год ведь еще только начинался.

– *Smoke on the water*, – взревели динамики.

– Чувствуешь, как басы передает? – гордо сказал Серый. Ну, за успех нашего дела.

Коньяк прочистил сознание, ноги сознание подводили. Для усиления эффекта мы вышли на балкон и закурили крепкие Кубинские сигары. В результате пустырь, ржавые крыши гаражей и полотно железной дороги окрасились таинственным светом и приобрели одним нам понятное внутреннее наполнение.

– И жить хорошо, и жизнь хороша, – сказал Серега, выпуская изо рта колечко едкого дыма. Ну что, садимся писать?

– Ага... – усмехнулся я. – Реферат. Сейчас мы с тобой напишем...

– Давай еще по пол-рюмочки, – Серый разлил коньяк. – За общественные науки.

– За них, – на душе стало совсем тепло. Подвиги разведчиков, конспиративные квартиры Ленина и первый, а тем более второй съезды РСДРП казались близкими и выпуклыми. – Есть такая партия! – с воодушевлением воскликнул я.

– Аминь, – ответил Серега и почему-то перекрестился.

– А о чем писать-то будем?

– Ну как. Тема задана.

– И что мы про революцию знаем?

– Ни хрена не знаем. Но не в этом суть. Материала у нас достаточно. А теперь давай проявим классовый подход и поймем, чего от нас хотят. А хотят от нас двух вещей. Во-первых, чтобы мы тщательно цитировали Брежнева. И целовали его в жопу, – Серега начал истерически хохотать.

– Ну ты даешь. Помншь, ты на меня орал, когда я в школу Булгакова принес и читал на переменке. А сам такие вещи говоришь.

– Так ведь не слышит же никто, – поморщился он. – А второе – Серега на секунду задумался. – От нас хотят имитации мышления, так сказать, творческой инициативы масс. В конструктивном ключе.

– Инициатива наказуема, – вспомнил я.

– А в том-то и дело, что инициатива должна быть простой. Берешь какой-нибудь Ленинский тезис. Например: революция может победить в одной, отдельно взятой стране. И развиваешь. Если, скажем, страна состоит из России и республик, то революция может победить и в республиках, при условии, что они еще более слабые звенья. Я понятно излагаю?

– Погоди. Это же красиво. Она вначале побеждает в одной, отдельно взятой, слабой, но не самой слабой. Потому что в относительно развитой и проникнутой идеями. То есть все относительно. Потом эта революция расползается на более слабые, но не охваченные идеями. И получается мировой пожар на горе буржуям и СССР.

– Елки! Ты понимаешь, что мы с тобой только что сделали? – Серега возбудился. – Мы творчески развили Ленинскую теорию революции. Да если это красиво изложить нам сразу за четверть пятерку поставят! Теперь надо с умом это сделать – все по первоисточникам и цитат побольше. Все, за работу. Я пойду кофейку заварю покрепче.

Серега принес турку и банку сгущенки – он всегда пил кофе со сгущенным молоком.

– Пока ты ходил я название придумал: »О некоторых вопросах теории слабого звена и распространения социалистической революции в современных условиях«.

– А чего, – Серега покровительственно похлопал меня по плечу. – Грамотно излагаешь. Теперь – первоисточники.

В ход пошли томики Ленина и научные труды в скучных переплетах с золотым тиснением. А также взятая из школьного кабинета последняя книжка »Ленинским Курсом« с выступлениями генсека Брежнева.

Действовали мы просто. Расписав на бумаге основные тезисы нашего сомнительного творения, мы начали перемежать их цитатами из Ленина, Брежнева и статей ученых института Марксизма-Ленинизма. Найти подходящие цитаты было сложнее всего. Серега искал цитаты, а я пытался связать предложения, взятые из разных источников.

Время от времени выяснялась какая-нибудь несуразица и процесс коллективного сочинительства прерывался неудержимым ржанием.

Часам к семи вечера нашими совместными усилиями были написаны несколько страниц.

– Уфф, – я потряс рукой. – Прямо рука бойца колоть устала.

– Ничего. Нас ждут великие дела, – подмигнул мне Серега.

Мы выкурили по сигарете, я спустился по лестнице, вышел во двор и пошел домой мимо сидящих на скамейках бабушек и мирно играющих в песочнице детей. »Интересно, пахнет от меня еще коньяком, или нет?« – слегка волновался я.

Реферат мы сдали на проверку и идеологическую доработку Вере Семеновне и про него забыли – на носу была контрольная по математике.

5.

На переменке мы прятались у подъезда, выходящего на школьный двор. Здесь можно было спокойно курить, не боясь нарваться на завуча или директора. Слева к школе был пристроен физкультурный зал, из которого доносился низкий, почти что мужской голос нашей преподавательницы физкультуры, Галины Ивановны. Эта женщина с грубыми усиками, пробивавшимися над верхней губой и мускулистыми ногами, обтянутыми голубым трико, должна была родиться мужчиной.

– Раз, два, левой, левой, – доносилось из физкультурного зала, – Кузнецов, лови мяч, передача. Пошел, вперед пошел!

У подъезда стояла кучка школьников – Мы с Сергеем, Игорь, Толя были детьми из благополучных семей. Андрей Усиков присел на корточки, жадно затягиваясь »Казбеком«. Его прошлогодние школьные брюки, протертые на коленках и изношенный пиджак, напоминали более благополучным из нас о суровой жизни, ожидающей нас по окончании среднего учебного заведения.

Сергей рассказывал анекдот.

– Ленин с Дзержинским получили партию презервативов. Дзержинский у него спрашивает: »Владимир Ильич, ума не приложу, что с ними делать?«

– »Эх, батенька, учить мне вас и учить! Где же ваша партийная смекалка? Один отдайте мне, один оставьте себе, остальные незаметно проколите, и раздайте меньшевикам!«

– Батенька, – школьники скорчились от смеха. – Ой, держите меня, – Андрей Усков даже загасил сигарету, закашлявшись своим глуховатым баском, сквозь который прорывался остаток тоненького юношеского фальцета. – Ну ты даешь...

– А я еще один знаю, – не выдержал я. – Ленин говорит Крупской. »Наденька, когда я умру, похороните мой член отдельно от меня«. – »Да господь с тобой, Володенька, – отвечает Крупская, что случилось?« – »Ну как же – говорит Владимир Ильич. – Вот Мартов прочтет в газете некролог и скажет: «Ленин умер, и хуй с ним!» И опять, и опять будет неправ!

У школьников началась истерика, но тут из подъезда выглянула физкультурница.

Вера Семеновна почему-то на урок опоздала и вошла в кабинет с покрасневшим лицом и блестящими глазами. Казалось, она недавно плакала. Класс испуганно притих, чувствуя, что произошло нечто необычное, нарушающее привычную школьную рутину.

– Ребята, – дрогнувшим голосом сказала Вера Семеновна. – Я хочу сообщить вам что-то очень важное. И это касается именно учащихся вашего класса. – Вера достала из кармана кофты носовой платок и приложила его к уголкам глаз. – Сергей и Александр, пожалуйста встаньте.

– Блин, – в ужасе прошептал Серега. – Что это с ней?

– Не знаю, – я почувствовал, что ладони у меня стали влажными и холодными. Я был уверен, что кто-то заложил нас за рассказанные на перемене анекдоты.

– Пожалуйста, подойдите к доске и повернитесь лицом к классу.

Одноклассники смотрели на нас с легким ужасом, смешанным с любопытством.

– Ребята. Случилась удивительное и неожиданное событие. – Голос исторички вдруг стал тонким, и размеренным. – Эти ваши одноклассники, простые советские школьники по моей просьбе подготовили реферат на тему Ленинской теории революции. Так вот, вместо школьного реферата у Саши и Сергея получилась серьезная научная работа. Я не побоюсь сказать, что работа эта проливает новый свет на Ленинское учение.

Я почувствовал, как щеки мои теплеют и краснеют.

– Как Владимир Ильич Ленин в свое время творчески развил учение Маркса и Энгельса, так и ребята обобщили и переосмыслили Ленинскую формулировку...

– Е-мое, – шепнул Серега.

– Удивительно, с каким природным классовым чутьем подошли они к проблеме – продолжала Вера. – Это талант, причем талант врожденный и редкий. Таким талантом обладали Фридрих Маркс и Карл Энгельс (судя по оговоркам, Вера впала в привычный идеологический транс).

– Ты понял? – подмигнул мне Серега. – Теперь мы с тобой будем Марксом и Энгельсом, осталось только понять: кто кем.

– За свою педагогическую практику я воспитала не один десяток поколений советских людей, строителей коммунизма. Смотря на этих ребят, я горжусь нашей страной, нашей советской школой. Поздравляю вас, товарищи.

– Спасибо, Вера Семеновна, – голос у меня почему-то был гаденьким.

– А теперь – самое главное. – Историчка полезла в сумку и зачем-то достала из нее горсть мелочи. – Сегодня я разговаривала с секретарем райкома КПСС по идеологической работе Владимиром Ивановичем Зверевым. И сейчас, ребята, вы поедете в райком, Владимир Иванович вас ждет. Вы лично в руки передадите ему свою работу. Я думаю, что речь может идти о серьезной научной публикации, об участии во Всесоюзном конкурсе работ по общественно-политическим дисциплинам.

– А как же литература? У нас сочинение, – вырвалось из меня.

– Не волнуйтесь. С директором школы я договорилась, так что от занятий вы сегодня освобождаетесь. Вот вам деньги на проезд – она высыпала в ладони горсть монет. – И обязательно позвоните мне вечером.

6.

Сергей подбросил портфель, выждал, пока он перевернется несколько раз и упадет в грязь. Потом он прислонился к заборчику около школьного стадиона и начал трястись от смеха.

– Ну и ну, – он вытирал слезы. – А вдруг мы и правда чего-нибудь такое открыли? Представляешь, теперь университет у нас в кармане. Да и золотая медаль тоже.

– Тоже мне, будущий классик, – я внимательно посмотрел на него. Вид у тебя какой-то несолидный, рубашка расстегнута.

– Слушай, давай после райкома поедем гулять в центр. У нас же целый день впереди.

Чувство радостного ожидания неизведанного, быть может причастности к маячившему впереди светлому будущему охватило нас. Троллейбус в этот утренний час был наполовину пустым, везущим бабушек с авоськами в продовольственные магазины, расположенные около остановки метро. Бросив пяточок в автомат и спустившись на эскалаторе на перрон, мы вскочили в последний вагон поезда, отправляющегося в центр, в последний момент увернувшись от захлопывающихся дверей, и радостно плюхнувшись на сиденье.

– Куда это вы, сорванцы, едете, – напротив нас сидела строгая бабуся, совершавшая жующие движения беззубым ртом. – С уроков удрали, бесстыжие, совести у вас нет!

– Вы, бабуся, выражения выбирайте, – Сергей поправил воротник школьной рубашки. – Мы с партийно-правительственным заданием едем.

– Еще чего напридумывали, – старушка распалялась все больше. – Вот я узнаю, из какой вы школы, и сообщу. Совсем распустились.

– Ножки-то у тебя, бабуся, тоненькие, а рука за партбилет держится, – Сергей вошел в раж.

– Вот я вам сейчас, – бабуся задохнулась от гнева.

– Выскакиваем, – деловито скомандовал Сергей, и как только темнота туннеля сменилась мраморно-голубоватым аквариумом станции, мы выпрыгнули на платформу.

– Несolidно, – нахмурился я. – А вдруг сообщит, или узнает кто, или милицию вызовет. И плакала наша пятерка в четверти.

– Ладно, ладно, просто настроение у меня хорошее, – усмехнулся Серега. – Больше не буду.

На «Белорусской» вверх уходил длиннющий эскалатор. Мы вскочили в трамвай, затем просочились в переулок, и вскоре оказались около двухэтажного здания райкома.

– А вы по какому делу, молодые люди? – На входе сидела женщина средних лет с усталым лицом.

– Мы к Владимиру Ивановичу Звереву – Сергей приобрел легкую щеголеватую наглость выдавшего виды комсомольского вожака.

– Второй этаж налево. Обратитесь к секретарше, Владимир Иванович сейчас находится на совещании.

– Спасибо. – Мы, слегка робея, прошли внутрь здания. На лестнице толклись мужчины в серых костюмах, в воздухе висел густой сигаретный дым. Меня поразили их одинаковые лица, бледные, слегка опухшие, с каким-то зеленоватым отливом, а также сальные, будто слезящиеся, глаза навывкате.

– Вот она, власть, – Серега неожиданно переменялся, – смотри, Саня, эти люди руководят другими людьми. У них проблем нет. Совещания, протоколы, выступления, зарубежные командировки, машины с шоферами, санатории, квартиры.

– Да ладно тебе, – обстановка партийного здания начинала меня угнетать. – Вы к кому, мальчики? – У высокой двери с золотой ручкой сидела еще одна дама, я мог поклясться, что она родная сестра-близняшка вахтерши, дежурившей на первом этаже.

– Мы к Владимиру Ивановичу.

– А, вы те самые ребята из школы? Он вас примет чуть позже. Сейчас у Владимира Ивановича совещание, он освободится через тридцать минут.

– Мы подождем.

– Ну ждите, видите стулья в коридоре. Только тихонечко, ребята. – Секретарша заговорщически подмигнула нам. – Небось рады, что с уроков удрали?

– Ничто человеческое нам не чуждо, – обобщил я шепотом.

В коридоре было тихо, лишь из-за обитой дерматином двери слышался женский смех. На маленьком журнальном столике лежала партийно-идеологическая литература: фотографический альбом, посвященный жизни Карла Маркса, серый кирпич «Истории КПСС» и брошюры с недавними выступлениями членов Политбюро. Некоторое время мы молча листали книжку про Маркса, рассматривая старые фотографии. Неожиданно обитая дерматином дверь отворилась, и из-за нее выскочили две девицы в мини-юбках с ярко накрашенными губами.

– Ой, Людка, держи меня, – они давились от хохота. – Неужели так и сказал? – Девушкам было лет по восемнадцать. – Чего, полез прямо во время инструктажа?

– Ну, – одна из них достала пачку сигарет. – Я ему говорю, не лапай, а он, нахал такой.

Голос у нее был с хрипотцой, возбуждавшей юношеское воображение.

– Ой, – девушка заметила нас, – смотри, мальчиков прислали. Я давно таких молоденьких не видела, комсомольцы-добровольцы. Мальчики, а мальчики?

– Вы к нам обращаетесь? – Получилось это у меня довольно-таки хрипло, мы с Сергеем никак не могли отвести глаз от обтянутых колготками ног.

– А к кому же еще, – девушки снова начали хихикать.

– А вы чего, девушки, – Сергей набрался было наглости, но запнулся, подавившись на середине фразы.

– Да ну тебя, Людка, не развращай малолетних.. Давай лучше книжки умные почитаем. – Девушки закурили и уселись напротив нас, листая большой альбом, посвященный жизни Карла Маркса.

– Смотри, что написано: Карл Маркс был евреем. – Девчушек это почему-то ужасно рассмешило. Они словно по команде заложили ногу за ногу, мини-юбки приоткрыли смутный полумрак сокровенного. Рты у нас открылись, дыхание перехватило.

– Ой, ну не могу, какие мальчишечки, – вздохнула Люда, но дверь в коридор приоткрылась.

– Девочки, почему до сих пор протокол не готов? – Из-за двери высунулся недовольный парень в добротном костюме. Он держал в руках стопку машинописных страниц. – Что за безобразие, перекур устроили. Здесь, кстати, курить нельзя, не знаете, что ли?

– Что это вы Николай Владимирович сердитый такой сегодня, строгий. – Люда демонстративно загасила окурок. – Неудовлетворенный, можно сказать. Вы намекните, ежели чего, мы что-нибудь придумаем.

– Хватит базар устраивать, развели здесь, – рявкнул парень. – Быстро заканчивайте протокол, Владимир Иванович ругаться будет.

– Сейчас, сейчас, – девушки недовольно поднялись и исчезли за дверью, обитой дерматином.

– Ну и птички, – мы с Сергеем понимающе переглянулись.

Последующие несколько минут мы закрыв глаза вспоминали прекрасные мгновения, но юношеская эротическая медитация была прервана толпой мужчин в костюмах, вывалившихся из кабинета секретаря.

– Надо будет принять к сведению, – высокий мужик нервно закурил. – Дадим сводку в ЦК, хорошо бы весь объем партийно-воспитательных мероприятий свести в единую таблицу.

– Владимир Иванович, ребята эти к вам, – секретарша почтительно приподнялась со стула.

– Вы от Веры Семеновны? – басом спросил секретарь. – Здравствуйте, очень рад познакомиться, проходите в кабинет. – Галочка, – он обращался к секретарше. – Организуй нам чаек, как всегда.

Мы прошли в кабинет.

– Ну что же, ребята, говорят, вы написали серьезную работу. Развили, так сказать, некоторые положения Ленинской теории.

– Ну да, – смущенно сказал Серега. – Собственно, вот наш реферат – он протянул тетрадку.

– Это вы большие молодцы. – Владимир Иванович с серьезным видом листал странички. – Очень своевременно. Вот ведь, Ломоносовы, какие в стране нашей таланты зарождаются. Наперекор, так сказать инсинуациям.

– Мы, Владимир Иванович, проявили классовый подход, – намекнул Серега.

– Вот и я про то же. Классовый подход должен быть. А то ведь такая ерунда, патлатые эти, рок, так сказать, музыканты... Да, работу вашу мы поддержим, дадим ей ход. Нам сейчас очень нужны такие работы. Сами знаете, время сложное.

– Владимир Иванович? – секретарша принесла поднос с чаем, печеньем и конфетами.

– Спасибо, Галочка. Угощаетесь, ребята. Вы люди уже взрослые, сознательные, как я вижу. Я вот о чем хочу с вами поговорить. – Владимир Иванович закрыл тетрадь. – Вы должны стать примером для школьников нашего района. Для комсомольцев. Да и для всей советской молодежи. Вы понимаете, о чем я говорю?

– Мы постараемся, Владимир Иванович, – смутился Серега.

– Так вот. Я, ребята, буду с вами откровенным. Ситуация в стране непростая, особенно с молодежью, с идеологической работой. Ваши сверстники ходят с длинными патлами, пьют портвейн, слушают западную музыку. До прямых диверсий доходит. В такой обстановке особенно важен положительный, позитивный пример. Помогите нам, а за помощью вам партии дело не станет.

– Мы все понимаем, Владимир Иванович. Но хотелось бы знать, что мы... Ну, вы понимаете.

– Ай да молодец парень.– Почему-то обрадовался секретарь райкома. – У вас, комсомольцы, вся жизнь впереди. Как вы смотрите на более активное участие в работе райкома комсомола? Введем вас в комиссии, представим, раскрутим. Не пожалеете. Рекомендация, характеристика, лучшие ВУЗы. С такой бумажкой будет у вас чего хотите, ребята. Сможете работать журналистами, дипломатами, историками, специалистами по Азии и Африке. Вот, кстати, у меня лет пять назад крутился такой Володя, собрания проводил, субботники организовывал, а теперь в посольстве в Лондоне работает... Нет, я давить на вас не собираюсь, если хотите стать машиностроителями, или инженерами – мы это тоже поддерживаем. Подумаете, ребята?

– Подумаем, Владимир Иванович.

– И чтобы не расслаблялись. Ждем от вас еще творческих работ, так сказать,. Открытий чудных. Приятно посмотреть, стрижка человеческая, лица нормальные, советские. Все у вас впереди, ребята, завидую, если честно. Молодец все-таки ваша Вера Семеновна, подвижница, народная учительница, надо бы ей орден дать. А может и дадим. Вот будет съезд, и дадим.

– Владимир Иванович, мы с удовольствием в комсомоле...– вдруг возник Серега. – Мы не подведем.

– Задрав штаны, – прошептал про себя я, но рот скривился в улыбке. – Не подведем!

7.

Солнечные зайчики играли в витринах магазинов, сигареты мы все выкурили и купили еще пачку «Столичных» на медяки, оставленные нам Верой Сергеевной. Легкий укор совести, возникший у меня в результате этой незаконной сделки, вскоре исчез, и мы с наслаждением закурили. В кошельке был еще рубль, и проходя мимо булочной, в которую только что привезли хлеб, мы не смогли удержаться от искушения, купив что-то ситное, с завитушками и по очереди отламывая от него куски. Хлеб пах свежестью.

– Да, – Сергей находился под впечатлением от увиденного в райкоме. – А я-то обществоведение учить не хотел. А ничего жизнь у людей, это тебе не на станке вкалывать от гудка до гудка...

– Хочешь таким же стать? – пожал я плечами. А по-моему скучно. Будешь сидеть в кабинете.

– Все не так просто. У жизни-то, у нее много сторон. Да, в кабинете, ну, как выясняется, в игры играть мы с тобой умеем. Зато номенклатура. Вот твои родители всю жизнь вкалывали, и что? Живут ведь от зарплаты до зарплаты, верно? В магазинах в очередях стоят, копейки считают. Машины ведь у вас нет? Дачи нет?

– Дача у нас была, родители ее продали, – уточнил я.

– Ну вот, и мои также живут. Батя хотя бы в Америке побывал. А теперь обстановка обострилась, и хрен он еще раз за границу поедет. Вот ты кем хочешь стать?

– Я не знаю еще толком. Инженером или физиком.

– И будешь горбатиться до пенсии на сто двадцать рублей. Какую-нибудь формулу откроешь. Тоже мне, жизнь. А теперь прикинь – государственная машина, секретарши..

– Сергей на секунду замолчал, видимо вспомнив длинноногих девиц из райкома. –

Квартиры, кстати, в специальных домах. Улучшенной планировки. Распределители опять же. Да и за границу пускают.

– Ну не знаю, – трансформация, на глазах происходящая с моим другом вызывала удивление, а где-то в глубине шевелился маленький, подленький червячок – а вдруг он прав...

– Нет, Санек, – Сергей даже как-то весь покраснел, – эта жизнь не по мне. – Ты глаза пошире открой, по сторонам посмотри!

Мы дошли до Манежной площади. От гостиницы «Интурист» разъезжались разноцветные автобусы, в которых сидели иностранцы. То и дело к подъезду подкатывали импортные автомобили, швейцар кидался к ним, открывая дверь, выпуская на московскую улицу загорелых мужчин в костюмах и женщин в длинных платьях.

– А может быть в дипломаты пойти, – продолжал мечтать Сергей. – А что, если с рефератом выгорит. Еще же почти год впереди. Общественная работа, райком комсомола. Можно постараться.

– У тебя прямо все расписано, – мне стало грустно.

– А что делать, нам уже пора задумываться о будущем. Сейчас стоит поднапрячься, зато потом ... – Серега задумался. – Тяжело в ученье, легко в бою!

– Не знаю, как это не по мне все это.

– Ну как знаешь, как знаешь. Подумай хорошенько. Нам выпал счастливый билет, глупо его не использовать. Кстати, у меня к тебе просьба. Поскольку реферат мы написали вместе, то прояви сознательность. Больше никаких глупостей, политических анекдотов. Мы в эту лодку попали вместе, вместе должны и выплыть. Обещаешь?

– Хорошо, – вздохнул я. – Я постараюсь.

8.

Партийно-идеологическая машина, в шестеренки которой нас затянуло, начала крутиться. Слегка отредактированный наш реферат был направлен на городской конкурс работ по общественно-историческим дисциплинам и занял первое место. Его опубликовали в сборнике марксистско-ленинских трудов, а из нас с Серегой сделали образцово-показательных советских школьников. Про наши успехи и передовой опыт Веры Сергеевны писали «Учительская Газета» и «Труд».

С каждым днем мне становилось все противнее. Серега, напротив, расправлял крылышки и стремительно превращался в совершенно другого человека. Он стал секретарем комитета комсомола школы, чем-то он еще занимался в райкоме и постоянно исчезал с занятий на различные идеологические мероприятия.

Слава наша росла. Нас как курьез демонстрировали разнообразным делегациям коммунистических и рабочих партий и раза три снимали для программы «Время» и всякой кинохроники. Мы с Серегой каждую неделю сидели в президиумах каких-то бесконечных собраний и конференций в райкомах комсомола и партии.

Во время съемок я развлекался – строил кинооператорам страшные рожи и показывал наивную распальцовку конца прошлого века – палец вниз – добей его, вверх – пощади, а средний совсем неприличный. Операторы, впрочем, были тертыми калачами, строили

мне рожи, и грозили убить после заседаний, в результате в хронике все выглядело прилично.

В те времена новости и изредка сатирический журнал «Фитиль» показывали перед западными и лучшими отечественными фильмами в кинотеатрах. Хроника была черно-белой, видимо, чтобы не вызывать лишних эмоций, связанных с цветовосприятием.

* * *

В конце первого курса я пригласил свою первую любовь, удивительную девушку с тонкими губами в кинотеатр «Космос». Перед фильмом про Обломова крутили хронику. «Так советская молодежь отвечает буржуазным реакционерам». Девушка смотрела в экран. У нее был удивительный профиль. А на экране Серега с ироничной физиономией держит два пальца «Victoria».

– Реакция не пройдет, – жизнерадостно заявляет диктор.

А ведь в это время я гнусно показывал оператору то, что о нем думаю. Как сейчас помню, школьников загнали в кинотеатр «Ленинград» на Соколе, перед сеансом мы основательно напились пива. А этот оператор, лысый, в грязном свитере и сальной рожей стоял перед нами в очереди. Теперь он красноречиво демонстрировал мне мое грустное будущее: отлезь, парень, а то хуже будет.

– Ой, – вздрогнула моя девушка. – Смотри, как этот парень на тебя похож.

«На встречу со школьниками пришли ветераны партии. Идеалы буржуазной культуры, рок-музыка, нигилизм глубоко чужды молодым советским людям, будущим строителям коммунизма. Молодые ученые-историки, простые советские школьники, развившие теорию...

– Аппчхи!

– И творчески обосновавшие

– Аппчхи!

– Что с тобой?

– Черт его знает, что-то в нос попало.

– В обстановке дружеского взаимопонимания прошел рабочий визит генерального секретаря ЦК Компартии Румынии товарища Георгиу Чаушеску...

– Пронесло, – понял я. И чихать перестал.

9.

Общение наше с Серегой постепенно сходило на нет. Он стал серьезным и нудным, сердился, когда я говорил что-нибудь ехидное и все чаще начал пытаться меня перевоспитать. Казалось, он сам начал верить тому, что говорит.

В конце марта у Сергея был день рождения. Наши красавицы, смуглая Лена, дочка университетских профессоров-археологов, и крепко сбита Люба, мастер спорта по гимнастике, пили самодельный коктейль – греческий грейпфрутовый сок из консервных банок, смешанный с египетской настойкой Абу-Симбел.

- А вы слышали последний анекдот про Брежнева? – хихикал я.
- Так, знаешь что, – Серега неожиданно разозлился. Он крепко обхватил меня и зашипел в лицо. – Не смей! У меня дома не смей, слышишь? Или сюда больше не придешь.
- Ты чего, Серый, охренел?
- Может и так, но жизнь из-за тебя портить не собираюсь.
- Чудак на букву «м», – вздохнул я.
- А ты – блаженный. Шут гороховый. Дождешься, пожалеешь еще.
- От такого слышу.
- Как знаешь. Я тебе передачи носить не буду.
- Ой, испугал.
- Хватит детством заниматься. Я не хуже тебя все понимаю, но существует реальная жизнь. Или ты играешь в игры, или пути наши расходятся.
- Расходятся, видимо.
- Смотри, пожалеешь.

Я тогда ушел и на Серегу здорово обиделся. Пути наши разошлись. К весне мне удалось потихоньку вырваться из этого порочного круга, сам не знаю, как это произошло, но общественные деятели постепенно оставили меня в покое. Видимо, лавры нашего «научного» труда начали забываться, на собраниях я всегда отмалчивался и в отличие от Сереги не выступал с правильными речами.

Шестеренки выплюнули меня из машины за ненадобностью, слегка помятого и уставшего. Выпускные экзамены были не за горами, а за ними – поступление в институт. Серый собирался в МИМО и был уверен, что все дороги перед ним теперь широко открыты. А я собрался в Университет, но учился в другом месте. Это уже совсем не относящаяся к делу история.

Как ни странно, несмотря на идеальную характеристику и золотую медаль, в МИМО что-то не сработало: то ли социальное происхождение подкачало, то ли лапа была недостаточно волосатой. С карьерой дипломата Сергею пришлось распрощаться, и он поступил на исторический факультет МГУ.

10.

Крушение юношеской мечты о дипломатической работе слегка отрезвило моего друга. Но полностью отношения наши так и не восстановились: в студенческие годы мы виделись редко, хотя и жили по соседству. Встречались на днях рождения, зимой иногда вместе катались на лыжах.

На третьем курсе началась война в Афганистане. На четвертом Серега женился. На пятом родил дочку. Он упорно работал на свою будущую партийную карьеру. После университета Сергей собирался в аспирантуру, защитив диссертацию – в аппарат ЦК ВЛКСМ, а со временем планировал перебраться на расположенную по соседству Старую Площадь.

Но тут умер Брежнев. Что-то изменилось в таблице о рангах партийной номенклатуры, и Сереге подсказали, что для успешной карьеры нужно отслужить в армии. Служил старший лейтенант в мотострелковых войсках недалеко от Москвы, и часто приезжал на выходные домой. Жена его родила второго ребенка.

Демобилизовался Серега уже при Черненко и тут же пошел в аспирантуру. Вскоре он ударными темпами защитил диссертацию по «Актуальным вопросам социалистического строительства». Диссертацию, как он рассказывал, он написал еще в армии, во время ночных дежурств.

У власти уже был Горбачев, со скрипом начиналась перестройка. Но Сережкина мечта сбылась – он все-таки попал в аппарат ЦК ВЛКСМ. В те дни я случайно встретил его в метро. Новоиспеченный кандидат исторических наук и сотрудник аппарата младшенького ЦК светился от удовлетворения. Он похлопывал меня по плечу, говорил уверенно и в скором времени собирался получить новую квартиру в кирпичном доме где-то на Соколе.

Увы, квартиру он получить не успел. В скором времени не стало ни комсомола, ни ЦК КПСС.

Более ловкие коллеги по комсомолу в последние месяцы перед коллапсом успели урвать жирные куски. Они курировали кооперативы, какие-то творческие молодежные коллективы, ходили с карманами, полными долларов. Не знаю, что помешало Серому, то ли профессорское происхождение, то ли заиклен он был на аппаратных играх старой эпохи, а может быть просто освоиться не успел. Дельцов он презирал, и остался у разбитого корыта.

Детей надо было чем-то кормить. Тут из мутной водички выплыл дядька из Питера, который успел подсуетиться и раскрутил небольшую фирму по продаже запчастей для автомобилей. И стал Серега заниматься бухгалтерией и учетом в Московском филиале семейного бизнеса.

Мы до сих пор любим друг друга, простив грехи и заблуждения юности.

Несколько лет назад я как от толчка проснулся ночью, вспомнил его телефон и позвонил. Серега поднял трубку. Оказалось, что он до сих пор живет в двухкомнатной квартирке около железной дороги.

Пару месяцев назад я был у него в гостях. Старую пятиэтажку снесли, квартиросъемщикам дали новую квартиру в блочном шестнадцатиэтажном доме. Квартира хорошая, хотя Серега ругает качество и говорит, что через несколько лет дом пойдет трещинами.

Жена его, милая девочка, кандидат бывших исторических наук и специалист по эпохе Возрождения, теперь работает в туристическом агентстве, продает путевки в Турцию и Египет.

Сам Серега продолжает заниматься бухгалтерским учетом за мизерные по нынешним временам деньги. Совместными усилиями супругам удалось скопить на ремонт кухни – хозяева горды кафельной плиткой, новым холодильником и итальянскими шкафчиками.

Надо сказать, что таких шкафчиков я в Америке не видел, Италия, слоновая кость и что-то еще крутое. Я привык к советским шкафчикам 60-х годов прошлого века, небрежно выкрашенным масляной краской. Они присутствуют в большинстве местных съемных квартир, построенных во времена моего детства.

Сергеа поседел, циничен, ругает нынешние порядки, казнокрадство и беспредел. Он подарил мне бутылку хорошего Дагестанского коньяка, а я ему – бутылку красного калифорнийского вина.

У Сереги очень хорошие, уже совсем взрослые дети, так что жил он не зря.

11.

Перед отлетом из Москвы я рылся в старом книжном шкафу, когда-то сколоченном из списанных детсадовских ящичков-раздевалок. В этот шкаф, похоже, никто не залезал уже пару десятилетий, из него пахло старой бумагой и затхлостью. Рядом со старыми школьными учебниками я обнаружил ту самую книгу в суперобложке, которую когда-то дала нам Вера Семеновна для написания школьного реферата. Про эту книжку в начавшейся тогда горячечной суматохе все забыли.

Я улыбнулся и положил томик в чемодан. В голове мелькнула мысль, что вряд ли меня остановят на границе Америки за коммунистическую пропаганду.

Рядом со мной в самолете сидела молодая девушка новой отечественной формации, менеджер чего-то Российского коммерческого. Она летела в гости к знакомому американскому бойфренду – посмотреть на красоты Калифорнии и поиграть на автоматах в Лас Вегасе.

Через пару часов полета мне стало скучно, я достал книжку из сумки и начал перелистывать страницы. Бумага была замечательного качества, мелованная, за прошедшие десятилетия с ней ничего не случилось. Блуждающая улыбка на моем лице вызвала у девушки интерес.

– Интересная книжка? – спросила она.

– Безумно. – Вы в детстве учили стихотворение: «Я помню город Петроград в семнадцатом году. Бежит матрос, бежит солдат, стреляет на ходу?»

– Чего? – Девочка мне только что рассказывала про ресторан «Петрович», ломтики селедки, винегрет и черный хлеб.

– Читайте, завидуйте. – Я продемонстрировал ей обложку с бегущими солдатами и матросами.

– «Рабочее движение в России и Ленинская теория революции» – лицо у моей попутчицы вытянулось, думаю, она решила, что с головой у меня не все в порядке.

– Дело в том, что в юности мы с другом был убежденными марксистами, – вдохновенно сообщил я. – Нас даже называли Маркс и Энгельс. Но вы не волнуйтесь, марксистов из нас не получилось. Иначе бы мы сейчас не летели в Америку.

КАРТОШКА

– Товарищи студенты, – страшная Клавдия стояла в центре аудитории, широко расставив свои кривые ноги и сверкая недобрыми орлиными глазами. – Занятия отменяются, наше, – она сделала прочувственную паузу, – Государство . – Клавдия произнесла это слово с придыханием, словно молитву... – Народ! – патетически воскликнула она, – терпит лишения, чтобы вы, пока еще ничего для страны не сделавшие, – голос ее наполнился едкой презрительностью, – могли получить образование.

– Представьте себе, – голос заместителя декана стал возвышенным, – у домны стоит труженик, от страшного жара опалается его кожа, течет расплавленный металл, а он думает: «Ничего, придет новое поколение строителей коммунизма, они, молодые орлы, пока что сидят за партами, изучая законы электрических цепей, но придет время, они расправят крылья и выключат глаза врагам коммунизма во всем мире!»

Произнеся этот бред, Клавдия застыла в наркотическом трансе и в аудитории наступило длительное молчание.

– А мы и сейчас крылья расправим, – раздался чей-то издевательский голос, – только пивка попьем и расправим! – Зал грохнул хохотом.

– Нечего смеяться, – Клавдия вышла из транса. – Короче, хочу Вам сообщить, что наше подведомственное институту колхозное хозяйство не справляется с уборкой рекордного урожая. Народное достояние гниет на корню, заставляя злопыхателей с Запада предсказывать скорый конец Советского государства. Но этого не будет! Наши, советские студенты, оправдают доверие партии и волю народа и помогут труженикам села собрать с полей урожай нынешнего года, решающего года пятилетки.

– А когда едем-то? – нерешительно пробасил кто-то.

– Послезавтра в 8 утра придут автобусы, – Клавдия приободрилась. – И не вздумайте отлынивать, за неявку будем сразу исключать из Института, если, конечно, не будет справки, заверенной подписью врача.

– Ура!!! – гроыхнуло в аудитории с такой силой, что Клавдия испуганно закрыла уши руками. Она растерялась. С одной стороны, она должна была приветствовать этот патриотический порыв молодого поколения, с другой стороны, кто, как не она, безжалостно ставила прогулы, не обнаружив студентов на лекциях.

– Программу следующего месяца пройдете ударно! – замешавшись крикнула она. –И, чтобы лекции не прогуливать, родина смотрит на вас! – Клавдия поспешно убралась со сцены.

На следующее утро около института рычала моторами вереница старых, разбитых автобусов марки «ПАЗ», напомнивших мне школьную уборку свеклы.

Тогда мы долго тряслись на электричке, уверенно прокладывая свой путь на север. У какой-то маленькой станции, поезд наконец остановился, вытряхнув невинных мальчиков и девочек на платформу, где нас ждал воняющий бензином автобус той же марки.

– Ох, вражья сила, – водитель, кажется, мучался похмельем. – И на хрена вы, ребята, туда едете. Гиблое место, ей Богу. Кто там на грядке поработает, так в районную больницу, а потом в могилу.

– Да что вы, – Лидия Григорьевна, недалекая классная руководительница, посланная высшей волей вместе с детьми на подмосковные поля, пугалась. – О чем это вы говорите?

– Да правду говорю, сколько ваших, городских сюда не привозили, так через несколько часов болеть начинали, а после на грядках падали, и все! Трупчики, уж наш участковый голову ломал, ломал, а никакого толку не получалось.

Мне стало жутко, я совершенно не хотел умереть на свекольных грядках. Наш восьмой класс был высшим указом РОНО и директора освобожден от занятий только для того, чтобы мы своими руками собрали осенний, гнивающий на полях урожай.

– Вы, товарищ водитель, детей не пугайте, – Лидия Григорьевна в своих нелепых резиновых сапогах прыгнула на поле, погрузившись по щиколотку в осеннюю грязь. – Ребята, за мной! – залихватски скомандовала она.

– Айда, – осеннее солнце и рощица тополей около реки возбуждали молодое воображение, и школьники выкатились наружу, никого и ничего не боясь.

– А сейчас, когда мы в электричке ехали, – Марина, не по возрасту пышная, с высовывающимися из-под школьной формы грудями, не могла успокоиться. – Мы в электричке едем, и вдруг такой парень красивый подходит и говорит: «Девушки, куда же это вас несет. Давайте, я вам настоящую жизнь покажу!»

– Ну а ты, а чего ты ответила? – Галя, напоминающая не успевшую вырасти шимпанзе, жадно смотрит в глаза Марине.

– Ну чего, – Марине приятно это внимание окружающих, – Я ему сказала, что школьница еще. А он знаете чего ответил?

– Чего, чего? – Галя подпрыгивает, будто и вправду она обычная цирковая обезьянка.

– А он сказал: «Я думал, что такие девушки уже давно школу закончили, вам уже по крайней мере лет двадцать!» – Марина, гордая своими пышными формами замолкает.

– Ну хватил, – Галя напротив может быть принята за недоростка из пятого класса. – Скажет тоже, жениться-то хотя бы не обещал?

– Нет, – Марина разочарована.

– Забуди его, трепача! – Галя довольна собой. – А может он какой маньяк или убийца был?

– Ну ты, скажешь тоже! – Марина обижается.

– Да черт с ним, Маринка, смотри грядки какие! – Галя выпрыгивает из автобуса на зеленое поле, с наслаждением ощупывая свекольную ботву.

– Бабы, – с пренебрежением говорю я. В моей сумке запасены купленные вчера бутылка «Солнцедара», и две пачки сигарет «Стюардесса». – Пошли, ребята.

– Погоди, – Алексей изучает затерявшиеся среди травы железные обломки, – ты посмотри, что делается. Мотор-то «General Electric», 1948 года выпуска. – Вот это да, как он только сюда попал?

– Да неважно, – ржавый американский мотор меня совершенно не интересует. Хочется распить припрятанную в рюкзаке бутылку, ощутив радость сиюминутного освобождения от гнусной действительности, сесть на берегу этой подмосковной речки и

закурить сигарету, забыв на мгновение о том, что ждет нас в городе. Это поле прекрасно, у реки колышутся высокие тополя, и пусть этот день никогда не кончается...

– Ребята, быстрее, свеклу до вечера надо всю убрать! – Лидия Григорьевна тщетно пытается пробудить в школьниках энтузиазм.

Леночка, моя школьная любовь, старательно работает на соседней грядке, выдирая созревшую свеклу из земли. Около огромных лиловых клубней пищат мыши, нашедшие свое прибежище на этом колхозном поле, и Леночка взвизгивает, бросая вырванную ботву обратно на грядку.

– Ну, как не стыдно, они же безобидные, маленькие, – мыши уже удрали, и я поднимаю свекольный клубень, отряхивая с него землю.

– Спасибо, – она смущена и мила.

– Не за что, – я с важным видом склоняюсь над своей грядкой.

– Саня! – Алексей с Мишкой с таинственным видом машут мне издалека.

– Иду! – Леночка забыта, я отбрасываю в сторону грязную корзину и направляюсь к тополиной рощице, раскинувшейся около излучины реки.

– Ну, давай! – Алексей решительно откупоривает бутылку сухого вина.

– Вперед, ребята! – Миша щурится. Через несколько лет он будет арестован за антисоветскую деятельность и навсегда исчезнет с нашего горизонта, но пока он этого не знает.

– Хорошо пошло, – Алексей проглатывает светлое содержимое стакана и морщится. – На шотландский виски не похоже, конечно, но все же...

– Давайте закурим, – Я достаю из кармана пачку «Стюардессы».

– Отличная идея, – мы затягиваемся кислым дымом болгарских сигарет.

– Анекдот знаешь? – Алексей стряхивает пепел. – Хотите «Стюардессу»? – Спасибо, у меня «Опал».

– Алексей! Саша! Миша! Куда же вы запропастились? – Истерический голос классной руководительницы доносится с поля.

– Вот зараза, – Алексей сплевывает на заросший травой речной берег. – Спыхватилась все-таки.

– Лидия Георгиевна! – честным голосом кричу я. – Мы здесь, у реки заблудились!

– Саша, – учительница, кажется, рада тому, что мы нашли. – Скорее сюда, свеклу собирать!

– Ну вот, прощай свобода, – Алексей морщится.

Школьники ползут по грядкам, наполняя свеклой плетеные корзины. Вечером приезжает пьяный шофер «Пазика», с иронией окидывающий взглядом усталых детей.

– Ну чего, все живы остались? – Он доволен своей шуткой. – За десять лет впервые такая школа попалась. Какая школа-то у вас?

– Пятьсот-тридцать-четвертая, – хором отвечают дети.

– Ну хорошо, – смеется он, – запомню. – Молодцы, Москвичи, хорошо поработали. А теперь, домой, к мамкам и папкам, мы славно поработали и славно отдохнем, – сам того не зная, он цитировал Высоцкого.

Усталые, мы едем в Москву, выпрыгивая из раскрытых дверей электрички словно военный десант. Сумерки опускаются на город, и мы бредем к своим домам, мечтая о том, что скоро можно будет принять душ и лечь в постель.

* * *

На этот раз поездка в колхоз была гораздо более длительной. Студенты, готовясь к неделям колхозной жизни, несли объемистые рюкзаки. Автобусы выпускали облачки сизого дыма. В рюкзаке у меня ничего кроме теплых вещей и белья не было, распивать болгарское вино со своими сокурсниками мне не хотелось.

– Товарищи студенты! Посадка в автобусы по группам. В темпе, в темпе, – высокий мужик с черным пробором, начальник картошки, почему-то называемый отвратительным словом «комиссар отряда», кричал в мегафон. – Подтянись, времени нет!

Автобусы рыча отъезжали от институтского здания, прокладывая свой путь среди трясущихся грузовиков и городских трамваев. День был осенний, солнечный, мы переехали через Москву-реку и потащились по забитой машинами набережной. В кабине сильно пахло бензином и подгорающим машинным маслом.

Ехали долго, студенты пытались затянуть песни, от которых мне становилось противно. «Катится, катится голубой вагон,» – затягивали неандертальские ротики деревенских девочек, сопровождаемые хриплым южным басом Ильи Неподенко, приехавшего в Москву из маленького украинского городка и каким-то чудом принятого в столичный институт.

Если бы не Леня, я бы наверное тогда умер с тоски. Худощавый, он бросил рюкзак на пол, скептически провожая глазами уплывающие за окном автобуса гранитные набережные и мосты.

– Неумолимая, жуткая сила вдавила нас в текущую историческую эпоху. Все мы попали под колесо истории! – Лекции по историческому материализму произвели странную трансформацию с незрелым юношеским мозгом, и Леня с тех пор выражался напыщенно и непонятно, фонтанируя цитатами из классиков. – Как нам реорганизовать рабкрин? – Он глубокомысленно замолчал. – Если задуматься, то все это просто шаг вперед, два шага назад.

– Ты ничего не понимаешь, – мне стало ужасно смешно, так что слезы потекли из глаз. – Главное, это захватить почту, телеграф, и отразить в себе зеркало русской революции.

– А? Ты чего сказал? – Сам того не ожидая, я вывел Леню из прострации.

– А анекдот знаешь? – Я подвинулся поближе к нему, и, оглянувшись на захваченных песней сокурсников, заговорил вполголоса. – Владимир Ильич читает статьи своих оппонентов, а потом и говорит Крупской: «Наденька, обещай мне, что когда я умру, мой половой член похоронят отдельно от меня.» – «Да что ты, Володенька», – пугается Надежда Константиновна, – «что это ты за страсти такие говоришь, с чего вдруг?» – «Ну как же», – торжествующе отвечает Ленин, – «Мартов прочтет в газете мой некролог и скажет: »Ленин умер, и хуй с ним«. И опять будет неправ!». – Последнюю фразу я старательно произношу картавым голосом и Леня корчится от смеха, теперь из его глаз текут слезы, и он не может успокоиться до тех пор, пока автобус не пересекает окружную дорогу, и город, ошетилившийся корпусами многоэтажек, начинает исчезать за рошицами и приходящими в упадок деревеньками.

На протяжении своей жизни мне довелось отправляться на уборку урожая не менее десятка раз. В далеком будущем научные сотрудники погрузились в разбитый микроавтобус, везущий их по Кутузовскому проспекту на юг. Тогда все было по-другому, компания собралась приятная, в наших сумках позвякивали бутылки водки и пива, и ученые мужи весело начали пить прямо в машине. Мы остановились около серого дома, в котором жил Брежнев, внизу располагался большой овощной магазин.

– Сейчас, ребята, – Лариса с Танечкой выбежали в подворотню, вернувшись через несколько минут с сетками, набитыми красным болгарским перцем и помидорами. – Должна же закуска какая-нибудь быть, – весело шутили они.

– Ребята, – беспокоился Вася, по отчеству Иванович, все его так и звали, Василий Иванович, что вызывало ассоциации с бесконечными анекдотами про Чапаева. – Не налегайте так, ну что вы, честное слово, не останется же ничего.

Василий Иванович только что вернулся из Англии, в которой он провел на стажировке полгода, и еще не до конца погрузился обратно в советскую действительность.

– Да остановите же автобус на минутку, мочи больше нет терпеть, – аспиранта Юрку наконец прорвало. Он был еще большой и здоровый, через двенадцать лет его, мучающегося болезнью почек, по непонятной причине выкинут из окна больницы, с четвертого этажа, он переломает позвоночник и навсегда останется парализованным.

– Сейчас, сейчас, – мрачный институтский водитель подрулил к обочине. – И бросайте пить, мужики, а то не дай Бог ГАИ остановит!

Юрка исчез в рощице, его долго не было, и все уже начали волноваться, как он появился в придорожных кустах, торжествующе неся перед собой огромный белый гриб.

– Во сила! – Он был уже порядочно пьян. – Прямо у дороги растет, ребята, пошли рощицу прочешем, на ужин белых грибов наберем.

– Мне на базу возвращаться, – водитель начал нервничать. – Какая там рощица, вы чего с ума посходили?

– Да ладно, поехали, – пожилой профессор Покровский усмехнулся. – Грибы в колхозе собирать будем.

Уже на подъездах к подшефной деревне небо сделалось черным, и неожиданно из него пошел снег.

– Ух ты, вражья сила, – выругался Василий Иванович. – Еще не хватало из-под снега народное достояние выковыривать.

Снег не прекращался, мокрый, он уже покрывал подходы к дому, в который сотрудники перетаскивали из фургона позвякивающие бутылками сумки. Микроавтобус уехал, на улице стало темно, завыл ветер и неожиданно погас свет.

– Это тебе, Василий Иванович, не в Кембридже заседать, – смеялся Покровский. – Тут Россия-мать, смотри темнота какая. Вот она, первозданная природа! – Научные работники наощупь бродили в доме, стучаясь об углы шкафов. Было слышно, как крысы попискивают за перекрытиями.

– Сейчас плоску сделаем, – Василий Иванович не растерялся, – фитилек бы найти. – Он соорудил странное подобие светильника, налив в стакан масла, и импровизированная лампадка осветила неровным, мерцающим светом деревянный стол.

– Ну, мужики, живем! – Воодушевленные, мы выгрузили на стол запасы спиртного, захваченную из дома колбасу и купленный по пути болгарский перец. На улице все так же завывал ветер, но в доме стало уютно.

– Ну что, Василий Иванович, адаптируешься помаленьку? – Издеваться над Васей, похоже, становилось доброй традицией.

– Да чего вы ко мне пристали? – Вася начинал обижаться. – Давайте лучше выпьем.

Света лампадки едва хватало на то, чтобы выхватить из тьмы середину стола, все остальное терялось в темноте. Это придавало нашему застолью несколько мистический оттенок.

– Саня, – Валерий Иванович, родившийся где-то в лагерях, обращался ко мне из черного пространства комнаты. – Рыбу ловить пойдем?

Он был заядлым рыболовом и все возвращающиеся из заграницы научные сотрудники обязательно привозили ему хитроумные крючки и импортные лески. Я знал, что в эту поездку он захватил с собой несколько удочек и надувную резиновую лодку.

– А как же, – Я откликнулся на голос, пытаюсь вглядеться в крошечную тьму.

– Здесь в заливе обязательно щука должна водиться, я как чувствую, там еще кустики такие, помнишь мы их проезжали? – Его глуховатый голос раздавался из темного угла, вызывая ассоциации с загробной жизнью.

– Спички, спички тянем, кому за молоком идти! – Неожиданно у меня в руке спичка оказалась обломанной.

– Так, Саня, Ромка, завтра в семь утра берете бидон и за молоком! – профессор Покровский, на секунду выхваченный из темноты тусклым светом лампадки, закусывал долькой розового маринованого чеснока. – Только осторожно, там ямы огромные, в прошлом году в них корова утонула.

– И по-грибы обязательно сходить надо, – Юрка, вдохновленный своей находкой около дороги, не мог успокоиться. Он на секунду появился около лампадки и снова исчез.

– Сходим, сходим, здесь за просекой такой лесок есть, там грибов видимо-невидимо, – Валерий Иванович заскрипел стулом. – Если бы этих колхозов не было, их обязательно надо было бы придумать! Спасибо нашей партии, правительству и районному отделу народных депутатов.

– Ура! – гроыхнуло в комнате.

– Ну, еще по одной? Девочки, вы как? – Покровский разливал водку по стаканам.

Все происходящее казалось какой-то тайной вечерей, собранием духов, заблудившихся в крошечной тьме. Я любил этих людей, никогда в жизни мне больше не доведется работать в такой компании. Покровский недавно получил престижную премию Европейского физического общества за свои исследования. Через двенадцать лет он будет торговать на рынке бананами, на вырученные деньги покупая жидкий гелий для своих экспериментов, пытаюсь наперекор всему заниматься любимым делом. Однажды вечером его насмерть собьет машина, управляемая пьяным бандюгой, но до этого еще далеко, и мы, словно выхваченные на мгновение из тьмы времен, наслаждаемся застольем...

* * *

Тем давним, солнечным, осенним днем, когда вереница автобусов везла студентов в колхоз, я задумывался о странностях жизни человека в различных социальных системах. Еще вчера все мы сидели в аудиториях, и достаточно было распоряжения

какого-нибудь мужика в сером костюме из райкома партии, как огромный механизм государственной власти начал проворачиваться. Вначале телефонный звонок раздался в кабинете ректора, тот позвонил деканам факультетов, они провели совещание, назначив высокого мужика с черным пробором комиссаром отряда. В этой странной цепочке были задействованы еще множество людей: районная автобаза, выделившая автобусы, администрация опустевших пионерских лагерей, в которые нас везли, деревенские бабушки, подготавливавшие сотни комплектов постельного белья, наконец работники кухни, которым предстояло в течение ближайшего месяца кормить прожорливую студенческую толпу. Пирамида власти уходила куда-то наверх, вначале в райкомы, потом в городской комитет партии и в Моссовет, оттуда невидимые ниточки тянулись в Центральный Комитет, и, наконец, все сходилось в Кремлевских залах, в которых уже давно выжившие из ума, с трудом передвигающие ноги старики вершили судьбами огромной страны.

Наконец, автобусы подкатили к заброшенному пионерскому лагерю. Летом здесь дрессировали подрастающее поколение, на большой цементированной площадке, напоминающей армейский плац, торчала высокая металлическая труба с железной струной, на которой утром поднимали красный флаг. Площадка была огорожена выцветшими плакатами, изображавшими советских воинов в касках, красные знамена, Ленина в кепке и пионеров с горнами, задравших головы к небесам.

– Отряд, построиться! – Комиссар отряда рычал в мегафон, пренебрежительно окидывая взглядом разношерстную толпу, вывалившуюся из автобусов. – Значит так, товарищи студенты, ознакомлю вас с правилами внутреннего распорядка. – Подъем в семь утра, отбой в десять. Ежели кто после отбоя замечен на территории, дело будет иметь со мной. За употребление спиртного немедленно отчисляем из института, безо всяких разговоров. Повторяю, мне даны чрезвычайные полномочия: чего бы вы не делали, как бы не просили, из института вылетите в ту же секунду, так что даже и не пробуйте! Курить в палатах запрещается, курилка около столовой, там ведро с водой стоит, окурки туда кидать будете. Баня по расписанию, два раза в неделю. Завтрак в семь пятнадцать, в семь тридцать пять построение на линейку. В каждой палате будет назначен старший, он обязан перед выходом в поле давать отчет о личном составе. Ужин в восемь часов, обед вам будут привозить на поле. В девять сорок пять построение и проверка наличия личного состава. За неявку на построение строгий выговор, за повторную неявку отчисление из института. В половину одиннадцатого вечера отбой! Работать будем на уборке картофеля. Все понятно?

– Понятно... – пролетело по рядам.

– А сейчас полчаса на обустройство, затем сбор и на поля. Урожай не ждет!

– Вот влипли! – Леня с тоской посмотрел на меня. – Как в армии, туда не ходи, этого не смей.

В комнатке, отведенной нашему курсу, стояло десятка два никелированных кроватей с прелыми матрасами. Около их изголовья торчали деревянные тумбочки, выкрашенные белой масляной краской. Я засунул рюкзак под кровать, вытащив из него резиновые сапоги.

– Ох, мать вашу, – Леня попытался расстелить влажную, слежавшуюся простыню и в отвращении застыл, разглядывая огромное желтое пятно, расплывающееся посередине.

– Это пионерку кто-то душевно трахнул, – Сашка, весельчак, поступивший в институт после двух с половиной лет, проведенных в советской армии, видал и не такое. – Вожатый ее прижал и тю-тю. Приехала пионеркой, а уехала советской женщиной!

- И что, я теперь спать на этом буду? – Леня растерянно смотрел на простыню.
- Иди обменяй, тоже мне трагедия, – Сашка по-военному аккуратно застелил кровать, разгладив старое шерстяное одеяло.
- Угу, – Леня засунул простыню под мышку и вышел из домика.
- Эх, а у пионеров политработа на высоте была, – Сашка начал с интересом оглядывать висевшие на стене плакаты. Один из них, во всю стену, был покрыт черно-белыми фотографиями членов Политбюро. Строгие старцы, морщинистые щеки которых были отретушированы неизвестным художником и выглядели на фотографиях неестественно гладкими, неподвижным взглядом реяли над никелированными кроватями.
- Пятнадцать, Шестнадцать... – считал Сашка фотографии высокопоставленных стариков. – Двадцать один... Очко! Санек, в карты режешься?
- Чуть-чуть, я вообще-то почти не умею.
- Ничего, мы тебя в преферанс научим играть, не грусти. – После долгих армейских лет, происходящее казалось Сашке курортом.
- Я с интересом посмотрел на плакат, висевший около моего изголовья. Он изображал ошетилившуюся оружием скалу. Тут и там из маленьких окошечек этой скалы выглядывали страшного вида пушки, штыки винтовок, кое-где видны были танки, а над скалой, словно мошара, повисшая летом над лесной тропинкой, реяла стайка самолетов с красными звездами. Внизу было написано: «СССР – неприступная крепость социализма». Надпись была выполнена красным цветом, шрифтом старых выпусков газеты «Правда».
- На перекличку, – в дверях появился аспирант Семечкин, один из заместителей комиссара отряда.
- Ленька где? – исчезнувший приятель с изгаженной простыней еще не появился.
- Не волнуйся ты, – Сашка махнул рукой. – Обменяет простыню и вернется.
- Доложить о личном составе! – Сашку, как человека армейского, назначили старшим по комнате.
- Товарищ комиссар отряда, все в сборе, кроме студента Садовского.
- Это что еще за безобразие?
- Товарищ комиссар отряда, – Сашка вытянулся, словно вот-вот отдаст честь, – простыня у него была испорченная, он в хозяйственную часть обменять пошел.
- Я, кажется, русским языком сказал всего полчаса назад! – комиссар начинал звереть. – Никаких оправданий я не потреплю. Студенту Садовскому строгий выговор, и в институтскую характеристику этот выговор тоже пойдет. Вторая неявка на перекличку, и немедленно будет отчислен!
- Дурак нам попался, мать его, – Сашка расстроено бормочет. – У меня в армии сержант, и тот лучше был.
- Да вот он с простыней идет, – и вправду, испуганный Леня бежал к нам.
- Беги скорей, где же тебя носит! – Сашка помахал ему рукой.
- Да дура эта, которая простыни выдает, ушла куда-то, – Леня запыхался от бега.
- Ну ладно, давай в темпе, а то сейчас уже на поле выходим...
- Идти до поля пришлось довольно далеко по грунтовой дороге. Солнце разогрело землю, в траве жужжали шмели, и казалось, что в подмосковье вернулось жаркое лето.

– Значит так, – комиссар никак не мог расстаться со своим мегафоном. – Разбиваетесь на пары. Каждая двойка студентов берет на себя одну грядку.

Я с тоской посмотрел на поле, грядки эти протянулись по крайней мере на два километра. Хотелось пить, разогретая земля и жужжание насекомых вызывали желание лечь на спину, зажав травинку в зубах и смотреть на редкие облачка, плывущие по голубому небу. «Вместо сильных мира этого и слабых, лишь согласное жужжанье насекомых», – вспомнил я.

– Картошку в корзины насыпаете, потом в мешки. Мешки вдоль грядки будете ставить. Их потом машина соберет колхозная. И от работы не отлынивать. На каждой грядке будет командир, он вас как следует проверит. Все понятно? Это вам не бином Ньютона. Разошлись! – голос комиссара, усиленный мегафоном, переливался металлическими обертонами.

Мы ползли с Леней вдоль выделенной нам грядки. Картошка была мелкая, и уже порядочно подгнившая. Видимо недавно шли дожди, и клубни были покрыты мокрой глиной. Через полчаса заныла спина, и нелепость происходящего одинаково завладела мной и моим напарником.

– А в Америке сейчас студенты сидят в каком-нибудь застекленном кафе, смотрят на небоскребы и пьют холодное пиво... – Я дразнился, с садистским удовольствием наблюдая, как Леня делает глотательные движения, представляя себе, как густая пена переливается через край высокого стакана. – И им выговоры с занесением за изгаженную простыню никто не дает, пусть только попробуют, они сразу же в суд подадут...

– Разговорчики, – начальник грядки, парень со старшего курса, которого я никогда раньше не видел, появился перед нами, расставив ноги в резиновых сапогах. У него было дегенеративное тупое лицо, изъеденное оспинами, наверняка он был неуспевающим двоечником, и теперь, наконец, мог отомстить за унижения, доставленные ему изворотливыми лекторами в ненавистных аудиториях. На этой грядке он явно чувствовал себя в своей тарелке.

– Вы чего, приказа не слышали? – Парень зло скривился. – Это что за говно у вас в корзине, я вас спрашиваю! – он пнул сапогом наполовину заполненную мокрой картошкой корзинку, она опрокинулась, и плоды нашего труда рассыпались.

– А чего тебе не нравится? – Леня испуганно посмотрел на широкие плечи начальника грядки.

– Кто так картошку собирает? Как фамилия? – парень достал из кармана зеленых брезентовых штанов маленький обтрепанный блокнотик и карандаш. – Вы чего думаете, от ответственности уйдете? Хрена!

– А чего? – я испуганно поглядел на рассыпанные вокруг клубни.

– А землю надо аккуратно счищать, и потом, вы много картошки в земле оставляете, – в доказательство он отошел назад на несколько шагов и ковырнул сапогом землю.

Найти пропущенную картошку ему не удалось, он разозлился, и начал ожесточенно бить ногой по грядке, пока не нашел крохотный, размером с наперсток клубень, покрытый мокрой глиной.

– Ага! – глаза его горели ненавистью. – А ну-ка к самому началу грядки, и по второму разу все собрать! А про вашу работу я вечером на переключке доложу... – Он еще раз сердито взглянул на нас и пошел воспитывать работавших на соседней грядке.

– Слушай, Леня, он чего, больной что-ли? – Я был поражен ненавистью, с которой наш надсмотрщик распоряжался своими подчиненными.

– А хрен его знает, вот занесло, мать их так. Надо было больным сказать и справку у врача взять. У меня участковый врач знакомый, наверняка бы дал.

– Ну что теперь, – я пожал плечами. – Пошли по второму разу грядку собирать, раз этому мудиле так хочется.

Второй проход грядки не принес желаемых результатов, мы долго копались в земле под ненавидящими взглядами изъеденного оспой парня, но с трудом набрали четверть корзины. В результате, к вечеру мы намного отстали от остальных, не собрав даже половины километровой гряды. Солнце уже садилось, спина не разгибалась, и я проклинал свою судьбу.

– Ну что? – Комиссар отряда бродил по полю со своим любимым мегафоном. – Вот, обратите внимание, все уже работу закончили кроме этих бездельников. Вот девушки досрочно закончили, почти сто мешков собрали, а эти, – он презрительно посмотрел на нас, – сколько мешков собрано? – Он обращался к тому же гнусному парню.

– Сейчас, – тот достал из кармана блокнотик. – Сорок восемь.

– Значит так, – комиссар усмехнулся, прижав к зубам мегафон – Пока поле не уберем, домой не пойдем. Так что посмотрите хорошенько на тех, кто вас задерживает! Посмотрите на этих городских белоручек, один из них сегодня днем на переключку не явился, какая-то закономерность во всем этом прослеживается. Ну, что делать будем? Ждать, пока они грядку закончат, или научим их, как надо работать?

– Сволочь, – прошипел Леня. – Влипли мы с тобой!

– Да чего их ждать? – боевито выкрикнула разгоряченная уборкой девушка из соседней группы. Мы сейчас всем отрядом навалимся и грядку приберем!

– Ну давайте, ребятки, чтобы этим паразитам стыдно было.

Стыдно мне не было, я просто начинал ненавидеть свою жизнь, советский строй, институт, одновременно задумываясь о том, как органично эти деревенские девчонки подходят для уборки прогнившей картошки. Как ни странно, им эта бессмысленная процедура нравилась, их согнутые спины и широко расставленные ноги заставляли приливать кровь к лицу. Куда подевались бледные, испуганные глазки, бегающие в надежде найти шпаргалку на экзамене, и не понимающие решительно ни одного слова грустного лектора, пытающегося вдолбить в пустые головы основы наук...

Грядка наша была ударно закончена силами сплоченного коллектива, кидающего на нас недружелюбные взгляды, и на поле приехал разбитый сельский грузовик.

– Мужчины, на погрузку, – проревел в мегафон комиссар. – Девушки могут отдыхать!

Мы шли за буксующим грузовиком, переваливая через борта влажные от грязи мешки. Шофер был кажется пьян, во всяком случае он все время норовил съехать куда-то в сторону и, наконец остановился, и, вытаращив глаза, вылез из кабины.

– Ох, твою мать, – сказал он, заводя глаза. – И на хер вы эту картошку собираете? Все равно в хранилище сгноят, у нас вентиляция уже три года назад сломалась, ее как завезут, так она и гниет, потом по весне сусло получается вонючее. Уж председателю мы жаловались, она баба у нас, герой труда! – Он уважительно покачал перед собой указательным пальцем. – В Кремле заседает, сучка... – Водитель снова напрягся, пытаясь сфокусировать перед собой расплывающееся пространство. – Ну ладно, – он поднялся и вытащил откуда-то из-под кожаного сиденья наполовину выпитую бутылку

водки и грязный граненый стакан. – Пойдет? – Он вопросительно смотрел на нас, замерших в недоумении.

– Не надо тебе пить сейчас, – Леня неожиданно проникся происходящим. – Ты чего, мы все весь день вкалывали, заводи мотор, да в хранилище уезжай!

– Да пошел ты! – водитель налил стакан. – Ну, пойдет?

– Нет, не пойдет, – зло сказал Леня.

– Пойдет! – уверенно заявил мужик, проглатывая содержимое стакана. – Уй, ё-мое, не пошло, – судороги сломили его и водка, мутным потоком смешавшись с содержимым его желудка, вышла наружу, жадно впитываясь в сырые комья земли. – Отойди, городские, раздавлю, мать вашу так, – он покачиваясь сел за руль, и виляя уехал.

– Уходим в лагерь, построиться в колонны, – комиссар отряда был полон осознания собственной значимости. – Скоро ужинать будем, бойцы. Спеть песню хотите?

– Хотим, – залихватски ответили девушки.

– Слушай, – Леня, страдальчески скривившись, смотрел на меня. – А может в Америку удерем?

– Ты чего, с ума сошел? – Прошедший день изменил меня, я начинал ненавидеть большинство своих сокурсников, с грустью вспоминая Колю, Игоря, Яну, Вику, Инну, Беллу, нормальный мир, существующий где-то совсем недалеко от этого поля, мир, в котором люди, живущие вокруг меня понимают, что к чему, и никогда не согласятся петь бездарные песни хором.

– Ну вы, – Люба с красными щеками пренебрежительно смотрит на нас. – Вы нам всю статистику изгадили! Соседний поток норму выполнил ударно, а из-за вас мы на третье место в соревновании сошли.

– Мы не виноваты, – я пытаюсь спасти положение, – нам идиот какой-то попался, заставил всю грядку с самого начала по второму разу проходить.

– Не оправдывайся, – Люба полна презрения и классовой ненависти. – Почему-то никого из нас не трогали, только Сашу с Леней обидели, маменькиных сынков!

– Ну знаешь, – я начинаю злиться, – а кто тебе на экзамене помогал? Кто лабораторки давал переписывать, дура!

– Ну да, вспомнил, – лицо ее снова загорается красным огнем ненависти. – Сейчас жизнь другая, ты мне контрольные не вспоминай. Короче, если завтра наш отряд снова подведете, с вами по-другому разговаривать будут. У нас есть ребята знакомые, с четвертого курса, они вас так отделают, что мама родная не узнает! – Довольная собой она уходит.

– Слушай, – лицо Лени становится белым. – Я тебе клянусь, если я когда-нибудь удеру из этой проклятой страны, я тебе помогу!

– Я тебе тоже! – мы пожимаем руки.

Становится темно, и мы наконец добредаем до пионерского лагеря. В столовой на раздаче стоит толстая бабка в грязном фартуке, она вываливает на алюминиевые тарелки густую манную кашу с жидким озерцом машинного масла посередине. Есть не хочется, ужасно болит спина, и мы, с трудом добравшись до коек, отваливаемся.

– Эй, чего разлеглись, на переключку пора! – Сашка тормозит нас. – Вам чего, неприятностей вам на собственную задницу мало, что-ли?

– Идем, идем, – я с трудом напяливаю сапоги и слушаю, как мегафон ревет на площади, подводя итоги первого трудового дня. Мне хочется домой, и я с тоской

понимаю, что еще по крайней мере недели три мне суждено сгибаться над грядками, утром и вечером слыша этот ненавистный, искаженный мегафоном металлический голос комиссара.

На следующее утро начинает идти мелкий осенний дождик. Небо застелено низкими серыми тучами, от земли поднимается пар, грунтовую дорогу мгновенно размывает и мы месим грязь, с трудом вытаскивая из липкой глины сапоги. Под дождем уборка картофеля превращается в мучение, старые мешки пахнут плесенью, подгнившая, мокрая картошка, облепленная землей, становится тяжелой и наполненные мешки невозможно оторвать от земли.

Дорога к полю проходит мимо наполовину засохшего ручейка, у его берегов стоят голые, изогнутые деревья, покрытые бугристыми налетами. Такой пейзаж вызывает в памяти страшные сказки, кажется, что в этом гиблом месте поселилась нечистая сила. Поле спускается к небольшому болотцу вниз от маленькой, заброшенной деревушки, в которой давно уже никто не живет. За болотцем начинаются холмистые перелески. Над развалинами домов возвышается старая кирпичная колокольня, почему-то построенная в слегка готическом стиле. Уходящий вверх шпиль неожиданно увенчан подобием луковицы, над которым скривилась погнутая железная балка, когда-то заканчивавшаяся крестом. Окна в церквушке выбиты, мрачная, она возвышается над колхозным полем.

Днем облака рассеиваются, и между ними выглядывает солнце, а на горизонте между перелесков появляется радуга. Мои рукавицы пропитаны грязной холодной жижей, костяшки пальцев распухают и начинают неметь. Я с испугом думаю о том, что если дождь продлится еще несколько дней, я больше никогда не смогу играть на пианино. Наконец, деревенский трактор привозит обед: рис с тертой морковью, жесткими обрезками мяса, и чуть скисший компот. Компот я с отвращением выплевываю, и бреду к заброшенной церкви. Около нее растут старые деревья, на них качаются зеленые яблоки, на некоторых из которых виднеются красноватые прожилки. Я срываю одно из них, инстинктивно приготовившись к тому, что сейчас мой рот сведет терпкой горечью, но яблоко пропитано ароматом мокрой травы, меда, свежести, я никогда не думал, что этот незрелый плод может быть так вкусен.

Вход в церковь завален ржавыми железяками, я с трудом пробираюсь через остатки комбайна, и наконец оказываюсь внутри. Свет пробивается через разбитые окна, пахнет засохшими человеческими испражнениями. Птица, испуганная моим появлением, бьет крыльями и срывается с перекрытия, улетая через окно. Я поднимаю глаза вверх и вздрагиваю от строгого лика Христа, потемневшего, но еще вполне различимого. Вокруг его головы разливается золотой диск, его черные, миндальные глаза смотрят с болью со стены на пробивающийся сквозь каменный пол бурьян, на серые высохшие кучки кала, на желтые обрывки газет, сваленные в углу.

Осеннее солнце неожиданно пробивается через окно, просвечивая в застоявшемся пыльном воздухе светлый, колеблющийся луч, падающий на лицо сына Божьего. Неведомый мастер, расписавший эту церквушку был талантлив, Христос удивительно земной и живой, его одежда объемна, а поднятый палец замер, это движение удивительно точно схвачено. Кажется, что грустный Бог вот-вот опустит руку, со скорбью глядя на дела рук человеческих.

– Подъем, – доносится с улицы глухой металлический голос, усиленный мегафоном. – обеденный перерыв закончился, приступаем к работе!

Солнце, ненадолго выглянувшее во время обеда, снова скрывается за сизыми тучами, дождь усиливается, моя куртка промокла, и мы с Леной, чертыхаясь, грязные по пояс,

наполняем картошкой все новые мешки. Темнеть начинает рано, и на поле, с трудом продираясь сквозь размокшую землю, появляется трактор с прицепом. За его рулем сидит все тот же колхозный мужик. Он в доску пьяный и грубо матерится.

– Погружай! – командует комиссар, – размокшие мешки изрядно потяжелели, и мы с трудом переваливаем их через деревянные борта прицепа.

– А кто в хранилище это говно сгружать будет? – рыгает водитель. – Я уже сегодня наработался, мать вашу. Выделяй грузчиков, командир!

– Авдеенко, Горшков, – на погрузку, – командует комиссар.

Трактор ревет, проворачиваясь огромными колесами, и тащит забитый картошкой прицеп за собой. В прицепе поверх картошки сидят промокшие под дождем грузчики, посланные начальством на разгрузочные работы.

– Куда едешь, мать твою так, – в отчаянии кричит комиссар, но уже поздно. Трактор зависает над обрывом, неумолимо наклоняясь, и затем неспешно, словно в замедленной киносъемке, заваливается на бок, сползая в болотце.

– Сволочь пьяная, – Горшков успевает спрыгнуть на землю, измазавшись в земле, но Гришки Авдеенко не видно. Прицеп перевернулся, трактор тоже, и рассыпанная картошка покрывает толстым слоем землю.

– Авдеенко где? – кричит комиссар.

– В кузове он был, – Горшков дрожит от страха.

– Мужики, скорее, – мы, перепуганные до смерти, наваливаемся на деревянный бок прицепа, раскачивая его и пытаясь приподнять.

– От трактора отцепляй, – Сашка прыгает на металлические конструкции, поддевая заржавевший крюк. Прицеп поддается и переворачивается и мы с ужасом видим Гришку, лежащего со странно повернутой на бок головой. Из уголков его рта течет кровь, и рука неестественно откинута в сторону.

– Осторожно! – Сашка, скользя на мокрой, грязной картошке подбирается к нему. – Шею свернул, кажется, мать вашу! Деревня далеко? Его в больницу надо.

Комиссар растерян, он даже выронил свой металлический мегафон, руки у него дрожат, то ли ему жаль парня, то ли он боится получить выговор по партийной линии.

– Черт, не дышит. – Сашка прислоняется к губам Авдеенко и с отчаянием смотрит на нас. – Суки проклятые, ну что, зачем парня угробили?

– Студент Горшков, что вы себе позволяете? – комиссар начинает приходить в себя. – Налицо несчастный случай.

– Да пошел ты, мудака, – Сашка плачет.

– Ты выражения выбирай, сопляк! – комиссар сжимает кулаки.

– Ты что, сука, думаешь я тебя боюсь? – Сашка встает и идет вперед. – Да я в армии не таких как ты видел, да плевать я на вас всех хотел! Ты думаешь, мне ваш гавеный институт так уж и нужен? – Он уже в истерике, покрасневший и трясущийся от ярости. – Ну что, доигрались? Собрали урожайчик, мать вашу!

– А с водителем-то чего? – робко спрашивает какая-то девочка. Студенты в ужасе застыли, многие из них впервые видят перед собой смерть.

– Ух ты, мать твою, – Сашка кидается к перевернутому трактору, распахивая дверцу. Оттуда вываливается водитель, он стонет, лоб у него разбит, но судя по тому, что он пытается привстать, ничего серьезного с ним не произошло.

– Ну что, сука! Доигрался? – Сашка размахивается и наотмашь бьет его кулаком в лицо, разбивая нос.

– Уууу, – водитель совершенно пьян и пытается отпозти в сторону, уже ничего не соображая.

– Человека угробил, сволочь! – Сашка звереет.

– Уберите этого десантника, черт возьми! – Комиссар кидается вперед со своими помощниками, заламывая Сашке руки.

– Ненавижу! – кричит Сашка, размазывая грязь по лицу, его оттаскивают в сторону.

– Милицию и врача вызвать надо, – комиссар мрачен, происшедшее не входило в его планы.

– Сейчас уже автобус из колхоза приехать должен. – Аспирант Семечкин испуган. – Надо бы его отсюда вынести, – он со страхом смотрит на вывернутую шею Авдеенко.

– Не трожь, пусть милиция разбирается, а то потом не докажем ничего.

Милицейский УАЗик с мигалкой застревает на поле, и мрачный лейтенант, по колени измазавшийся в грязи, записывает свидетельские показания. У лейтенанта простое, скуластое деревенское лицо. Идет холодный дождь, милиционер накинул брезентовый плащ. Застывшая фигура Гриши Авдеенко все так же безжизненно лежит посреди рассыпанного картофеля.

Откуда-то из-за поля приносят брезентовые носилки, машина Скорой Помощи тоже застряла где-то на подъездах, и Гришу кладут на них, пристегивая кожаным ремнем. Нелепая смерть товарища заставила всех забыть про социалистическое соревнование, ударная уборка урожая сорвана.

– Родителям сообщить надо, – комиссар мрачно вытирает лоб. – Семечкин, поезжай с лейтенантом в райцентр, в Москву позвонишь.

– Почему я? – Семечкин мрачно смотрит себе под ноги, и в воздухе сгущается неповиновение.

– Ну ладно, хрен с вами со всеми, не мужики, а размазня! – комиссар зло бросает мегафон на землю. – Я сам поеду, проследи, чтобы в лагере беспорядков не было, – он бредет к УАЗику, машина буксует, потом трогается с места, и уезжает.

– Ну что, ребята, – Семечкин грустен. – Пошли отсюда, сегодня переключки не будет, у нас в кладовке водки есть бутылок десять. Разбирайте, я разрешаю. Черт бы все побрал, – он качает головой. – Угораздило же парня...

На следующее утро дождь усиливается. Пахнет сыростью, мокрой травой и хвоей. Никто на работу не выходит. Койка Гриши Авдеенко аккуратно застелена, его рюкзак лежит около кровати, и никто не осмеливается к нему приблизиться.

– Студенты, – ревет громкоговоритель, – объявляется общий сбор. К нам приехал председатель колхоза, герой социалистического труда, народный депутат Ксения Гавриловна Семенова.

Подавленные, мы стоим под дождем на зацементированной площадке около подтекающего ржавой краской пионера, трубящего в свой выцветший горн.

– Товарищи студенты, – Ксения Гавриловна небольшого роста, в деревенских сапогах, с дегенеративным, пропитым лицом и с вертлявыми манерами. На груди у нее нелепо висит золотая звезда, раскачиваясь при каждом шаге. За ней следом ходит благонадежного вида мужичок, почему-то в лаковых черных ботинках, забрызганных колхозной грязью. – Вчера случилась страшная трагедия, я понимаю ваши чувства. Мне

также, как и вам жаль этого парня, который отдал свою жизнь в битве за урожай. Я ведь тоже мать, у меня двое сыновей, они сейчас проходят службу в рядах Советской Армии, охраняя границы нашей родины. Недосмотрели мы, недостаточно проводили политическую работу среди наших рабочих. А всему виной пьянство!

Она многозначительно замолкает. Ее красное лицо совсем не заставляет предположить, что Ксения Гавриловна никогда не принимает внутрь алкоголя.

– Шофер этот пойдет в тюрьму, мы его сурово накажем. Но, что бы ни случилось, – она на секунду замолкает, – как бы не было нам тяжело, Родина ждет урожай. Поэтому я призываю к вашей советской, комсомольской, социалистической сознательности, не дайте пропасть народному достоянию на корню. В этом ваш гражданский долг.

– Наш гражданский долг – учиться. – Высокий, незнакомый мне парень сердито смотрит перед собой. – А ваш – выращивать и убирать урожай.

– Несознательно говоришь, – Ксения Гавриловна останавливается напротив него. – Ведь когда в овощной магазин в своей Москве придешь, а картошечки нету, небось сердиться станешь. Вам бы все на готовенькое, а как нюхнете, каким трудом все это достается, так нос воротите!

– Да сколько бы мы не работали, все равно все сгноите, – парень уже откровенно сердится. – Это что, шуточки что-ли? Вот Гришки уже нет, не вернуть его.

– Ты, – мужичок в грязных лаковых туфлях со злостью подбегает к парню. – Сосунок поганый, твое место в борозде!

– Да пошел ты, – парень разворачивается и уходит из строя.

– Товарищи студенты, – бабенка с золотой звездой героя растеряна, – это демагогия. Вот какие настроения сейчас пошли у нашей советской молодежи!

– Ребята, как же вам не стыдно? – Торжествующая Люба вырывается вперед. – Колхозники гнут свои спины, пытаюсь вас, городских накормить, а мы что, будем носом воротить?

– Вот, молодец, девочка, – Ксения Гавриловна с обожанием смотрит на комсомольскую активистку.

– Смотаюсь я отсюда, – Леня сжимает кулаки, ненавижу их всех!

Смута подавлена, Гришу уже отвезли в деревенский морг, и мы снова идем на поле под косым дождиком. Мокрая трава волнами переливается на лугу под набежавшими порывами ветра, старая колокольня с ликом Христа возвышается над заброшенной деревней.

Мы снова ползем по грязному полю, матерясь и наполняя мешки склизкой, загнивающей картошкой. Плоды наших рук теперь забирает на тракторе баба, подвязанная выцветшим платком. Во рту у нее папироска, она расплылась как студень, грубо ругаясь басистым голосом.

Несмотря на то, что по слухам, нам для успокоения инстинктов подмешивают бром в чай, силы природы неумолимо берут свое. Вначале Сашка находит на поле странный картофельный клубень, длинный, с приросшими к нему у основания двумя округлыми картофелинами. Несолько движений ножичком, и скульптурная композиция возвышается на подоконнике нашей палаты, вызывая хихиканье проходящих мимо окна девочек. Этот примитивный символ действует на них как первобытная шаманская приманка. Вскоре Сашка с другим парнем, тоже прошедшим армейскую школу, уговаривает завхоза, и тот выдает им ключ от кладовки. Каждую ночь они уходят туда,

прихватив двух девиц из соседнего домика, и возвращаются часов в пять утра, постанывая от изнеможения и обсуждая достоинства и недостатки своих подруг.

Странная прострация охватывает меня, мне кажется, что от земли исходят какие-то таинственные излучения, что она полна голосами и чувствами, и я ухожу в эту странную вселенную, в отключке меся грязь по дороге на поле.

– Слушай, – Сашка только что с наслаждением побрился и умылся холодной водой, кожа на его щеках покраснела. – Ну чего ты, как неживой, честное слово. Бабу тебе надо, хочешь мы тебя с собой сегодня в кладовку возьмем?

– Нет, спасибо, – в рюкзаке у меня лежит любимая книжка, и думать о девушках, встречающихся с мальчиками в грязной кладовке, мне не хочется.

Начинаются заморозки и, наконец, картошка подходит к концу. Поле, а также и соседнее с ним убрано, и за нами снова приходят пропахшие бензином автобусы. Последние две или три недели я не брился, и у меня отросла небольшая борода. Мимо окна мелькают деревушки, перелески, и, наконец, на горизонте появляется город, словно огромный замок возвышающийся над окрестностями своими многоэтажными окраинными кварталами. «СССР – неприступная крепость социализма» – вспоминаю я плакат, потом Гришу Авдеенко со странно вывернутой шеей и слезы выступают у меня на глазах.

Нас высаживают около метро, я спускаюсь по привычным вестибюлям и со стыдом смотрю на свою измазанную осенней грязью куртку. Люди, едущие в этом поезде метро, как мне кажется, замечательно и красиво одеты, на них городские ботинки и приличные костюмы, женщи*ны носят туфельки и ноги их обтягивают синтетические колготки. Они беззаботны, мягкотелы, расслаблены, им нет дела до Гриши, лежавшего со свернутой шеей на куче грязной картошки, они даже не подозревают, что завтра и их могут взять и безжалостно послать в осеннюю грязь.

Наконец, я оказываюсь возле своего дома. Я с наслаждением сдираю с себя грязное белье, тщательно бреюсь и залезаю в горячую ванную, смывая деревенскую грязь. Почему-то вот уже месяц мне хочется горячего тоста в джемом, я вставляю белый хлеб между электрических спиралей, жду пока он подрумянится, и намазываю его клубничным вареньем из болгарской банки. Потом я рассматриваю себя в зеркало. Оттуда смотрит вполне приличный, выбритый парень, ничем не отличающийся от городской толпы. Я завариваю себе кофе, закурываю сигарету и наконец окончательно понимаю, что жизнь продолжается.

ПРИВЕТ, МЕНГИСТУ!

1.

Тяжелым выдался 1980 год. За несколько дней до новогодних праздников началась война в Афганистане. В начале марта где-то в далеких горах погиб Коля Рейзенбек, отчисленный из института за вольнодумство и тут же призванный к исполнению интернационального долга.

Два с лишним года Коля был лучшим моим другом, фанатичным коллекционером записей рок-музыки и любителем группы Queen. Несмотря на сомнительную фамилию, происходил он из осевших в России немцев. Коля поражал девушек длинными золотистыми кудрями, да и профиль у него был вполне арийский, вызывающий ассоциации с Вагнеровским Зигфридом.

Тогда, узнав о гибели Коли, я ушел с занятий. На улице падал пушистый снег, светились корпуса институтов, ходили троллейбусы, толпились студенты в пивной около рынка, через дорогу от военной кафедры, но Коли уже не было. А ведь всего несколько месяцев назад я я был у него на дне рождения, играла музыка, мы пили вино, курили, целовались с девушками и жизнь казалась вечной. Ну, или по крайней мере ужасно длинной.

Летом того же рокового 1980 года в стольном граде Москве были назначены Олимпийские игры. По этому поводу страна надрывала пуповину, тут и там строились всяческие спортивные стадионы и сооружения, и никто еще не знал, что мы присутствуем при начале конца исторической эпохи, именуемой четырьмя буквами алфавита, прочтенными справа налево с двукратным нацистским заиканием: «СССР».

Поздним летом того же года, во время душной жары умер хриловатый Высоцкий. За его концерт в актовом зале школы чуть не выгнали мою любимую преподавательницу литературы. А какой славный был концерт, а как здорово он хрипел на Таганке, надрывая вены на шее. Добрый человек из Сезуана, в зале бродил Любимов с бледным лицом и в кожаной куртке.

Но человек по природе своей эгоцентричен. В феврале меня угораздило влюбиться в рыжую девушку Инну, и несмотря на катаклизмы, 80-й год прошлого века закружился поземкой вокруг ее ведьминых зеленых глаз.

2.

Черт его знает, как начинается это чувство, из какого странного инстинкта оно истекает. По крайней мере не из инстинкта размножения. Несколько моих подружек

того времени были весьма длинноноги и стройны, изумительно и с чувством выполняли предусмотренные природой функции, а также безусловно подходили для зачатия здорового и беспечного потомства, не отягощенного генетическими, моральными и прочими комплексами.

К грядущей Олимпиаде из студентов выбрали наиболее способных к иностранным языкам и начали обучать их по специальной методике, подготавливая будущих переводчиков для буржуйских корреспондентов.

Английский я выучил самостоятельно. В те славные годы все иностранные голоса глушились напропалую, и кроме жужжания и редких слов в эфире ничего разобрать было решительно невозможно. Зато исконно английское BBC из града Лондона принималось в Москве прекрасно и не глушилось, поскольку средний советский человек английского языка знать не умел. Так и пошло-поехало, слово за слово, оборот за оборотом, и бормотание в радиоприемнике вдруг сложилось в связную человеческую речь с Оксфордским акцентом.

Инна училась в английской спецшколе, и училась неплохо. Мы попали в одну группу. Занятия проводились диалогами – мы разбивались по парам и болтали на заданные темы под присмотром преподавателя.

Была Инна тоненькой, огненно-рыжей с огромными зелеными глазами. И на третьем или четвертом уроке, после непринужденного обмена легким англоязычным стебом я почувствовал, что пропадаю. Да что там, пропадаю – задыхаюсь стоит только увидеть ее.

Я понял, что закрутило меня серьезно, когда однажды во время перерыва между лекциями понял, что должен немедленно увидеть Инну. Ее группа прилежно выполняла лабораторные работы в соседнем здании, я удрал с лекции и воровато приоткрыл дверь в лабораторию.

Инна была в белом свитере, она крутила ручки на каком-то приборчике. Как же грациозно она это делала, дыхание перехватывало. Черт его знает почему, я стеснялся и не мог заставить себя подойти к ней и пригласить ее в кино, в театр, на концерт, просто прогуляться.

Все решил случай, или, вернее, женская интуиция. Перед очередным занятием по английскому она проходила в коридоре, увидела меня, улыбнулась, подошла и вдруг сказала – «У тебя воротничок замялся» и ничуть не смущаясь поправила его, прикоснувшись будто невзначай к моей щеке.

– Спасибо, – непринужденно сказал я, хотя сердце трепыхалось, будто у меня начался приступ стенокардии. – Слушай, а ты сегодня вечером свободна? (Что же я делаю, – неслось где-то в глубине сознания, я сам удивлялся и ужасался тому, как слова выскакивают из меня) – может быть сходим куда-нибудь?

– Конечно, – улыбнулась она. После лекций встретимся у входа.

3.

Какой это был удивительный день. Глупость, наивные развлечения молодежи советского времени: мы пошли смотреть мультфильмы в «Баррикадный», был в те

времена такой странный кинотеатр мультипликационного фильма, располагавшийся около площади Восстания. Мрачный Сталинский высотный дом, в котором впоследствии пересеклись наши судьбы, серое небо, из которого на землю падал мокрый снег. Инна проголодалась, мы зашли в гастроном. Гипсовые гроздья винограда и лепные амфоры периода культа личности свисали с потолков, здесь явственно стояли в своей торжественной и мрачной неприступности тридцатые годы.

За прилавком стоял продавец, будто сошедший с киноэкрана 50-х годов, странноватый парень в белом халате. От него излучалась обстоятельность, правота своего дела и присущая строителю коммунизма уверенность в завтрашнем дне.

– Гражданочка, вам батончик «Ситного»? – он ловко поворачивался и хватал хлебные овалы из лотка. – А вам, молодые люди за 13 копеечек? – Пожалуйста, проходите, граждане, не задерживайтесь.

– Забавный тип, – хихикнула Инна. – Он здесь уже год с лишним работает, какой-то он, не знаю, как передать.

– Ископаемый. Как и все это здание. Гость из прошлого.

– Точно. Он будто из прошлых поколений.

– Как ты это все точно чувствуешь, я тебе поражаюсь.

– А я тебе.

Ну что оставалось делать, разве что воспарить к небесам, но проклятая сила тяжести не отпускала. Мы смотрели мультфильмы, я держал ее за руку.

Мультфильмы были хороши. Советская элита развлекалась, шедевр на шедевре, до слез, когда динозаврик говорил «папа, папа»...

Потом я провожал Инну домой. Жила она на Проспекте Мира, мы шли пешком от метро, перебегая улицу перед трамваями. Снег валил все сильнее, мы оказались на детской площадке, идти дальше было некуда. Зеленые глаза ее светились, меня прорвало – я говорил о том, какая она красивая, и мы поцеловались. И глаза ее сверкнули, будто из них исходил луч лазера...

С тех пор мы встречались почти каждый день. Мы ездили в метро и по эскалаторам, держась за руки и смеясь тому, что казалось понятным только нам.

Мы ходили на десятки концертов и театральных премьер. Мы заваливались к друзьям на дни рождения и свадьбы, покупая бездарные тортики в кондитерской около Тверского бульвара. Мы сдавали одежду в химчистку где-то у черта на куличках, за десятками трамвайных и железнодорожных путей среди талого снега. И нам было хорошо. Несмотря на то, что мы ограничивались лишь поцелуями. Как ни странно, мне этого хватало. Поэтические натуры вообще склонны к идеализации образа.

Но весной что-то сломалось.

4.

В первых числах мая мы шли от Проспекта Мира к Сокольникам. Справа был овощной магазин, потом мост, по которому рыча перекачивались самосвалы, а за мостом и железной дорогой начинались расцветающие кусты непонятной природы, и трава, и буйство природы.

– Инна, – я смотрел на нее. – Ты прекрасна. К тому же ты умна, а это уже совсем большая редкость, особенно среди женщин.

– Ну ты хватил, – она улыбнулась.

– Посмотри, как красив этот парк. Жизнь прекрасна, любой, наугад выбранный момент навсегда остается в памяти. Я читал где-то, что человеческая память запоминает все, в мельчайших подробностях, как видеозапись, каждую секунду, и, если напрячься, через много лет можно будет точно вспомнить, где лежала эта поломанная ветка, каждый листик на этой тропинке, каждое дыхание, каждый поцелуй. Представь себе, через двадцать лет ты просыпаешься, открываешь глаза, и видишь все, как будто оно происходит сейчас, в эту секунду.

– Сейчас попробую, – она закрыла глаза. – Это я пытаюсь вспомнить, как я была на даче, маленькой. Не-а, не получается, что-то колыхается перед глазами, смутно как-то.

– Это потому, что мозг не дает людям прикоснуться к памяти. Как предохранительный механизм, иначе люди могут сойти с ума. Они потеряют представление о пространстве, времени, и начнут жить прошлым или будущим, забыв о настоящем.

– Не знаю, – Инна замолчала. – Если это действительно так, как ты говоришь, то жить станет страшно.

– Ты права, – я на секунду задумался. – А я тебе сегодня говорил, мне иногда кажется, что я вижу не только то, что происходило со мной, но и умею читать память окружающих, давно умерших людей. Это так интересно, но и жутковато одновременно...

– А может тебе к врачу сходить? – Инна испугалась и как-то замкнулась.

– Да нет, не пугайся, это просто чересчур развитое воображение. – Я погладил ее по щеке, и Инна замерла. – Посмотри мне в глаза, – ее зрачки встретились с моими, я погрузился в них, и мы снова слились в поцелуе.

– Увидят же, – смущенно прошептала она, заметив трех мужиков, с решительным видом направляющихся в кусты.

– Да не до нас им, – я засмеялся. – Они распивать пошли после работы, отработали смену и отдыхают.

– Ну все равно, пойдем. – Мы обошли небольшой прудик и вышли на городскую улицу. Около входа в парк улица проходила по мостику над рельсами железной дороги. Под мостом прогрехотала электричка.

– Пошли, пошли, – прошептала она.

Уже стемнело, на улице зажглись фонари. Таинственен был этот район, желтый свет расплывался по мостовой, черные кусты шуршали сухими листьями, машины проносились мимо, освещая нас фарами.

– Красивый сегодня вечер, черт возьми, – я впитывал городские улицы, запахи и шорох автомобильных шин.

– Ой, слушай, в «Звездном» сегодня крутят «Несколько дней из жизни Обломова». Пошли?

– Пошли.

И понеслось. Штольц и Обломов, и нелепость, и радость жизни, и счастье, и снег...

– Я, кстати, за Штольца. За энергию и созидание. За готику и империю. Но тем временем понимаю, чувствую и даже сочувствую Обломову. Ведь это наше все, соединилось и слилось.

- Чувствую какая-то. Все страдают, цыгане, пьянство, Надоел пьяный надрыв.
- Милая ты, но глупая. От себя не уйдешь.
- Я уйду. Надоели, идиоты. И ты тоже. В глазах ее стояло странное выражение, словно что-то, давно сдерживаемое прорвалось изнутри. – Ты знаешь, я давно хотела тебе сказать. Я не хочу больше с тобой встречаться. Я боюсь тебя.

5.

- Нокаут был настолько болезненным, что не доходил до сознания несколько минут.
- Что?
 - Что слышал. Ты слишком опасен.
 - И для чего же я слишком опасен? Для здоровья?
 - Для будущего.
 - Ааа. Понятно. Для будущего. Будущее размажет нас манной кашей по краю тарелочки и не поморщится. Инна, ты же..
 - Что я?
 - Ты же выше, умнее.
 - Ничего не знаю. Я хочу жить сейчас и здесь!
 - Инночка, милая, ну какого черта!
 - Вот заладил. А кто я? Кто? Я обычная женщина. Я хочу замуж, да. Хочу детей. Хочу нормальной жизни. И смотрю на тебя, и думаю, с этим мне только в Сибирь как женам декабристов. А жизнь одна, понимаешь, одна! И другой не будет.
 - Ах, как часто слышал я эти аргументы, – нахмурил я брови.- Радость мещанина, двухкомнатная квартирка в Чертаново, хрипло играет радиоточка, пахнет подгоревшим маслом, располневшая жена в засаленном халате готовит яичницу, орут дети. Счастье простого советского человека.
 - Вот в этом ты весь, на нормальных людей тебе наплевать.
 - Инна, во-первых не наплевать, во-вторых ты не из этого клана.
 - А откуда ты знаешь? Почему ты взял себе право судить тех и этих, и вообще кто ты такой?
 - Не смей. Я тебя умоляю.
 - Извини, я все решила, – слова эти из ее волшебных губ были тем более обидны...
 - Какая глупость. Смотри, не пожалей.
 - Я ? Я пожалею?
- И мечта жизни моей, хрупкая и поэтическая Лаура кисти Боттичелли в одно мгновение превратилась в огнедышащего дракона.
- О, Боги... Высокое и низкое, вода и огонь, я почувствовал, что земля горит под ногами и еще подумал: зачем же теперь жить.

6.

События последних дней меня подкосили. Я сидел дома на пятом этаже хрущевской 12-этажной башни и третьи сутки пил разведенный медицинский спирт. Из мешанского трюмо темного дерева пятидесятых годов на меня смотрела опухшая физиономия. Все это казалось пошлым и неестественным, будто происходило с кем-то другим. Я набирал ее телефон, она бросала трубку.

Все было как во сне, и в сне этом неслись электрички и трамваи, а мы с Инной создавали странные туннели во времени и пространстве. Куда бы не заносила нас судьба, где бы мы ни целовались, или не шли в обнимку, чувствуя друг друга единым целым, в переходах метро, на Петровке и переходах с Кольцевой на радиальную, всюду в пространстве навечно повисли розовые, светящиеся туннели, подобные тем, которые прорывают муравьи в гигантском муравейнике. Мы были там всегда, в этот полуночный час, смеясь проходя по переходу, и несколько месяцев спустя, тоже смеясь пробегая обратно, и в кафе на улице, и около уличного киоска, и здесь, в этом углу за эскалатором, и около той колонны, и за Метрополем, и уж среди совершенно затерянного пространства между Лосиным Островом и кинотеатром «Звездный». И каждый раз, проезжая по этим местам, вернее, пересекая эти забытые, светящиеся розовым светом траектории, я улыбался, чувствуя мягкий, розовый комочек тепла, ударяющий в лицо.

Уже не помню как я оказался около ее дома и рассказывал ей об этом, о следах и траекториях, о времени и пространстве, о том, что все было и будет, и нет ничего нового, просто все те же запутанные траектории повторяются в каждом поколении, и на секунду ее зеленые глаза зажглись. Но тут же погасли. Духовного трения не хватало для химической реакции души.

Что-то пошлое и стандартное сказала она: «Я не знала, что ты так чувствуешь», «Извини», «Время все исправит».

Лицо ее было помятым и чужим. На улице стоял туман, в переходах около станции железной дороги пахло «Беломором» и вениками.

– Можно я тебя поцелую в последний раз?

– Целуй, – зевнула она. Губы ее были вялыми и чужими.

7.

В летней пыли пронеслась мимо Олимпиада: костюмы, пластиковые карточки-пропуски, валютные бары, финские соки, корреспонденты, первые аппараты-факсы, у которых бумага приводилась в движение огромными зубчатыми колесами и куча бездарных чекистов. Чекисты искали бомбы.

Потом наступила осень. Холодные дожди. Дни катятся, неразличимые друг от друга. Я сижу в аудитории, невнимательно слушая похожую на попугаиху преподавательницу очередного политико-экономического предмета, а на самом деле рассматриваю окна расположенного напротив научно-исследовательского института. Он пяти- или

шестиэтажный, выложенный крупным розовым кирпичом, с большими, во всю стену стеклянными пролетами. Там кипит, а вернее медленно протекает жизнь.

С утра в комнату на четвертом этаже приходит молоденькая девочка, скорее всего лаборантка, она снимает свое пальтишко, натягивает на плечи белый халатик и первые несколько минут делает вид, что разбирает бумаги на столе, перелистывая страницы лабораторного журнала. Потом она достает из сумочки косметический прибор и старательно подкрашивает губы, рассматривая себя в маленькое зеркальце. После этой обязательно повторяющейся каждое утро процедуры, девочка звонит по телефону, либо своему кавалеру, а скорее всего подружкам, прикрывая трубку рукой и проводя у в этой позе не менее сорока минут. Телефонная идиллия заканчивается всегда одинаково: в комнату заходит пожилой мужчина, тоже в белом халате, скорее всего ее начальник. При этом трубка торопливо опускается на телефонный аппарат, девочка вскакивает, демонстрируя озабоченность происходящим, и начинает щелкать переключателями большого шкафа, стоящего в глубине комнаты. Потом она о чем-то разговаривает с начальником, и тот удовлетворенно уходит. Лаборантка опять для виду пару минут стоит около шкафа, потом со скучающим видом садится за стол и снова берет трубку.

Через два окна от нее расположен кабинет начальника, скорее всего директора этого славного учреждения. На стене у него висит большой портрет Ленина, рядом расположился Брежнев, которого нельзя не узнать даже издали благодаря патологически густым бровям, а сбоку висит еще один портрет, я не могу разобрать лица, но почти уверен, что это Дзержинский.

У директора в кабинете длинный деревянный стол, и с завидной постоянностью он не менее двух раз в день собирает сотрудников на совещания. Люди с тетрадочками усаживаются, а директор встает со стула и что-то долго проникновенно им рассказывает. К концу своей речи он неизменно начинает резать руками воздух, стучать кулаком по столу, а потом обессиленно усаживается обратно в кресло, отпуская сотрудников на волю.

Жизнь проходящая за окнами неозвучена, это как будто немое кино, в котором нужно догадываться о том, какие роли играют в нем люди, мелькающие за тусклым стеклом.

Приходит в голову, что и я, сидящий в этой аудитории, ничем не отличаюсь от этих марионеток в доме напротив.

8.

В канун 7 ноября мы напились в студенческом общежитии, и тут я вспомнил, что ровно год назад Коле исполнилось 20 лет. То ли чрезмерное количество выпитого спирта давало себя знать, то ли я погрузился в то редкое астральное состояние, в котором иногда находятся йоги, но день этот врезался в сознании каждой прожитой секундой и потек по кругу, никогда не прерываясь.

Лекция закончилась, и в опустевшем холле института, около раздевалки, пахло влажным снегом. Коля только что получил у гардеробщицы свое пальто и обвязывал шею длинным, красным шерстяным шарфом. Продавщица в книжном киоске погасила свет и, склонившись над столом, копалась в сумочке. На улице начинало темнеть и

снежинки кружились в свете фонарей, покрывая землю девственно-белым нетронутым ковром.

– Мне только что принесли последний диск «Queen», – Коля достал из кармана пачку «Явы». – Будем отмечать мой день рождения, заваливайся ко мне.

– Спасибо, – пойти к Коле ужасно хотелось, но предстояло объяснение с родителями. – Я только домой позвоню. А чего принести?

– Да не надо ничего, у меня есть пара бутылок вина. Ну, если хочешь, тащи еще одну, напьемся.

В телефонной трубке звучал слегка испуганный голос мамы, просившей меня приехать домой не слишком поздно, но трубка была уже повешена и я чувствовал радостное возбуждение, освобождение от условностей жизни и предвкушение вечеринки.

Добираться к Коле надо было на метро, потом на троллейбусе. От остановки в глубь домов-колодцев вела тропинка, протоптанная гражданами империи между голых веток замерзших кустов. Старый кирпичный дом довоенной постройки оседал на сугробы подъездом под проржавевшей крышей, темная лестница вела к деревянной двери, из-за которой раздавалось глухие удары музыки.

Я нажал на кнопку звонка, дверь открылась и на пороге возник Коля с сигаретой в зубах, все еще замотанный в длинный красный шарф. В квартире было накурено, на полу сидели несколько ребят и девушек, и вокруг грохотала музыка. Музыка эта мгновенно захватила меня, она совпадала с ритмом ударов сердца, резонировала в сознании, и от нее веяло манящей свободой духа. Я, как загипнотизированный, протянул Коле бутылку грузинского вина, и, снимая пальто, кинулся в комнату.

– Ага, я же тебе говорил! – Коля был доволен. – Это как будто бы ты погружаешься в другую жизнь.

Песни заканчивались, после них начинались следующие, одна другой лучше, ударник посылал то звенящие, то глухие удары в колонки, и я уже ничего не видел вокруг, закрывая глаза и взлетая вверх с каждым аккордом.

– Это мой друг, – представил меня Коля. Чего будешь пить? Портвейн сойдет?

– Сойдет, сойдет, – я продолжал вслушиваться в мелодию, пытаюсь разобрать английские слова.

Пластинку докрутили до конца и снова поставили на первую песню. Портвейн слегка ударил в голову, пространство размягчилось, свет настольной лампы начал слегка колебаться, освещая сидящих на полу, и я понял, что девушка, сидящая рядом со мной красива. Я поглядывал на нее, она сидела, обхватив ноги, ее светлые волосы были скреплены сзади заколкой. У нее были острые плечи, чувственные губы, слегка согнутые в уголках, она курила, оставляя красные следы на сигаретных фильтрах, и медленно потягивала вино из бокала. Как это обычно бывает, она замечала мой заинтересованный взгляд и изредка ее глаза встречались с моими. В этот момент на губах ее возникала слегка циничная улыбка, адресованная в пустоту и одновременно мне.

Гудели басы, хриплый голос певца разрушал привычные барьеры, то переходя вниз, то срываясь на дисконт, заставляя сердце следовать ритму музыки. Грязный двор, старые кирпичные дома и тускло освещенные троллейбусы, прокладывающие свой путь по улицам заснеженного города, навязшие в зубах программы телевизионных новостей, насыщенные партийными хрониками, уходили в небытие. Здесь, в этой комнате,

существовал настоящий мир, мир свободы, лишенный условностей, мир, в котором человек, независимо от окружающей его социальной системы искал свое место в жизни, завоеывая окружающее его пространство, противостоя невзгодам жизни и побеждая природу.

– Хорошо играют, – нарушил молчание Игорь. – Аппаратура у них классная, чувствуешь как гитары звучат?

В этот момент пластинку перевернули и все мы услышали новую песню, настолько захватывающую, что все замолчали, вслушиваясь в извергающуюся из динамиков мелодию. Это был уже не рок, вернее рок, но мелодия напоминала классическую симфонию, тут и там вступали скрипки, сопровождаемые органом, на фоне которого электрическая гитара и барабаны казались совершенно естественным дополнением оркестра. Почему-то от этой песни хотелось плакать, петь, слезы выступали на глазах, то ли из-за небесной красоты и скорби этой мелодии, то ли из-за выпитого алкоголя.

– Эх, черт, проняло. – Коля сказал это сдавленным голосом и мы все увидели, что музыка подействовала на него так же, как и на нас, и перестали стесняться своих чувств.

– За свободу, друзья! – Коля разлил вино по стаканам. Гостям уже было хорошо, все снова закурили. Сигареты остались только у меня и, протягивая пачку Яне, я снова встретился с ней глазами. Она откликнулась на мой взгляд, какое-то шестое чувство говорило мне это, заставляя замирать и обрываться что-то внутри.

Мне казалось, что эта компания, собравшаяся в прокуренной комнате, близка мне, что эти девочки чувствуют то же, что и я, что все мы прорвались в какой-то другой мир, манящий открытыми горизонтами и отличающийся от серой слякоти, ожидающей нас на улицах.

Вторая сторона пластинки закончилась, и Коля поставил предыдущий альбом той же группы. Пластинка была заезжена, но сквозь хрипы и шуршание иглы прорывалась музыка, заставляющая душу взлетать к небесам.

– А ты с Колей вместе учишься? – Компания разбилась на маленькие группки, что-то оживленно обсуждающие, и я с радостным изумлением заметил, что мы с Яной стоим на кухне, стряхивая пепел в слегка проржавевшую раковину и прислушиваясь к аккордам, доносящимся из комнаты.

– Да, а ты его давно знаешь?

– В школе вместе учились. Я заслуженный комсорг нашего класса...

– Так ты здесь недалеко живешь?

– Да, живу я рядом, а поступила в Университет, на химфак.

– Нравится?

– Ничего... А тебе?

– Как тебе сказать, так... Вроде бы ничего. Я тоже в Университет поступить хотел, но меня туда не взяли.

– Не расстраивайся, немного потерял. И вообще, все это чепуха

– Музыка красивая, – я снова застыл, прислушиваясь к раздающейся из комнаты мелодии.

– А ты играешь на чем-нибудь?

– На фоно, немного занимался в школе.

- А я на скрипке училась.
- Я никогда на скрипке играть не пробовал.
- Сложный инструмент, но когда научишься, это здорово.
- Никогда до сих пор не видел девушку, умеющую играть на скрипке, – я чувствовал, что меня влечет к ней, и что я начинаю заигрывать.
- Ну и как, нравится? – Яна скептически улыбнувшись посмотрела на меня, и в груди что-то екнуло.
- Ничего, вполне симпатичная, – сердце начало стучать. Я ожидал ответной реакции, чувствуя, что от следующих слов будет зависеть все остальное.
- Нет чтобы сказать, что замечательная, – она засмеялась.
- А ты замечательная, только вот комсомольский лидер, – я положил ей руку на плечо. – Не знаю, как с этим примириться.
- Не издевайся, – она попыталась увернуться, но глаза ее снова встретились с моими и ее губы приоткрылись. Этого уже выдержать было нельзя и мы поцеловались.
- Эй, эй! – Коля некстати появился на кухне с пустыми стаканами, – Ну что за народ такой пошел! Яночка, нельзя же так, ей богу!
- И это ты мне говоришь? – Она подмигнула мне. – А помнишь как ты на выпускном вечере Ирку соблазнял?
- Грехи молодости, что поделаешь. – Коля посмотрел на меня. – А ты зачем уводишь моих лучших друзей?
- Иди к гостям, чего пристал, – засмеялся я.
- Ну ладно, ладно, – он с ухмылкой взглянул на нас, поставил стаканы в раковину и исчез в комнате.
- Ты мне определенно нравишься, – я снова попытался поцеловать ее.
- Вот так вот, на кухне... – Она усмехнулась.
- А что ты думаешь, кухня в жизни человека занимает почетное место. На ней он принимает еду, да и потом, по русской традиции ругает правительство, целуется, занимается любовью... – Последние слова выскочили из меня как-то невзначай, и я сам испугался сказанного.
- Ну, это уже слишком, – Яна замкнулась и сбросила мою руку с плеча. – Пойдем лучше в комнату.
- Прости, – я чувствовал себя идиотом. – Прости пожалуйста.
- Ты что обо мне думаешь? – голос ее стал жестким.
- Извини, вырвалось как-то по-дурацки. Слушай, ты мне правда ужасно нравишься... Давай потанцуем. – Я обнял ее за талию, щелкнув выключателем.
- Стало темно. Из комнаты доносились голоса, музыка была медленной, ее волосы пахли свежестью, я чувствовал мягкие движения ее талии, прижимая ее к себе, и целуя, каждый раз удивленно отмечая про себя, что влюблен. За окном светились желтоватым светом окна, фонарь отбрасывал тень на сугробы.
- Перестань, – смеясь говорила она, отталкивая меня, и мы прислушивались к друг другу, к музыке, к ощущению счастья, и хотелось, чтобы этот вечер никогда не заканчивался. Время от времени на кухне появлялся Коля, весело подмигивая нам и засовывая пустые бутылки куда-то под раковину. Потом он снова исчезал и мы

останавливались в каком-нибудь углу, смотря друг на друга, и начиная словесную дуэль.

– Ну что, ты думаешь, девочка отпала? – она иронично смотрела на меня. – Думаешь, ты такой неповторимый и замечательный, что я в первый же вечер в тебя втюрилась?

– Я безусловно неповторим, и замечателен, и еще черт его знает что, – мое красноречие не знало границ. – И тот факт, что ты мне определенно нравишься, еще ничего не определяет.

– Нахал! – она морщила носик. – Обычный московский недоросль, любимое дитя в советской семье простых тружеников, правда слегка обнаглевшее от близости податливой девочки.

– А девочка эта выросла в семье Рокфеллеров, случайно застрявших в России, и на самом деле привыкла к замкам на берегу океана, Роллс-Ройсам, лакеям в лайковых перчатках. Она только для виду изображает из себя скромную студентку, пришедшую в приятную компанию послушать хорошую музыку, которую обычно в СССРе не достать.

– А может быть и так, тебе откуда знать? – Она доставала новую сигарету из пачки.

– Послушай, мы не в школе, – Я сжал ее плечи и она вздрогнула. – Я не хочу тебе врать, ты мне ужасно нравишься. Но мне никогда не было так хорошо...

– Ты что имеешь в виду? – Яна иронически улыбнулась.

– Ну как тебе объяснить, человеческие существа получают удовольствие еще и от общения, от мыслей.

– Так ты про это? – Она начала хохотать, прикрыв лицо руками.

– Я тебе сейчас покажу про что! – Я разозлился и схватил ее за волосы.

– Эй, вы чего здесь делаете? – Коля появился с очередной пустой бутылкой, щелкнул выключателем и подозрительно посмотрел на наши покрасневшие лица.

– Беседуем, – сорвавшимся голосом сказала она.

– Ну и ну, – Коля иронично посмотрел на нас. – Ну беседуйте дальше, – он выключил свет и исчез в коридоре, затем прибавил мощности в проигрывателе и музыка снова волнами захватила нас.

– Прости, – мне было неловко.

– За что прости? – голос ее был чуть хрипловатым. – Ладно, пойдем в комнату, что-ли.

– Пошли, – Я ухватился за эту спасительную идею. Гости были уже порядочно пьяны и с откровенным интересом посмотрели на нас. На наших лицах застыло неестественное выражение, совсем не заставляющее предположить, что мы всего навсего выкурили сигаретку на кухне. Мы поддерживали непринужденную беседу и только изредка я бросал на Яну откровенные взгляды и она, словно пойманная лучом прожектора, замирала на секунду.

Стало поздно и пора уже было уходить. Шум затихал, проигрыватель прохрипел и щелкнул, приподняв звукосниматель, гости толклись в коридоре, мы напяливали меховые шапки. Я подал Яне пальто, заметив как непринужденно она поправляет воротник. Скрипя открылась дверь подъезда и мы оказались под морозным и звездным небом. Музыка еще звучала в наших ушах, проигрываясь в такт скрипу снега под ботинками.

– Яна, – мы оба чувствовали себя неловко. – Я тебя провожу.

– Ну проводи, – она поежилась.

– Тебе холодно?

– Нет, ничего... – между нами возникла странная отчужденность. Я вдруг почувствовал, что не могу выдавить из себя ни одной фразы, судорожно пытался вспомнить хотя бы пару анекдотов, но Яна лишь морщилась и я замолчал, ругая себя за бездарность.

– Так, мы уже пришли. Мне пора домой. – Мы остановились у подъезда пятиэтажки с выцветшим плакатом «При пожаре звоните 01».

– Так мы завтра встретимся? – Я ничего не понимал.

– Уезжай...Уезжай, пожалуйста...

– Яна, – желание, ревность, боль и еще непонятно какие эмоции овладели мной. – Пожалуйста. Я хочу тебя увидеть.

– Вряд ли ты это поймешь. Я боюсь чувств. Меня к тебе потянуло, если честно. Я не знаю, как тебе это объяснить, я просто ничего не хочу сейчас, я слишком устала. У меня недавно была очень тяжелая история с парнем, которого я любила, понимаешь?

– Понял. Мне уйти? – Лестничная клетка расплылась перед глазами.

– Иди.

– Яна. Можно тебе еще раз позвонить?

– А какой смысл? – Она помрачнела.

– Не думай обо мне плохо.

– Уходи, пожалуйста, – она была потеряна. И обещай мне, что не позвонишь.

– Хорошо, будь счастлива, – Я погладил ее по щеке и вышел на лестничную клетку.

«Мама, купи мне паровозик», – услышал я детский плач и мимо меня прошел заплаканный ребенок в шубке, поднимающийся куда-то вверх по лестнице.

«Вот и все», – подумал я, – «Так оно все навсегда и останется в этой дурацкой трагической безысходности, мечта прошедшая мимо, а она рядом, здесь, за этой дверью». – Я даже уже почти что вернулся, постояв около дермантиновой двери, преодолевая искушение позвонить в звонок, но, отрезвев, спустился и вышел в неприветливый замерзший двор. Троллейбус пришел на удивление быстро и в моих ушах зазвучала музыка, впервые услышанная мной вчера.

Я часто вспоминаю ее и этот день, быть может, не уйди я тогда, и наши судьбы бы изменились. Около этой кнопки звонка висела в воздухе судьба, но мне тогда было не суждено ее изменить. Я больше никогда ей не позвонил, вернее позвонил через неделю, мучаясь, но услышал мужской голос и трусливо повесил трубку.

Через пару лет Яна вышла замуж за какого-то сына арабского шейха и уехала то ли в Йемен, то ли в Саудовскую Аравию. Пластинка с пронизывающими сердце песнями навсегда осталась в моей памяти связанной с ней, поэтому когда лет пятнадцать спустя я оказался в огромном магазине на самом краю света, я не задумываясь пошел вдоль рядов, пока не увидел запыленный компакт-диск со знакомыми записями. Диск стоил довольно дорого, но я засунул кредитную карточку в щель электронного аппарата и подписал чек. Певец с хрипловатым голосом стал знаменитым и уже давно умер, сломавшись от неуютности человеческой жизни, а его записи стали классическими. Мелодии эти были любимы уже несколькими поколениями, живущими на всех континентах, но только у нас двоих на планете они вызывали в памяти этот зимний вечер.

9.

За неделю до ноябрьских праздников начался снегопад. Наш курс сняли с занятий и в полном составе послали приветствовать лидера партии социалистического возрождения Эфиопии товарища Менгисту Хайле Мариама. По замыслу партии и правительства, советский народ, рабочие, студенты и интеллигенция должны были с энтузиазмом размахивать эфиопскими флажками вдоль трассы следования товарища Менгисту, демонстрируя дружбу народов и единство прогрессивных сил всего человечества.

Во избежание накладок нас привезли на трассу следования эфиопского вождя заранее. Махать флажками и демонстрировать теплые чувства мы должны были напротив Дома на Набережной. С неба валил снег, я курил сигарету за сигаретой, вспоминая губы и зеленые, светящиеся глаза Инны.

– Разве это город? – Леня, мой приятель уже окончательно решивший сваливать из СССР занимался садомазохизмом. – Разве это страна? Мы все рабы. Все до единого, сказали махать флажками черной обезьяне – значит будем махать. Посмотри, здесь нет никакой архитектуры кроме Сталинской, замешанной на крови.

– А дом Казакова? А Ленинская библиотека? А Кремль? А набережная? – вяло отвечал я.

– Все, все от начала до конца истории – сплошная тирания. Собор Василия Блаженного – памятник деспотизму. Лобное место, все на крови. Все в крови.

– Да брось ты, красивый город. И потом, любой большой город построен на крови, так устроена цивилизация.

– Ненавижу, – фыркнул Леня. – Это не моя страна. Я здесь чужой, я хочу быть свободным.

– Черт его знает, это конечно не Европа, – соглашался я, но все-таки ты неправ.

– Европа, – насмешливо фыркнул Леня. – Европа мертва. Америка. Только Америка!

– «Бог сейчас в Италии», – вспомнил я «Иудейскую Войну» Фейхтвангера. – Брось ты, ерунда все это.

* * *

Леню я встретил двадцать лет спустя в Лос Анжелесе. Он жил в маленькой съемной квартирке с грязными синтетическими коврами, облысел, нажил брюшко и приобрел откуда-то противный местечковый акцент. Работал Леня санитаром в больнице, он дежурил по ночам (за ночную смену больше платили). Он считал Лос Анжелес лучшим городом в мире и старательно делал вид, что доволен своей судьбой.

Я не стал его расстраивать, и даже не сказал ему, что Лос Анжелес отвратителен. Каждый человек кузнецик своей судьбы.

* * *

– Товарищи студенты, правительственный кортеж приближается!

– Ура, – нестройно грянула толпа, эфиопские флажки замелькали по обоим сторонам проспекта.

Появились черные правительственные ЗИЛы, припорошенные свежим снегом. За тонированными стеклами сидело что-то лилово-черное и махало ладошкой.

- Ура! Да здравствует дружественный народ Эфиопии.
- Эфиоп, твою мать, – брякнул кто-то.
- Разговорчики! Да здравствует товарищ Менгисту Хайле Мариам!
- Ура!
- А чем, скажем, отличается Менгисту от Мангусты?
- Товарищи студенты, с энтузиазмом машем флажками дружественного эфиопского народа.

Кортеж правительственных машин направился по Каменному мосту в Кремль, мы начали расходиться. И тут замела настоящая метель.

Я бросил снежок в Леню, сбив с него шапку. Он начал материться и бросаться снежками в меня, потом Дом на Набережной скрылся в белой пелене, и остались только чугунные решетки и фонари.

И я почувствовал то, что чувствовал несколько раз в жизни – единство прошлого и будущего, дежавю, это странное ощущение того, что все уже было и будет: и черно-лиловый Менгисту Хайле Мариам, как и Хайле Селлассия первый, давно ушедший в небытие, и эта метель, и Пушкин с прадедом Ганнибалом, и призрачные дореволюционные извозчики, летящие к Кремлю, и старые фотографии, которые я буду рассматривать в далеком будущем, и вечно молодая Инна, и вкус ее губ, и эта метель, которая в конце концов покроет и смешает все и скорее всего приснится мне накануне моей смерти.

И еще я понял, каким-то шестым чувством, что вместе с Менгисту промчалось в черной машине прошлое и начинается будущее, которое мало чем будет отличаться от прошлого, по крайней мере вряд ли будет лучше.

10.

В начале декабря того же 1980 года в доме на площади Восстания, на 22 этаже случилась свадьба моего однокурсника с моей же однокурсницей. Свадьбе предшествовала обычная суета: церемония в Грибоедовском ЗАГСе с непременно свадебным маршем и советской тетенькой в стиле ткачих-ударниц производства, напутствующей молодоженов. Потом было застолье, танцы под пластинку, многочисленные дети и вдруг в толпе гостей появилась Инна. Она была со смазливый самодовольным парнем в кожаной куртке, располнела, и как мне показалось, была беременна.

- А это моя троюродная сестричка, Инночка, знакомьтесь, – радостно сообщил счастливый новобрачный .
- Мы знакомы, – сухо сказал я.
- Вот как? Откуда? – допытывался мой однокурсник.
- Так, вместе английским занимались...

Я вышел на лестницу покурить и заметил, что руки слегка дрожат. Докурив сигарету я ушел домой. Больше я Инну не встречал, не знаю, что с ней стало. Вроде бы она родила ребенка и взяла академический отпуск.

В прошлом году в Калифорнию заезжал мой однокурсник, который был на той студенческой свадьбе. Мы уговорили бутылку коньяка, напились кофе и в расслабленно-возбужденном состоянии начали вспоминать молодость.

– Кстати, помнишь... – он назвал бывшего молодожена. – Вроде бы Шурик в Канаде теперь неплохо устроился. И еще сестренка его троюродная с мужем, может быть помнишь ее, рыженькая такая, тоже в нашем институте училась. Кстати, у меня для тебя сюрприз, вот фотографии с его свадьбы.

Какими же мы были странными четверть века назад, я не мог узнать самого себя, и друзей, хотя помню все, как будто это было вчера.

Инна тоже попала на эту фотографию, на ней она осталась молодой. Я хотел было попросить у него эту снимок, но решил, что это ни к чему. Лица ее я уже не помню, только светящиеся глаза, а это самое главное и бывает считанные разы в жизни.

11.

Числа десятого декабря 1980 года я собрался с силами и наконец поехал навестить родителей Коли. Я ехал на троллейбусе мимо серых домов, потом стоял около знакомого мне подъезда. Мне вспоминался зимний вечер, альбом «Queen», гроыхавший в комнате, Коля, с шеей обмотанной шерстяным шарфом и Яна. Комок стоял в горле, сухонькие старички поили меня чаем с засохшими миндальными пирожными, и я чувствовал себя неловко.

Судя по рассказам Колиных товарищей, они проезжали какой-то полуразрушенный кишлак, и древний аксакал бросился навстречу машине, крича «Урус, урус» и показывая на подбитую машину и лежащие рядом тела убитых солдат. Коля выскочил из УАЗика и тут же был прошит автоматной очередью. Партизанская война...

После чая Колины родители усадили меня на диван, и начали показывать альбом с фотографиями. Я смотрел на черно-белые фото школьного выпускного вечера, узнавая ребят, собиравшихся в этой квартире чуть больше года назад, потом обещал старикам помочь, если что-нибудь понадобится. Они хотели поехать вместе со мной на кладбище, но этого я уже не мог выдержать, и извинившись ушел.

На кладбище я поехал тем же вечером. Оно было большим, расположенным на самой окраине Москвы, где-то за Рязанским проспектом. Автобус долго колесил между безрадостными пятиэтажками и чахлыми деревьями, посаженными вдоль дороги. Для того, чтобы добраться до Колиной могилы, надо было пройти по аллее, и я с удивлением замечал тут и там белеющие памятники на свежих могилах ребят, погибших в Афганистане. Количество могил явно не соответствовало бодрым официальным сводкам, согласно которым за все время ведения боевых действий в братской республике погибло не более ста человек.

Коля лежал под маленьким обелиском с красной звездочкой. Я постоял около окрашенной черной масляной краской ограды, в последний раз попрощавшись с ним, потом закурил сигарету, и вышел с кладбища через случайно обнаруженную мной

ржавую калитку, выходявшую на стройку. Экскаватор, рыча и чихая черным дымом, поднимал ковшом замерзшую землю, и мне пришлось перепрыгивать через бетонные трубы и вырытые траншеи.

За стройкой, на первом этаже кирпичной пятиэтажки, располагался винный магазин, и тогда я впервые в жизни распил бутылку с совершенно незнакомыми мне до этого мужиками. Выпитое подействовало на меня, и, уйдя в глубь жилого квартала, я сел на скамейке около детской площадки, и закурил. Незнакомая мне жизнь медленно текла вокруг, из подъездов выходили люди, тянулись из магазинов женщины с сетками. Район этот был безрадостным, запущенным и навевающим тоску.

– Не подходи, не подходи к нему, Катя, – вдруг истерически вскрикнула женщина. – Алкоголики проклятые, больше им сидеть негде.

Я поднял голову. Широкая, не по летам расплывшаяся женщина с бессмысленным лицом поставила на соседнюю скамейку сумку, из которой торчала покрытая глиной морковь. Рядом с ней женщиной стояла девочка с куклой, одетой в выцветшее ситцевое платье.

– Я вам что, мешаю что-ли? – Неожиданно злость поднялась во мне. – И с чего вы взяли, что я пьян?

– Ты у меня повыступай, – баба перешла в наступление. – Сейчас мигом милицию вызову, заберут в вытрезвитель, и дело с концом! А ну, вали отсюда!

– Никуда я не пойду, – рассудком я понимал, что связываться со скандальной бабой глупо и смешно, но меня начал бить нервный озноб, мне стало обидно за Колю, лежавшего в полукилометре отсюда, будто кто-то осквернил его память. – Вы не имеете права меня оскорблять, а тем более прогонять отсюда. Ребенка бы постыдились!

– Катя, пойдем отсюда, – баба решила со мной не связываться. Она еще что-то зло прошипела в мой адрес через плечо, и на душе стало совсем паршиво. Я встал, и, доехав до метро, сел в вагон, идущий в центр, вылез на Пушкинской площади, и спустился к Кремлю, пытаюсь раствориться в толпе, шумящей и затекающей потоками в магазины. Потом я свернул на Герцена и, дойдя до Тверских ворот, углубился в любимые кварталы, обойдя их несколько раз, пока не выскочил на Садовое кольцо, и, наконец, поехал домой. Город обтекал меня, я не мог включиться в жизнь, словно смотрел кино, в котором сам играл главную роль.

12.

Через десять лет, голодной зимой 1990 года я уезжал из Москвы. А день в день ровно через четверть века, будто было в этой десятичной системе счисления дней и лет мистическое содержание за пределами лунных и солнечных циклов, я летел домой над безлюдными территориями королевы Виктории, черными водами океанов, замерзшей Гренландией и фиордами Норвегии.

Следом за Норвегией на мониторе «Боинга» показался Стокгольм, через несколько минут – Петербург, за ним почему-то Тверь, и тут же Шереметьево. Внизу светилось электрическое кольцо, и я понял, что вижу кольцевую автодорогу. И еще я понял, что Москва ужасно маленькая. Целая жизнь, проведенная между микрорайонами, от Речного

вокзала до Останкино и Крылатского, была как на ладони, от телебашни до Кремля и Чертаново.

В центре города розовыми полосками призрачно светились щупальца наших старых траекторий, расползающиеся на окраины. Одно из щупалец выползло в район «Октябрьского поля», мы тогда ходили на день рождения к приятелю, и опознав этот тусклый след я улыбнулся.

Неожиданно я увидел яркий огонек, светившийся в районе моего детства... И еще один, и еще. Город блистал огоньками прошлого, как новогодняя елка.

Моя школа была оранжевой. Высоцкий был слегка нетрезв, гитара его была расстроена, он матерился и бормотал что-то вроде «Сейчас, ребята, сейчас все будет хорошо».

Потом он начал играть. Аккорд, еще один.

«Здесь вам не равнина, здесь климат иной».

Он сбился, опять начал настраивать гитару. За окнами актового зала средней школы падал снег.

Красными посадочными огнями сверкали Большой, МХАТ, Садовое кольцо, Таганка, Площадь Ильича, Шоссе Энтузиастов, переулки и улицы, квартиры и подъезды.

Один из огоньков был совсем близко и полыхал бенгальским огнем. Внутри призрачной сферы обнаружился давно исчезнувший буфет в старом Шереметьево, вечное лето и запах скошенной травы, бензина и навоза. За прилавком стояла полная буфетчица в белом фартуке. Когда-то отец привозил меня сюда на нашей старенькой «Победе» и поил безумно вкусным яблочным соком из стеклянных конусов, если кто еще помнит эти киоски.

Рядом Веничка Ерофеев, с головы до ног перепачканный подмосковной глиной кряхтел и опохмелялся томатным соком, пытаюсь выскрести из стакана кристаллическую соль. Было это в 1967 году. Тогда, в детстве, я не знал, что это он, обычный работяга, прокладчик кабеля. Да и до сих пор не знаю, он ли это был, но кто еще в те годы мог сказать «Эй, слушай, мужик, ты вроде человек хороший, может быть подскажешь, как мне до Кремля дойти?»

Посадочные огни становились все ярче. Земля светилась, я видел себя в детстве, когда родители возили меня по дорогам вдоль Шереметьево, излучину речки, в которой поймал первую свою плотвичку и лесные опушки, на которых собирал сыроежки.

Розовые туннели окутали меня и я вдруг понял, что любовь к родине так же иррациональна как и любовь к женщине. И объяснять почему любишь ту, а не другую – занятие неблагодарное. У каждого эта любовь своя, и бывает, что и единственная. Но сердцу и тем более душе не прикажешь.

СЛУЧАЙНЫЕ ВСТРЕЧИ

Несколько раз в моей жизни случались странные совпадения. Каждый раз они поражали меня, но вскоре забывались – мало ли что бывает, да и глупо находить мистическую связь в случайностях и обычных предметах материального мира, таких как спички, накладная, пистолет или даже мышонок.

Недавно я перечитывал «Другие Берега» Набокова и наткнулся на эпизод, который поразил меня именно этой странной временной связью событий.

* * *

«Как-то в начале того же года, в нашем петербургском особняке, меня повели из детской вниз, в отцовский кабинет, показаться генералу Куропаткину, с которым отец был в коротких отношениях. Желая позабавить меня, коренастый гость высыпал рядом с собой на оттоманку десяток спичек и сложил их в горизонтальную черту, приговаривая: »Вот это–море–в тихую–погоду«. Затем он быстро сдвинул углом каждую чету спичек, так чтобы горизонт превратился в ломаную линию, и сказал: »А вот это–море в бурю«. Тут он смешал спички и собрался было показать другой–может быть лучший– фокус, но нам помешали. Слуга ввел адъютанта, который что-то ему доложил. Суетливо крякнув, Куропаткин, в полтора как говорится приема, встал с оттоманки, причем разбросанные на ней спички подскочили ему вслед. В этот день он был назначен Верховным Главнокомандующим Дальневосточной Армии.

Через пятнадцать лет маленький магический случай со спичками имел свой особый эпилог. Во время бегства отца из захваченного большевиками Петербурга на юг, где-то, снежной ночью, при переходе какого-то моста, его остановил седобородый мужик в овчинном тулупе. Старик попросил огонька, которого у отца не оказалось. Вдруг они узнали друг друга. Дело не в том, удалось ли или нет опростившемуся Куропаткину избежать советского конца (энциклопедия молчит, будто набрав крови в рот). Что любопытно тут для меня, это логическое развитие темы спичек. Те давнишние, волшебные, которые он мне показывал, давно затерялись: пропала и его армия; провалилось все; провалилось, как проваливались сквозь слюду ледка мои заводные паровозы, когда, помнится, я пробовал пускать их через замерзшие лужи в саду висбаденского отеля, зимой 1904–1905 года. Обнаружить и проследить на протяжении своей жизни развитие таких тематических узоров и есть, думается мне, главная задача мемуариста.»

* * *

Тогда-то я и решил записать эти обрывки воспоминаний.

1. Мыши

До чего же тяжёлый этот летний полуденный сон, склеивающий глаза липкой лентой. Время катится неторопливо, на соседней улице весь день пилят и стучат молотками. С кухни пахнет домашним обедом – щи, капуста, укроп. Позвякивают тарелки, видимо Клавдия моет посуду.

Я с трудом выползаю из дома. На улице душно. Вчера во дворе свалили два прицепа свежих сосновых досок. Стоило им разогреться на солнце, как запахло свежим деревянным срезом, и капельки смолы выступили на желтоватом спиле.

Я забираюсь на доски, так, может быть, удастся заглянуть в соседский двор. Ирка из дома напротив мне вчера рассказала, что в этом дворе весело, там пьяный дядька гоняется за двумя тетками. Но сейчас у соседей тихо.

– Ах ты окаанный, куда залез, бесовское отродье! А ну-ка слезай быстро!

Опять Клавдия засекла, черт бы её побрал.

– Сейчас, тетя Клава! – Доски предательски прогибаются, я все-таки успел прыгнуть, но благоухающая смолой деревянная гора вздрагивает и с грохотом обваливается, похоронив под собой жирные лопухи и загородив проход к крыльцу.

– Ишь, чего наделал, стервец! Вот я отцу все расскажу! Он тебя уму-разуму быстро обучит, оборванец дворовый! Это где же это видано, чтобы мальчонок по доскам прыгал как обезьянка цирковая? Щас тебе уши-то надеру. Куда, куда, шельма!

От Клавдии есть только одно спасение – дырка в заборе. Она в нее не пролезает, и я, наполовину высунувшись на улицу, радостно показываю ей язык.

– Ах ты, – расправа неумолимо приближается, но в последний момент я выскакиваю на пыльную мостовую и, засунув руки в карманы, невозмутимо удаляюсь, насвистывая «Мы – пионеры, де-э-ети рабо-очих».

– Стой, ты у меня получишь! – это Клавдия поняла, что через дырку ей не пролезть. – Ты лучше сегодня вечером домой не приходи!

– Ну что, доигрался? – Ирка, долговзая, с худыми ногами, торчащими из-под вытертого сарафанчика, ухмыляется. – Сегодня вечером тебе попадет.

– Мне? – Я презрительно морщусь. – Размечталась.

– А ты не хабришься. Клавдия обязательно заложит, посмотрим, что ты родителям скажешь.

– А, – ерунда, – отмахиваюсь я. – Ты мне лучше расскажи, куда свои секреты запрятала? Я же видел, как ты их в рощице хранила.

– Вот еще, дурак, – Ирка испугалась.

«Секреты» были нехитрым развлечением времен детства – лепестки одуванчиков, маленькие записочки с признаниями в любви, фантики от конфет – все это прикрывалось бутылочными осколками и закапывалось в потайных местах.

– Смотри, откопаю – все буду про тебя знать – дразнюсь я.

– Дурак. Смотри, кажется твой отец вернулся. Что-то рано сегодня.

На дороге показалась медицинская «Волга» с красным крестом. Обычно отец возвращался с работы на электричке, и я понял, что случилось что-то из ряда вон выходящее.

– Ах, вот ты где, – отец дружелюбно подмигнул мне. – Ты только погляди, кого я привез!

Из скорой помощи вылез щупленький человечек с раскосыми глазами. Он был одет в серый официальный костюм с галстуком, который был ему великоват на пару размеров. Штанины волочились по земле, руки не вылезали из рукавов пиджака. Человечек покачивался и от него ощутимо пахло коньяком.

– Это товарищ Гуо, заместитель министра морского флота республики Вьетнам.

– Спасибо, – почему-то сказал Вьетнамский министр.

– А это Василий, дядька твой. Помнишь, как он тебя на руках носил?

– Здравствуйте, – оробел я.

– Ну, подрос-то как, – дядька стиснул меня и поцеловал, дыхнув коньячным перегаром. – Будущий моряк.

– Спасибо – снова невпопад сказал замминистра Гуо.

Дядька, источник бесконечных семейных легенд, усатый и пышущий жизнью, хулиган, голубятник и наполовину цыган. Несмотря на штатский костюм, Василий был настоящим адмиралом где-то во Владивостоке.

– Мама вернулась? – озабоченно спросил отец.

– Нет, она в магазин ушла.

– Да зачем нам она, – махнул рукой дядя Вася. Гуляем...

– Ух, завидую я тебе, – Ирка стояла с широко раскрытыми глазами. – Настоящий китаец.

– Он вьетнамец.

– Все равно иностранец. Я ни одного иностранца в жизни не видела.

– Это что за красотка, невеста твоя что ли? – захохотал дядя Вася.

– Да что вы... – Ира густо покраснела.

– Никаких возражений. Веди девушку домой, угощай. У нас коробка конфет с собой, и торт.

– Торт? – обрадовалась Ирка.

– Еще какой, – закатил глаза адмирал. – С розочками, такими красненькими... С кремом, орехами. Пойдешь?

– Ух ты, – сглотнула слюну Ира... – Пойду, конечно.

– Добрый вечер, добрый вечер, – суежилась Клавдия, завидев гостей. – Кстати, шельмец-то ваш отличился сегодня.

– Не сейчас, Клава, после, после, – отмахивался отец.

– Ну, как знаете. После, так после. Но вы имейте в виду, хулиган растет.

– Клава, – отец поморщился. – Давайте договоримся – детей мы будем воспитывать сами. А сейчас лучше поставьте чайник.

– Хорошо, – Клавдия поджала губы. – Как знаете. – Судя по всему, она сильно обиделась.

Включили проигрыватель. Пока мужчины пили за дружбу народов, речной и морской, военный и пассажирский флот, мы с Ирой попробовали коньяк из бокала. Коньяк обжег горло, мы покраснели и закашлялись.

Вьетнамца разморило и дядя Вася предложил его освежить. Министра на импровизированных носилках, сделанных из гамака отнесли к берегу и бросили в канал имени Москвы. Проснувшийся вьетнамец фыркал и плевался, наглотавшись тины, а дядька-адмирал выпил большой стакан коньяка и уплыл куда-то к фарватеру, где бескрайнюю гладь бороздили «Ракеты» на подводных крыльях и обычные речные трамвайчики.

Речному трамвайчику «Москва» было решительно все равно, кто попадется в его фарватере – адмирал Тихоокеанского флота, космонавт Валентина Терешкова, дача которой была неподалеку, собачка Стрелка, или даже сам Генеральный секретарь чего угодно – компартии или организации объединенных наций.

– Господи, утонет же, – переживала мама.

– Этот утонет, как же, – фыркал отец. – Он во время переправы через Днепр самогонки выпил и купаться полез. Капитан в него стрелял, думал сбежать хочет, немцы шпарили, почти никого в живых не осталось. А Василий выплыл. Он заговоренный.

И действительно, Василий вскоре вылез на берег, отфыркался и исполнил что-то среднее между «Цыганочкой» и «Лезгинкой»..

– Ну что, молодежь, не клюет?

Мы сидели на берегу с удочками. Клева не было и в помине.

– Не так ловите, засранцы, вот как надо ловить, – дядя Вася ловко выпил стакан коньячной жидкости и вылил остаток на полудохлого, размокшего червяка, который от дозы горючего начал извиваться словно грешник в аду, и забросил удочку в мутную воду. – Вот так, вот это по-нашему...

Как по-волшебству, на крючке вдруг оказался переливающийся золотом лещ.

– Фокус-покус, – односложно объяснил волшебство дядя Вася, и отжался раз двадцать. От него пахло коньяком и здоровой плотью.

* * *

В последний раз я видел дядьку году в восьмидесятом, вскоре после Олимпиады. Он поседел, но все так же пил коньяк стаканами и бурчал под нос песню про то, что врагу не сдается наш гордый «Варяг». Он пах хорошим одеколоном. Коньяк он принес с собой, да и закуски тоже.

До сих пор не знаю, что с ним стало после распада империи, всех нас разметало по поверхности шарика.

* * *

Клавдия нам отомстила. Через пару дней она поймала нас с Иркой с поличным во время кражи шоколадных конфет из кухонного шкафчика. В наказание нас повели на казнь пойманных мышек. Да даже не мышек – мышат, маленьких, серых, дрожащих от ужаса, с глазками-бусинками. Мышата сидели в мышеловке рядом с уже ненужным кусочком сыра. На крыльце стояло наполненное водой оцинкованное ведро.

– Все из себя, умные, – ругалась Клавдия. – Делают что хотят, пьянствуют, китайца в канал уронили. Вот и дети у них такие же, распущенные. Ну-ка, идите сюда.

– Не надо, тетя Клава, – всхлипнула Ирка. – Мне их жалко, не надо, пожалуйста.

– А вот родителям все расскажу! Думаешь я не видела, как вы вино из стакана пробовали? У, бесстыжие. Давайте, открывайте дверку! – Клавдия схватила нас за руку и заставила онемевшими пальцами открыть какой-то замочек. Два беспомощных тельца плюхнулись в ведро, судорожно забили маленькими лапками и начали пускать пузыри. Сердце мое сжалось от ужаса, а Ирка заревела.

Вечером я рассказал обо всем маме. Она пошла ругаться с Клавдией, потом кто-то громко хлопнул дверью. Остаток лета я почти не запомнил, в памяти все слилось в какой-то калейдоскоп.

* * *

Лет через пятнадцать я был у друзей на студенческой свадьбе. Праздновали на чьей-то даче, добрались туда от электрички с трудом – начался сильный снегопад. Как всегда былолюдно, шумно и накурено.

Среди гостей была девушка с серыми глазами, я про себя обозвал ее «сероглазкой». Она слека косила под хиппи: короткая челка, перчатки с отрезанными пальцами, длинные сапоги. Сероглазка таскала за собой в клетке белую мышь по кличке «Сэр Роджер», такой видимо у нее был творческий образ. Сэр Роджер суетливо ползал между кормушкой и колесиком-мельницей, которое он с увлечением крутил на забаву присутствующим. Еще запомнилось, что студенты упорно пытались напоить мыша вином.

Употребив почти все имевшиеся в наличии запасы спиртного, мы вылезли на крыльцо. После ночных возлияний я был расслаблен, и начал прощупывать подходы к сероглазке.

– Как бы я хотел жить в этой клетке. Рядом с такой эээ... необычной хозяйкой, – я мечтательно нес чепуху. – Каждый вечер смотреть на нее.

– Отстань. Дай лучше закурить, – хрипло сказала сероглазка.

– Абек плезир, мадам – я пошарил по карманам и нашел помятую пачку сигарет. – Вы знаете, мне кажется, я вас где-то видел.

– Мало ли, – усмехнулась она. – Слушай, кавалер, там вино еще осталось?

– Вроде все выпили, но я сейчас поищу.

Я кинулся в комнату, увидел своего приятеля, прикорнувшего на кресле в обнимку с бутылкой вина, и прошептал «Прости, друг», аккуратно вытащил сосуд из его рук.

– Смотри-ка, нашел, – удивилась сероглазка. – На роль домашнего мышонка сгодишься, пожалуй. Кстати, мышкой быть не так уж и хорошо. Даже у меня в клетке.

– Да, – сцена мышиной казни из детства вдруг встала перед глазами. – Иногда их топят. В оцинкованном ведре.

– Перестань, – вдруг вздрогнула сероглазка.

Мы встретились глазами. Что-то неуловимо-знакомое просвечивало в ее лице, как же я раньше этого не заметил.

– О, Господи. Тебя как зовут? Ира?

– Да.

– Ирка. Ну ты даешь... Ты меня помнишь? А Клавдию, на даче...

– Ах, так это ты... Давно это было.

– Ну надо же так встретиться, – поражался я.

Мы допили вино. Начало светать и где-то за деревьями застучала колесами первая электричка.

– Слушай. У меня к тебе просьба – вдруг сказала Ира.

– Да? – удивился я.

– Я сейчас уйду. Тихо, по-английски. Мне на самом деле давно уже пора.

– Да куда же ты пойдешь, все замело на хрен.

– Не твое дело. Да, и еще, не рассказывай никому, что мы были знакомы. Обещаешь?

– Угу, – сглотнул я слюну. Я ничего не понимал.

– Только ничего не спрашивай. Так надо, – она приложила к моим губам палец и посмотрела на меня серыми глазами. В них была странная, бесконечная пустота, от которой мне стало не по себе. – Пока.

– Счастливо... Жаль, честно говоря. Может быть хоть телефон оставишь?

– Не стоит. Хочешь – возьми сэра Роджера на память.

– Да куда я его дену, – растерялся я.

– Ну, как знаешь.

Ира ушла. Я закурил последнюю сигарету и потряс головой. Казалось, что все это мне приснилось.

Через пару недель я попытался ее разыскать, но никто толком не мог вспомнить, чьей подругой она была. Мои однокурсники запомнили только белую мышь в клетке, короткую челку, да серые глаза.

Много лет спустя я увидел такой же пустой, отрешенный взгляд у людей, сидевших на тяжелых наркотиках. Впрочем, это только мои догадки.

2. Накладная

Когда я перешел в третий класс, жителей коммунальных квартир переселили в новенькую, пахнущую известкой пятиэтажку, из тех, которые народ с обозвал «Хрущобами». Никита Сергеевич, впрочем, уже несколько лет как был отстранен от власти, но дело его продолжалось.

Почти весь наш двор оказался в доме номер 5 по Театральному проезду. В доме этом все перемешалось. Жили в нем и архаичные деревенские бабульки в шерстяных платках, и дети трактористов и водопроводчиков, и полковник-артиллерист, за которым приезжала по утрам черная «Волга».

Каждый день мы с приятелями убегали на соседнюю стройку, залезали в котлован, пробегали мимо забитых в землю свай, прыгали по горам из блочных панелей. Мы играли в войну и приходили домой грязными с головы до ног.

Однажды Валерка Глазков провалился почти по пояс в жидкую грязь. Положение было отчаянным, выбраться он не мог, и я побежал звать Валеркиного отца на помощь. Работал этот высокий, мрачный мужик трактористом.

– Сорванцы, хулиганье, – отчитывал он нас. – Что вас туда понесло, земляца-то вся вступилась.

Меня насильно привели к Валерке домой, вымыли и накормили обедом.

– Ешь, ешь, – причитала мама Валерки Глазкова. Работала она, кажется, штукатурщицей в строительном управлении. – Нечто твоя бабка тебя накормит? Да она, небось, и готовить-то не умеет.

– Спасибо. Да нет, она очень хорошо готовит, и щи варит, и котлеты делает.

– Все равно ешь, я люблю, когда дети кушают. Ты, главное, черный хлебушек кушай. Почему народ русский такой сильный супротив всяких немцев? Потому что ржаной хлебушек ест, а в нем сила. Ой, какая сила.

– Как у Геркулеса, – усмехнулся я.

– Какого еще Геркулеса? – удивилась Валеркина мама.

– Овсянка так называется, в пачках. «Геркулес», – пошутил я. – А еще такой был греческий герой, силач.

– Ааа, – протянула штукатурщица. – А лучше всего гречка. От гречки сила-то идет. Ты какую любишь, размазную?

* * *

Однажды, проходя мимо подъезда я увидел, что окошечко, ведущее в подвал разбито. Подвал давно был предметом детских вожделений, но железная дверь на лестнице всегда была заперта массивным навесным замком.

Я не смог избежать искушения, выдавил остатки стекла, пролез сквозь узкое оконце, кое-как сполз по стене, встав ногой на трубу, и оказался в подвале. Подвальный мир был страшен, но манил с невероятной силой. Там стояли лужицы, пахло извешкой и краской. Казалось, что в соседнем закутке, среди водопроводных труб вот-вот обнаружится скелет.

С тех пор мне часто снится сон про этот подвал-подземелье, с узкими ходами, влагой, хитро переплетенными трубами. Я попадаю в него, карабкаюсь по катакомбам и всегда вылезаю через окошечко на улицу, оказываясь в одном и том же месте, в одно и то же время, отделенное от подвальных времен примерно двумя десятилетиями. И на этой улице всегда цветут липы и идет дождь.

* * *

– Валерка, – вылез я из подвала весь перемазанный в побелке, но счастливый. – Я такое место нашел. Айда!

Подвал для мальчишек был островом сокровищ. В запутанных переходах и лабиринтах, между трубами отопления и канализации, нам удалось найти настоящую лопату, помазок, пустые бутылки, которые мы сдавали в пункт стеклопосуды по 12 копеек, и даже почти полную, забытую кем-то пачку «Дымка». Не говоря уже о сложенных в углу люминисцентных лампах (тех самых, длинных, вакуумных, которые взрывались с грохотом). Пару лампочек мы тут же взорвали, представляя себе, что отбиваемся от немецких танков. А сигареты «Дымок» выкурили.

Подвал этот стал местом наших тайных встреч. Мы устроили в нем что-то вроде партизанского штаба. Особенно хорошо в нем было зимой – на улице мороз, а нам, засевшим среди покрытых изоляцией труб тепло, мы хвастаемся друг перед другом своими сокровищами: найденным на перекрестке около дома: задним фонарем от «Москвича», ржавой, изогнутой водопроводной трубой, потерянным выпелом с золотым профилем Ленина, и припасенными кусками карбида. Карбид, как и свинец, у нас в особой цене. Свинец можно выплавлять на костре, наливая его в старую консервную банку, и, когда он уже совсем расплавился, опрокидывая раскаленную железяку в формочку. Когда он застывает, получаются замечательные, тускло-металлического света битки. Карбид – вещество взрывчатое, он идет к свинцу по весу, как один к трем. Карбид, когда его бросаешь в лужу, шипит, едкая вонь плывет в воздухе, потом белые склизкие куски взрываются белым пламенем, вызывая одобрителные возгласы собравшихся.

* * *

Как-то раз после школы я занес домой портфель, небрежно сообщил бабушке, что пошел гулять и тут же спустился в подвал. Валерки еще не было. В подвале было удивительно тихо, только где-то вдалеке капала вода из прохудившейся трубы.

Неожиданно дом задрожал. Глухие басы встряхнули трубы и перекрытия, посыпалась цементная пыль.

Рядом с домом остановилось что-то, издающее этот мощный гул, этот ритм мотора, захватывающий сердце. Так мог рычать только танк.

Я выглянул из подвального окошечка. Взгляд мой уперся в перепачканные глиной массивные, танковые гусеницы. Около дома стоял громадный бульдозер, плюющийся облачками синего, вонючего дыма.

Мне ужасно захотелось посидеть на месте водителя этого мастодонта. Я вылез из подвала и начал карабкаться по огромным гусеницам вверх, к кабине. Я боялся, что бульдозер тронется, и раздавит меня с ботинками, шапкой-ушанкой и синтетической шубой.

Водительская кабина была пуста. На сиденье лежали пачка «Беломора» и замызганный коробок спичек. Я покрутил коробок в руках, неведомый бульдозерист почему-то засовывал сожженные спички с обратной стороны темно-фиолетовой коробочки.

Мне ужасно хотелось взять папиросу, похвастаться перед друзьями, но я сдержался.

Около пачки папирос были сложены зеленоватые бумажки с плохо пропечатанными полосками. Накладная, – прочел я. – Солярка, три, ноль ноль эл. Чего эл, литров что-ли? От бумажек веяло чем-то официальным, почти секретным, государственным. Буква «Л» большая, с расплывшимся внизу чернильным завитком. Под ней подпись, и еще одна, и фиолетовая печать. И корявые цифры.

Повинуясь какому-то странному импульсу, я схватил разграфленную бумажку, спрыгнул с гусениц в жидкую грязь и спрятался в подвале.

Вскоре появился Валерка.

– Саня, ты здесь, что-ли? – Он напуган. – У папки накладная на топливо из бульдозера пропала, он ругается, злой как черт.

– Накладная? – Мне стало не по себе. – А как она выглядит?

– Не знаю, – Валера начал плакать, размазывая сопли. – Он к мамке как раз приехал в обед с работы, выпил еще как назло, а тут... Он говорит – новый бульдозер, первый день доверили, а теперь с работы вышибут и нам жрать будет нечего.

– погоди, – я вдруг придумал выход из создавшейся ситуации. – Я когда в подъезд заходил, вот это нашел, – я протянул Валерке листочки, похищенные из бульдозера. – Может это твой батя потерял?

– Ух ты, – Валерка счастлив. – Я сейчас его спрошу, подождешь меня, ладно?

– Пап, пап, – заорал Валерка, протискиваясь через окошечко. – Нашлась, нашлась!

– Твою так. Откуда ... – Рев Валеркиного отца проникает сквозь стены.

– Уфф. Успокоился, – доверительно сообщил мне Валерка спустя полчаса. – Ну и натерпелся я страха. Как хорошо, что ты эту бумажку нашел...

– Да ладно, – мне стало стыдно. – Я так и подумал, мол, мало ли, документ все-таки.

* * *

Летом далекого будущего года мы снимали крохотную комнатку в Юрмале. Песчаные дюны, прохладное море, пенистое пиво из автоматов и столовая около станции – все это пролетело как сон. В последних числах августа я вернулся в Москву.

– Хорошо, что ты приехал, – буркнул наш завхоз Алик. – Завтра с утра придет грузовик, поедешь на мебельный комбинат получать лабораторные столы. Больше никому. А столы нужны, сам понимаешь.

Институтский водитель курил и ругался. Мы тряслись где-то на Варшавском шоссе, и наконец свернули на разбитую дорогу, ведущую к унылому комбинату, обнесенному колючей проволокой.

– Мы за столами, – я сунул пачку бумаг усталой женщине средних лет, сидевшей в приемной

– А в бухгалтерии подпись получили?

– Нет еще, а надо?

– Идите в бухгалтерию, пусть они завизируют, потом в транспортный отдел, как транспортный отдел подвизет – снова ко мне, я выдам накладную и поедете на третий склад.

После двухчасовой беготни по кабинетам и ожидания разнообразных ответственных лиц – бухгалтерши, ушедшей на обед начальницы транспортного отдела, перекуривающих грузчиков и прочих, заветная накладная была наконец получена и наш «ГАЗик» оказался около третьего склада.

– Чего забираем, мужики? – Осведомился щупленький мужичок в брезентовой курточке.

– Пять лабораторных столов.

– Это можно, – рассудительно согласился мужичок. – Сейчас, погрузчик освободится... А как насчет, ну сам понимаешь?

– У меня только пятерка, – я с сожалением посмотрел на последнюю бумажку в исхудавшем после отпуска кошельке.

– Не жирно, но тоже сойдет, – подмигнул щупленький работник склада.

– Стой! Куда столы грузите? Где документы? – в складском проходе показался парень в темном халате. Выглядел парень не ахти как: не то уголовник, не то дружинник.

– Не волнуйся, начальник, документы в порядке.

– Накладная, накладная есть? Вы здесь возите туда-сюда, а мне потом разбираться.

– Да вот накладная, все подписи вроде получил. – Я протянул заветные бумажки

– Так... – Вроде все подписали. Ты, друг, слышишь, не обижайся. Эти за бутылку весь склад вынесут. А мне отвечать, понимаешь?

– Валерий Петрович, – крикнула необъятного размера складовщица, вылезшая из здания. – К телефону вас . Директор...

– Сейчас... – буркнул заведующий. – Только подпишу: разрешаю на вывоз, Глазков.

– Знакомая фамилия, – поразился я. – Ты случайно не на Театральном проезде жил?

– Точно, – у парня от неожиданности отвисла челюсть.

– Валерка, а ты меня не узнаешь? Как мы в подвале сидели? Помнишь, я еще накладную твоего бати нашел?

– Е-мое, – протянул Валера. Так ты что, тот самый Саня? Ну ничего себе, не узнать.

– Тебя тоже не узнать. Как живешь-то?

– Нормально. ПТУ закончил, потом курсы повышения квалификации. Вот, заведующим складом работаю. А ты чего, мебель возишь?

– Да нет, обычный сотрудник в НИИ. Просто никого больше на работе не нашлось, вот меня и послали.

– Валерий Петрович, говорят же вам, директор на линии, – зашипела толстая тетка. – Ну сколько можно ждать?

– Да бегу, бегу. Ну пока, Санек, рад был повидаться. Смотри, накладную не потеряй, без нее с территории не выпустят.

– Счастливо, Валерка. Может еще пересечемся.

– А батя-то мой помер, уже лет пять как будет. – крикнул Валерка вслед. – Пил много.

Грузовик выехал к пропускному пункту. Вахтер долго рассматривал накладную, потом махнул рукой, и машина выкатилась на пыльную Московскую улицу. Я тогда подумал, что жизнь наша крутится вокруг проклятых бумажек со штампами и печатями, от свидетельства о рождении до накладной, и круговорот этот передается от отца к сыну.

3. Пистолет.

– Чего дрыхнешь, вставай!

– Сейчас, – я никак не могу проснуться. Первый луч солнца падает на ковер, висящий около кровати. На этом ковре странное животное охрового оттенка стоит на берегу неестественно синего озера. За животным виднеются горы со снежными вершинами. Снег от времени пожелтел, и горы напоминают выгоревшие под ярким солнцем желтые сопки Маньчжурии.

Я пытаюсь проснуться и занимаюсь любимым развлечением – пытаюсь угадать, кого изобразил художник: быка или лошадь. Скорее всего, это плод несчастной любви сельской коровы и лося, иначе откуда у этого зверя выросли разлапистые рога.

– Сейчас, сейчас, – дразнится Олег. Ему уже лет тринадцать, он совсем взрослый. – Это же просто елки-палки натуральные, зелено-голубые. Пока ты в постели валяешься, клев прекратится. Я тебе рассказывал, какого карася на прошлой неделе поймал? Вот такого, – Олег разводит руки в стороны. – А все потому, что рано встал. С утра самый клев, если ты не знаешь. Ну и дрыхни, а я сам пойду, и пусть тебе обидно будет. Елки-палки натуральные...

– Все, все, уже встаю. – Меня ждут караси, таинственные, с серебряной и золотой чешуей, скрывающиеся в глубине пруда, среди водорослей. Караси эти тыкаются пухлыми губами в землю и выпускают на поверхность воды мутные пузырьки.

– Ну наконец-то. Пошли червей копать, – Олег командует по праву старшего.

– Угу, – я ковыряю детской лопаткой влажную землю около кустов крыжовника. Как на зло, в горке глины не находится ни одного червяка.. Честно говоря, я их побаиваюсь и немножко брезгаю. Эти огородные черви, розовые, жирные, извивающиеся, пускающие мокрую слизь, когда их насаживаешь на крючок. Но рыбу без них не поймать.

– Глубже, глубже бери. – Олег поддевает землю лопатой. – Теперь разрыхляй, они здесь наверняка должны быть.

Я врываюсь в землю, пока не натыкаюсь на какой-то странный предмет. Острие лопатки звякает, и я вытаскиваю из земли завернутый в сгнившую тряпку сверток.

– Ух ты, – шепчу я. В тряпке завернут пистолет. Он тяжелый, слегка заржавевший, но точь в точь как игрушечный. – Олег, посмотри. – Я радостно сжимаю в руках черную рукоятку.

– Е-мое... Это же просто елки-палки натуральные, зелено-голубые. Неужели настоящий?

– Я маме покажу...

– А ну-ка отдай, – он подбегает ко мне, вырывая покрытую комьями земли находку из рук.

– Еще чего, – кричу я. – Это я нашел!

– Было ваше – стало наше, – с холодной решительностью произносит Олег. – И если только попробуешь мамашке пожаловаться, так и знай, я к тебе ночью приду, – он делает страшную рожу. В темноте...

– Не испугаешь, – я высовываю язык. – Я все родителям расскажу.

– Я тебе, стой! Стой, кому говорят!

– Попробуй, догони! – Я уже обогнул кусты с крыжовником.

– Ах ты, – он несется за мной, но я ору изо всех сил.

– Что случилось? – Мама появляется на крыльце. – Что ты орешь как ненормальный?

– Олег у меня пистолет отобрал, – слезы уже льются из глаз, я обижен, – Ведь это я его нашел! Это мой пистолет!

– Какой еще пистолет? – мама бледнеет.

– Мы червей копали, – пытаюсь объяснить я.

- Олег, Олег! – кричит мама. – Ну-ка иди сюда!
- Я никуда и не убегал, – Олег смущенно появляется откуда-то из-за кустов.
- Что это еще за пистолет? Отдай его мне немедленно!
- Я не знаю, – Олег что-то прячет под рубашкой.
- Я тебе сказала, отдавай сейчас же!
- Я не виноват, – Олег всхлипывает, скривив лицо, таким я его еще не видел, тоже мне, семиклассник нашелся. – Это он его откопал.
- И если хоть одно слово, ты слышишь, хотя бы одно, если соседи узнают, я не знаю, что с тобой сделаю! За грибами завтра с нами не пойдешь, родителям все расскажу, и вообще... Ты меня хорошо понял?
- Угу, – мой старший друг напуган. – Это же просто елки-палки натуральные. Зелено-голубые...
- Это я откопал! – делаю я робкую попытку восстановить справедливость. – Это мой пистолет!
- Твой, говоришь? – мамин голос сухой и неприветливый. – Вот вечером приедет отец и с тобой разберется. Теперь иди в сад, и сиди там до обеда. Понял?
- Понял, – я с трудом сдерживаю слезы.
- А ты Олег, иди домой. Нечего тебе здесь делать.
- Мам, мы на пруд хотели пойти, рыбу ловить.
- Никакой рыбы. Вы наказаны.
- За что?
- Не твоего ума дело. Сказано тебе – сидеть в саду...
- Ну что делать в нем, в этом саду. Как в тюрьме. Крыжовник, несколько яблонек., большая сосна и забор. День катится неторопливо, на обед – щи с капустой и макароны по-флотски. Наевшись, я ложусь на раскладушку, смотрю на голубое небо, в котором летит самолет, на чуть подрагивающие листья, и сам не замечаю, как погружаюсь в дремоту.
- Когда я просыпаюсь, солнце садится. Отец уже дома и о чем-то разговаривает с мамой на кухне. Я тихонько подкрадываюсь к распахнутому окну.
- Ты понимаешь, – мамин голос дрожит. – Они его откопали. Я же тебе говорила, выкини его куда-нибудь, ведь если узнают – посадят!
- Черт побери, – папа, кажется, расстроен. – Да он же мне жизнь несколько раз спас, у меня рука не поднималась...
- Не знаю. Надо что-то делать. Давай его в озере утопим, что-ли?.
- А если они мальчишкам расскажут?
- А вот с этим, мой дорогой, как-нибудь сам разбирайся. Скажи им, что он игрушечный, старый, дети же...
- Да, пожалуй ты права.
- Я понимаю, что говорят они о найденном пистолете. «Значит, он настоящий», – понимаю я и сладкое чувство запретного разливается по телу. – Значит я держал в руках...
- Саша, – мама открывает окошко, и я испуганно пробираюсь вдоль фасада дома. – Саша, ты куда запропастился?

- Я здесь, мам.
- Ну-ка быстро домой, отец с тобой будет говорить!
- Иду, – я, слегка дрожа от страха, появляюсь на маленькой дачной кухне, пропахшей керосином.
- Ну что, – папа явно притворяется, он подмигивает мне, изо всех сил делая вид, что ничего такого не произошло. – Рассказывай.
- Мы с Олегом червей копали, хотели карасей удить. Я правда ничего такого не сделал! Нашел этот пистолетик, а Олег его отнял, хотя это я его выкопал...
- Хорошая игрушка, правда? – он кладет на стол мою находку.
- Угу, здорово. Пап, а он настоящий?
- Какой там настоящий, ты что, с ума сошел? Игрушечный, конечно. Это братишка твой когда маленьким был, попросил закопать, да и сам забыл.
- А я такого в магазине никогда не видел...
- Он импортный, немецкий. Таких больше не выпускают. Только сломанный, не работает. Давай его выкинем.
- А на курок можно нажать? – Я с интересом смотрю на отливающее черным металлом дуло.
- Да чего там нажимать, таких пистонов все равно уже давно в продаже нет, – Папа зеваает. – Пошли его в пруду утопим, согласен?
- Не хочу, я его нашел. – Зачем же выкидывать такую находку, я могу перед соседскими мальчишками хвастаться.
- Послушай, – отец, похоже, теряет терпение. – Мы его выкидываем, и все тут. А тебе я новый куплю, и пистонов целую упаковку. Хочешь, в «Детский Мир» вместе съездим?
- Пап. А можно, ты мне купишь такой, металлический, который мы с тобой видели.
- Можно. Я тебе куплю все, что ты захочешь.
- Честное слово? А сто пистонов можно?
- Можно. Ну что, утопим этот ржавый хлам, зачем он тебе?
- Пошли, – я предвкушаю поездку в «Детский Мир». Я там был с мамой весной, глаза разбежались... Окошки, дети, школьная форма, Лубянка, весенний воздух, незатейливые игрушки и сложные конструкторы. Лестницы, закутки, линии, отделы, – целый мир. И совсем не детский.
- Солнце уже садится, берег пруда зарос камышами, беснуются лягушки, пахнет водой и той особой свежестью, которая поднимается от вечерней травы в средней полосе России.
- Между камышами деревянные мостки, с которых мы ловим рыбу.
- Ну ладно, прощай, – отец молчит. Потом он изо всех сил бросает пистолет в воздух. Он крутится как бумеранг, но не может долететь до мостков и падает в воду, примерно посередине пруда. Фонтанчик брызг, круги на воде, да рассерженное кваканье лягушек. Как по команде, тут и там начинают плескаться караси...
- Эх, черт, сейчас бы удочку.
- Завтра. Домой пора...

* * *

Много лет спустя, после празднования 9 мая, отец выпил лишнего и поделился со мной воспоминаниями. Оказывается, у фронтовиков были свои суеверия, хотя, казалось бы, какие суеверия могли выжить в той мясорубке, которая не щадила ни своих ни чужих ...

Пистолет этот действительно был немецким. Он попал в руки к отцу случайно, когда его накрыло взрывной волной в окопе. Немцы наступали, он потерял сознание. Очнувшись, он увидел, нога его пробита осколком, а рядом лежит убитый немецкий офицер. Отец его как будто обнимает, держась за кобуру. Тот самый пистолетик, почти что дамский и был в этой кобуре.

Потом началась полная неразбериха, все смешалось, и немцы и наши отошли на старые позиции, а контуженный и раненый отец остался в окопе на ничейной полосе. Время от времени немцы делали вялые попытки продвинуться, возможно для того, чтобы забрать убитых, но отец раз в несколько минут стрелял из пистолетика. Патронов было всего шесть или семь, хватило минут на сорок. К счастью, немцы умирать не хотели и после каждого выстрела отползали обратно.

Через полчаса, когда подсчитали потери и дивизион собрался вместе, старый приятель отца понял, что дело неладно. Он взял двух солдат, и они, пуская очереди из автоматов, выползли на нейтральную территорию.

Услышав автоматные очереди, немцы решили, что русские пошли в атаку, сказали парочку хороших баварских ругательств, и решили отступать. В результате чего отца удалось вытащить и отвезти в госпиталь.

С тех пор этот почти что игрушечный пистолет служил ему много раз. Однажды в него, лежащего в нагрудном кармане шинели ударилась пуля.

Из этого пистолета был убит немецкий танкист, выскочивший из подбитого танка. Танкист, видимо, был идеологически упертым, или попросту озверел. Вместо того, чтобы удрать, он схватил автомат и начал стрелять, тяжело ранив того самого отцовского приятеля, который когда-то вытащил его из окопа.

– Сам не знаю, как попал, в такие минуты не думаешь, а до сих пор жутко... – признался отец. Он на самом деле был военным врачом и стрелял редко, хотя видел всего в избытке. – Он побежал, скорчился, упал, и начал биться, как будто начался эпилептический припадок. Я их тысячи перевязывал, вытаскивал, и конвульсии видел, а в этот раз я его убил. Такого рыжего, с орлиным носом. Так что запомни – не верь ни одному лидеру, отцу народов или президенту.

В результате, расстаться с этой боевой реликвией отец не смог, тайком привез домой, и зарыл в саду.

* * *

Черт его знает, как называлась эта станция. Странное название, помню, что то ли предыдущая, то ли следующая называлась «Заветы Ильича», но эта платформа была односложной.

В паре километров от железной дороги располагалось стрельбище, на которое привезли студентов третьего курса. Руководил нами капитан Сорокин, мужик умный и ироничный, луч света в темном царстве институтской военной кафедры.

Жарко. Зеленая армейская рубашка уже пропиталась потом, галстук с золотой заколкой давит шею. Автомат Калашникова отдает в плечо, но я уже почти утратил свою

незрелую юношескую неприязнь к этой совершенной машине уничтожения. Стрелять, так стрелять, – я выпускаю свои положенные десять пуль.

Мы устраиваем привал, устроившись в тени большого дерева. Хочется пить, к счастью у нас с собой есть несколько бидонов с квасом. Юрка Соколов достает переносное радио, которое он сам спаял. Это радио – предмет его гордости, он с ним никогда не расстается, пластмассовый корпус расколот и бережно обмотан синей изолентой. Юрка замороженно прислушивается к раздающемуся из пластмассовой коробочки голосу, часто моргая глазами. На лице его появляется тщетная попытка осмыслить то, что говорит диктор, это ему явно не удастся, но Юрка продолжает прислушиваться.

«Только-что стало известно, – голосом Юрия Левитана произносит транзистор, что на очередных выборах в Великобритании победили консерваторы, оттеснив партию Труда от власти. Во главе консерваторов стоит печально известная своими крайне правыми, реакционными взглядами Маргарет Татчер. »Железной Леди« прозвали ее англичане. В своих выступлениях эта, с позволения сказать, »Леди«, отец которой содержал бакалейный магазин, допускает антисоветские, антикоммунистические нападки на нашу страну, она призывает к укреплению сил военно-империалистического блока »НАТО« в Европе. С ее избранием на пост премьер-министра Великобритании, начинается новая, зловещая эпоха в истории всего Европейского континента. Возрастает и военная опасность.»

– Вот, видите, – глаза Сорокина смеются, – а вы стрелять не хотите учиться. Все думаете, что это чепуха, всегда над нами будет мирное небо...

– Какая разница, – вздыхает одна из наших девочек, тоненькое создание с большими ресницами. – Ведь если чего начнется, все равно до кладбища добежать не успеешь, шарахнут ядерными ракетами и все!

– Взгляд, конечно, варварский, но верный, – зевает капитан. Я смотрю на него с изумлением.

– Отдыхайте, ребята, – машет он рукой. – Попейте кваску, успокойтесь. Чему быть – того не миновать...

«Прогрессивное человечество, – продолжает вещать радио, – с беспокойством восприняло известие об избрании Маргарет Татчер премьер-министром Великобритании. Труженики Греции вышли сегодня на массовую демонстрацию протеста, неся плакаты, осуждающие политику НАТО. Аналогичные протесты прокатились по Португалии. Наш корреспондент в Лиссабоне связался с нами по телефону, и передает, что...»

– Так, отдых закончен. Продолжаем готовиться к наступлению международной реакции, – глаза Сорокина смеются. – Теперь будем стрелять из пистолетов.

Инструктор на стрельбище – долговязый парень с погонами младшего лейтенанта и светлыми усами. Обычный, таких сотни, но почему-то он мне знаком. То ли характерный жест правой руки, то ли челюстью двигает время от времени, как будто жует...

– Итак, товарищи, студенты, вы сейчас получите пистолет системы Макарова. Запомните, после снятия предохранителя, направлять оружие только на мишень. Не отводить в сторону ни на секунду. По счету три – стреляем. – Раз, два, три – пли!

Все идет гладко, пока одна из девочек нажав на курок пугается грохота, и, взвизгнув тоненьким голоском, роняет пистолет на землю.

– Эх вы, вояки, – разочарованно произносит младший лейтенант. – Это же просто елки-палки натуральные, зелено-голубые. Ладно, следующий.

Следующим был я. Роковая фраза вызвала в сознании цепь воспоминаний, и я узнал Олега. Какое-то странное чувство неловкости помешало подойти, поздороваться, напомнить о себе, о пистолете. Я выпустил положенные пули в мишень. Отдача была сильной, с непривычки пистолет ходил в руке.

– Так себе результатик, – буркнул Олег. – На троечку с плюсом. – А если бы там действительно противник стоял? Стрелять надо лучше, студент. Ведь вы же будущий офицер, какой пример подчиненным покажете? Следующий!

И тут мне пришла в голову страшная мысль, о том, что пистолет убитого немецкого офицера и после войны продолжал распространять флюиды убийства, заражая ими детей, которые успели повзрослеть.

И подумалось, что все-таки хорошо, что этот маленький металлический цилиндрок с рукояткой теперь лежит на дне пруда, где-нибудь под толстым слоем ила, и наверняка проржавел до основания.

Впрочем, за прошедшие годы было придумано еще много всякого другого оружия, так что этот невинный акт разоружения среди зарослей камыша вряд ли что-нибудь изменил в человеческой истории. Как говорили древние римляне – хочешь мира, готовься к войне.

4. Газета

Вот ведь какая штука. Большой был город Москва, бестолковый, слегка азиатский, а все-таки маленький. Того и гляди, кого-нибудь встретишь. Прошлым летом около Белорусского вокзала я наткнулся на Рафика. Был у нас в школе такой смуглый парнишка, как и всякий восточный человек дословно воспринявший всесильное учение, которое верно по определению.

Случайное движение одушевленных фигур на огромной шахматной доске жизни сводило меня с Рафиком три раза. Бог троицу любит, как говорил наш лектор по марксистско-ленинской философии. Если явление повторяется два раза – это закон природы. Если больше – это уже судьба.

* * *

Детство мое прошло в Столешниковом переулке. В памяти остались случайные картинки – бульвары, скверы и дома. Корни деревьев прикрыты чугунными решетками. Любимое развлечение – прыгать по их узорам.

Может быть поэтому меня в школе поразило стихотворение «Твоих оград узор чугунный». Если пытаться найти различие между Москвой и Петербургом, то не в поребрике дело, а в культуре оград. Московские ограды легли в плоскости улиц.

Дом наш стоял в саду «Эрмитаж». В садике располагались какие-то странные эстрадные помосты, детская память отказывается восстановить их: что-то напоминающее громадную мраморную раковину. Как только темнеет, здесь собираются люди, зажигаются цветные лампочки, и начинает играть оркестр. Толстая тетя в малиновом платье раскачивается на эстраде, выводя своим контральто что-то

несуразное. Каждый вечер одно и то же: «Я- Земля, Я-Земля » А потом она с надрывом поет что-то вроде «И скорей возвращайтесь домой!».

При чем тут земля? – Я с недоумением смотрю на асфальтированные дорожки, пытаюсь ковырнуть ногой клумбу. После пяти или шести попыток мне это удастся, но сандалик испачкался.

– Саша! – Возмущается мама. – Зачем ты в грязь залез, как тебе не стыдно!

«Я – Земля», мне почему-то становится немного жутко от сюрреалистического содержания этой песни. Разве вот эта, жирная грязь, разве она может к кому-то обращаться? Например, ко мне. И, когда певица снова заводит свою песню, мороз пробегает у меня по коже.

Сад огорожен от улицы решеткой, поэтому меня иногда выпускают погулять одного. Я стою, прислонившись лицом к холодным прутьям, и показываю язык прохожим, особенно – девочкам моего возраста, которых тянут за руки мамы в шуршащих платьях. Мальчики тоже подходят для моих забав: высовыванием языка и гримасами я будто заменяю животный инстинкт, сродни тому, как волки помечают свою территорию.

Вот, например, смугленький мальчик, почти что негр, в белой рубашечке и в туфельках. Его сопровождают две накрашенные тети вполне отчетливого вида, от которых за километр несет приторными духами «Красная Москва», теми которые продавались в красной коробочке с золотым профилем Кремлевской башни. Мальчик несет в руке газету, как будто уже умеет читать. Вид у него при этом важный, такого грех не подразнить.

Увидев меня мальчик открывает рот от удивления. На секунду замешавшись, он начинает корчить мне ответные рожи. Вначале он высовывает язык, потом широко приставляет пальцы к носу.

– Рафик! – одна из тетенок наконец возмутилась, оторвавшись от обсуждения шелкового платья, которое они только что так и не купили в Пассаже. – Немедленно спрячь язык, как тебе не стыдно!

– Я не виноват, это он мне первый язык показал! – Ябедник указывает на меня.

– Фуу... Какой плохой, невоспитанный мальчик. Оборванец какой-то! – Вступает в разговор вторая тетенька. Мне становится на секунду стыдно, но я уже вошел в образ и торжествующе показываю тетеньке язык.

– Нет, Люба, ты посмотри, какой хулиган. И это в Москве, в самом центре, хоть милицию вызывай. Может быть он беспризорник какой-нибудь, как он вообще туда попал?

– Ты как сюда попал, плохой мальчик? – Спрашивает вторая дама.

– А я здесь живу! – отвечаю я.

– Не ври, бессовестный, это же сад «Эрмитаж», в нем никто не живет.

– А я живу! Вон в том доме – Я оборачиваюсь назад, дома не видно, он спрятан за кустами и за высокой эстрадой.

– Никто здесь не живет! Какое безобразие! Родители бросили ребенка, в ресторан пошли выпивать, а он оказывает дурное влияние на хороших, воспитанных детей. Стыдно, стыдно должно быть. Пойдем Рафик.

Они тянут мальчика в белой рубашечке за собой и, каким-то виртуозным жестом, словно Олимпийский гимнаст, он повисает у них на руках, делает почти что полный

оборот назад, и победно, почти что до тротуара высовывает язык, встретившись со мной торжествующими черными глазами.

– Э-э-э, – Пятнадцать негрятят пошли купаться в море. Пятнадцать негрятят... – дразнюсь я.

– Мальчик, как тебе не стыдно? Вот мы сейчас вызовем милицию...- говорит первая тетя.

Я смотрю на желтое здание Петровки-38, милиционеров там более чем достаточно и я понимаю, что в нашем деле главное – вовремя смыться. Тем более, что около ограды уже останавливаются зеваки.

* * *

Через несколько лет дом наш снесли, родителям дали двухкомнатную квартиру довольно далеко от центра, зато в новом доме. Еще через несколько лет родители съехались с бабушкой, и мы мы оказались у черта на куличках, у самой кольцевой дороги.

Район, впрочем, был довольно приличным, видимо благодаря тому, что во времена Хрущевских новостроек здесь построили много кооперативов.

Однажды я обратил внимание на смуглого парнишку, учившегося в старшем классе. Звали его Рафиком. Детская память устроена странно. Однажды я увидел в школьном коридоре его полную маму, Любовь Ивановну, пропитавшую школьный вестибюль духами «Красная Москва». Запах этот вызвал цепочку ассоциаций и как вспышкой высветил полузабытое детское воспоминание.

Это был тот самый Рафик, сомнений быть не могло. Тогда меня это не удивило, мало ли что бывает. К тому же, в детстве совпадения кажутся естественными – целая вселенная кружится вокруг своего маленького мирка, состоящего из небольшого набора зрительных и чувственных образов.

Со старшеклассниками мы не пересекались, у них была совсем другая, взрослая жизнь. Ведь в детстве каждый год идет за десятилетие и отделяет одно поколение от другого. Это позже разница в возрасте становится незаметной.

В восьмом классе мальчишки начали покуривать. Курить в школе было нельзя, восьмиклассники прятались в мужском туалете на четвертом этаже. Четвертый этаж вообще был особенным, младшие классы сюда не допускали, стены коридоров были увешаны патриотическими плакатами, подготавливающими подрастающее поколение к службе в Советской Армии, вступлению в ВЛКСМ и к руководящей роли Коммунистической Партии.

Однажды после урока физкультуры мы наспех переоделись и побежали курить в туалет. Но нам не повезло: дверь распахнулась и на пороге показалась Галина Андреевна, наш завуч, известная своим дурным характером и склонностью к истерикам.

– Курите?

– Извините, Галина Андреевна, – мы смущенно спрятали окурки в руках.

– Да как же вам не стыдно. Будущие комсомольцы.

– Саня, сигареты в толчок спускай, – мой приятель Валерка, кажется, испуган.

– Ни хрена себе, я же сорок копеек в киоске заплатил, – мне стало до боли жаль коричневую пачку сигарет фирмы «Дукат». Сигареты «Камея», на пачке рельефно выступает античный белый женский профиль с завивающимися кудрями.

– И ты тоже курил? – Завуч решительно подошла ко мне. – Как же тебе не стыдно, пиджак оправь.

– Я больше не буду, Галина Андреевна.

– Пиджак у тебя грязный какой-то, что у тебя из нагрудного кармана торчит? – Галина Андреевна залезла в мой карман и неожиданно вытащила из него белую бумажку с расплывшейся розовой надписью: «Презерватив мужской. Цена: 4 копейки».

– Это. Это что? – Глаза у нее вылезли на лоб, лицо покраснело. Чем это ты занимаешься?

– Не знаю. – Я действительно не знал, откуда эта штука взялась в моем нагрудном кармане. Я с ужасом понял, что пиджак этот чужой, ведь когда я переодевался после урока физкультуры, он еще казался мне тесным.

– Да это не мой пиджак. Это физкультура у нас была... – Я смутился.

Одноклассники с тайным восхищением и с завистью смотрели на меня.

– Про эту гадость... мы с твоими родителями разберемся. – Галина Андреевна помрачнела. Слово «эту» она произнесла брезгливо, в пол-голоса. – А ну-ка отдавай сигареты! Немедленно!

Ах да, еще и сигареты... Моя Камея фабрики «Дукат» за сорок копеек с антично-мраморным профилем была разодрана на мелкие клочки и торжественно выкинута в урну.

– О комсомоле можешь забыть, – торжественно заявил Галина Андреевна. – Мы тебя будем прорабатывать и воспитывать всем коллективом.

Генка, пиджак которого я по ошибке напялил на себя, ни в чем не признавался. Мама рыдала, педсовет принял решение о моем полном моральном разложении (и какой приличный был, надо же. В тихом омуте черти водятся). Единственное, что утешало – я иногда ловил на себе загадочные взгляды одноклассниц.

* * *

Меня послали на перевоспитание к старшим комсомольским товарищам.

Так получилось, что прорабатывал и воспитывал меня Рафик. Делал он это обстоятельно. Для начала он остался со мной в красном уголке, усадив за солидный стол с зеленым сукном. В углу комнаты стояли знамена, бюст Ленина. А на столе расположился графин с водой и два стакана, ни дать – ни взять сценка из старых советских фильмов.

– Ай-яй-яй, как нехорошо, – зацокал Рафик с восточными интонациями. Говорил он по-русски без малейшего акцента, видимо эти модуляции голоса были генетическими. – И оценки у тебя неплохие, и в комсомол бы пошел одним из первых. И жизнь вся впереди, а здесь такой прокол... Нехорошо. – Он в расстроенных чувствах налил из графина воды и выпил. – Да, недоработали мы. – Рафик потер щеку, на которой пробивалась густая щетина. Восточная кровь давала себя знать. – Ну, рассказывай, – он откинулся на стуле. – Кстати, хочешь бутерброды, мне мама сделала? – он достал из портфеля сверток.

– Спасибо, не хочу.

– Бери а то ты разволновался. Я, кстати, тебя понимаю, мы же мужчины, правда? – подмигнул он мне и похлопал по плечу. – Я тебе скажу, – перешел он на шепот, – если честно, это не преступление. Это – природа. Другое дело, что нельзя нарушать кодекс строителя нового общества. Женщина, она же тоже строитель, надо подходить к делу ответственно. Кушай, вкусная колбаса, маме в спецзаказе дали.

Рафик разломил бутерброд и почти что насильно заставил меня откусить от него кусок.

– Спасибо. Вкусно.

– Вот это другое дело. Ну, рассказывай, – он откинулся на стуле, заложив руки за голову.

– Да и рассказывать-то нечего. Я уже всем объяснял – взял в раздевалке чужой пиджак.

– Э, ты это брось. Зачем очевидные вещи отрицаешь. Кстати, молодец, – он подмигнул. – Относишься к последствиям ответственно. Но вот что куришь – нехорошо. Я, кстати, тоже курю. Но я старше тебя на год. Хочешь? – Он достал пачку «Столичных».

– Так мы же в школе.

– А, брось. Ты со мной. И потом, выветрится, никто ничего не заметит. Кстати, хороший табак. Мне друзья «Мальборо» однажды подарили, так себе. Наши сигареты лучше.

– Спасибо...

– Кури. Но никому не рассказывай. Это будет наш маленький секрет. Понял?

– Понял, – смутился я.

– Молодец. Ты хороший парень, а проступки у каждого бывают. Как говорил Фридрих Энгельс, ничто человеческое нам не чуждо, верно?

– Рафик, – смутился я. – А можно тебя спросить. Глупость конечно, детское воспоминание. Ты и не помнишь, скорее всего, а вдруг. Мне кажется, что я тебя встречал в детстве. Мы тогда в саду «Эрмитаж» жили, около Петровки, и был там такой мальчик, ну как тебе сказать, я ему язык показывал.

– Как не помню, помню конечно. Я тогда здорово обиделся... Ну и дела, выходит, мы с тобой с детства знакомы!

– Да мне до сих пор неловко, дурака валял.

– Нет, мы с тобой теперь друзья детства. – Рафик похлопал меня по плечу, от него пахло одеколоном, молодым телом, вчерашней яичницей с колбасой, подгоревшей на сковороде, и я вдруг почувствовал ауру чего-то родственного, почти что домашнего.

В этой незримой атмосфере свой был своим, и делал для своего уступки и поблажки, в ней было уютно и безопасно. Видимо, это ощущение клана осталось у людей от первобытных племен.

– Нет, ты хороший парень. Послушай, что я тебе скажу, – у Рафика на лице появилось выражение человека, знающего какой-то очень важный, недоступный простым смертным секрет. – Я тебе помогу. Зачем тебе жизнь портить с такой репутацией? Я в комитете комсомола не последняя величина, на следующий год думаю секретарем стать. В райкоме у меня связи, отец же у меня был большим человеком, если не знаешь... Потом расскажу. – Так вот, я помогу тебе. Проводи школьные политические

информации. В субботу утром. Нагрузка небольшая. Я тебя научу – берешь газеты, читаешь первую полосу, ножничками вырезаешь. Зачитываешь. Месяца три, и никаких проблем с характеристикой не будет. Ты газеты читаешь, конечно?

– Читаю.

– Какие?

– Ну... – Вечернюю Москву, Литературку.

– Надо читать «Правду», «Комсомолку», «Труд» и «Красную Звезду». Вот, бери – Рафик открыл тумбочку, стоявшую в углу комнаты и достал оттуда пачку газет. – Сегодня среда, придешь завтра после уроков и покажешь свои вырезки. Все-таки ответственность, целая школа тебя слушать будет.

* * *

Я принес газетные вырезки и был утвержден на должность школьного журналиста. Рафик был мной доволен, похлопывал по плечу и вдруг рассказал историю своей семьи. Отец его был каким-то опальным деятелем компартии одной из недоразвитых стран, ошибочно вступивших на курс капиталистического развития. А дедушке его, верному слуге падишаха, или султана, однажды прислали шелковый шнурок на тарелке. Шнурком этим полагалось удавиться, что дедушка и сделал. А что ему оставалось – четверо детей, две жены, жаль будет, если их разрубят на кусочки. Поневоле проникнешься ответственностью за передачу генофонда последующим поколениям и верноподданнически удавишься.

Сыну за отца отомстить не удалось. Коммунистическое восстание провалилось. Другой стороне помогал сам президент, и к тому же конкретными долларами и винтовками М16. Неудавшийся коммунист оказался в Хрущевские времена в Москве, женился на Рафиковой маме, а далее история смутная. Согласно официальной версии он нелегально уехал на родину сражаться против антинародного режима и погиб с автоматом Калашникова в руках.

– Ну, хватит лирики, – пафосно сказал Рафик. – Дело отца не погибло. Мы его продолжаем. И ты тоже... Так что не подкачай.

На четвертом этаже школы была «радиорубка» с микрофоном, в который я тоскливым голосом зачитывал сводки новостей. Как ни странно, мои краткие политические информации полюбили: пробормотав содержание скучных передовиц, я умудрялся найти в газетных листах забавные статейки, а иногда и грешил – придумывал новости, отпечатывал заметки на отцовской пишущей машинке. Уже не помню толком эти розыгрыши: то корове-медалистке международных выставок дали послушать диск «По Волнам моей памяти» Давида Тухманова, в результате чего она увеличила надои еще на двадцать процентов, то лесник передового лесничества Брянской области Петухов научил свою собаку обнаруживать городских браконьеров по запаху импортных джинсов, которые эти браконьеры и фарцовщики носили. Все мои розыгрыши пересказывались школьниками с восторгом и проходили без сучка, без задоринки, не вызывая подозрений.

* * *

Если пройти от Белорусского вокзала к центру по Тверской, через пару кварталов справа светился несвежими занавесками ресторан «Якорь», ныне там дорогая гостиница

для иностранцев, а «Якорь» хотя и сохранил название, стал эксклюзивным рестораном морской кухни.

Раньше все было проще: слева – магазин «Пионер», за которым был переулок, там смутные личности из-под полы торговали дефицитными радиодеталями. И там же был райком ВЛКСМ. В этой точке пространства-времени всех идеологически незрелых школьников поголовно делали комсомольцами из пионеров.

Смуглый Рафик, вальяжно развалившись в кресле, кривил свои арабско-семитские губы и презрительно сообщал желчному первому секретарю ВЛКСМ, мечтающему о должности третьего секретаря КПСС: – Это наш, хороший кандидат. Советский в доску, готов всеми фибрами души труду и обороне. Я его лично знаю.

И кандидату выдавали значок.

В последний раз я встретил Рафика в майский день 1976 года. Я заканчивал девятый класс, и должен был отвезти какие-то ведомости в райком. Рафик прямой дорогой шел на заветную золотую медаль и очень положительные общественные характеристики. Он собирался поступать в Институт стран Азии и Африки, и, будучи сыном опального деятеля коммунистического движения тех самых стран, не сомневался в том, что туда поступит.

В тот день, в самом конце мая, прошел дождь, и от асфальта поднимался пар. Рафик стоял около киоска «Союзпечати» напротив Белорусского вокзала с еще одним парнем из десятого класса. Они жадно пили газировку и курили.

– Привет, какими судьбами! – Увидев меня, Рафик обрадовался и бросился обниматься. – Ну что, тебе еще год в школе трубить, а я вот, оттрубил свое, выхожу на большую дорогу.

– Ты в Азию и Африку поступаешь? – спросил я.

– Точно, – Рафик улыбнулся. – А Коля в МИМО. Вернее, мимо...

– Типун тебе на язык, – нервно сказал Коля. Лицо у него было бледным.

– Да не нервничай ты так. Я вот уверен, что поступлю. Зачем нервничаешь, зачем кровь себе портишь? Райком сегодня характеристики подписал, а значит у нас с тобой путевка в жизнь.

– Все у тебя просто. У меня батя обычный рабочий, не то, что у тебя, революционер...

– Слушай, да разве в этом дело? Надо быть уверенным в себе, в идеологии. Ты пойми... – От Рафика пахло потом, бензином, даже желтое пятно на его белой рубашке смотрелось изящно.

Я снова ощутил эту странную восточно-родственную ауру и вдруг увидел, как прочно Рафик стоит на земле. Ноги его, слегка искривленные, будто вросли в асфальт, воротничок белой рубашки выгодно контрастировал со смугловатой кожей. Дымок «Явы» окутывал его будто фимиамом. Казалось, Рафик наслаждается каждой затяжкой, каждым глотком газировки из автомата, каждой секундой жизни, и чувствует себя ее хозяином.

– Вот, возьми, почитай газеты, – Рафик сунул мне в руку пухлую пачку пахнущих типографией бумажных листков. – Здесь все, что должен знать и каждый день впитывать. Вся информация, все новости. Прочитал передовицы – и подкован. И главное – знаешь, что и кому говорить, – он подмигнул мне.

Рафик поступил в Университет, в тот самый Институт стран Азии и Африки, а Коля в МИМО провалился. Больше мы не встречались, и траектории наши разошлись на много лет.

* * *

Двадцать восемь лет спустя я прилетел в Москву на неделю и носился по делам, лишь изредка бросая торопливые взгляды на город.

Я уже не помню толком, зачем мне нужно было выскочить на площадь около Белорусского вокзала, бесконечный эскалатор как и много лет назад пах машинным маслом. В вестибюле метро я вздрогнул от знакомого голоса. А потом увидел и его обладателя. Облысевший Рафик стоял около книжного лотка и был похож на гоблина.

– Новая серия «Убийцы без жалости», – завывал Рафик, как муэдзин с минарета. – Уникальный детектив, крутой сюжет, менты без страха и упрека. Покупайте, господа. Свежие газеты. Певицы «Тату» участвовали в оргии с Киркоровом – сообщает «Комсомольская правда». Коммунистов уже нет, но газета «Правда» пишет только правду.

– Рафик, – в голове у меня все перевернулось. – Рафик?

– А тебя легко узнать. – Рафик даже бровью не повел, как будто не было четверти века с лишним. – Какими судьбами? – Уникальные сексуальные приключения Маркиза де Сада. Эротика семнадцатого века. Узнайте, что творили ваши прабабушки! – Извини, работа такая. Коммерция, – шепнул он доверительно.

– Я проездом, живу теперь далеко. Ты когда освободишься? Столько лет не виделись.

– Давай встретимся часиков в семь.

* * *

Станным был этот вечер в дыму торфяных пожарищ. Мы сидели в какой-то шашлычной, пили вино и рассказывали друг другу свою жизнь.

В жизни Рафика были: институт, война (он работал военным переводчиком в Афганистане), предательство, любовь и смерть. Потом – пустота. Вакуум. Мама умерла, жена ушла, дочка росла где-то во Франции.

Рафик оказался на улице. Но образование помогло – он подрабатывал экскурсиями и продавал иностранным туристам художественные альбомы в Третьяковке, даже скопил на квартиру.

На него наехали. Жизнь и квартира остались. И книжный лоток, купленный за хорошую взятку. Милиция иногда принимает его за чеченца, от нее приходится откупаться.

Я долго рассказывал ему про свои переезды и мытарства, хотя на фоне его судьбы они выглядели тускловаты. Потом Рафик заказал бутылку коньяка. После третьей рюмки он задумался, начал тереть лоб и постукивать пальцами по столу.

– Рафик, все нормально? – спросил я.

– Я думаю. Я всегда думаю. Слушай, у меня идея. Помоги мне, а я помогу тебе.

– Какая идея?

– Значит так. Я газетами торгую. Газеты не все распродают, остаются старые. Бесплатно. Тысячи экземпляров. А у вас там русских много, ты же рассказывал.

– Ну и что? – удивился я.

– Ну как же. У вас там сегодня и вчера перепутались. Газеты хоть недельной давности – все равно купят. По доллару, или меньше. Да даже по двадцать центов. Шесть рублей, ничего... Мы их выкидываем, а если получится будем реализовывать. Надо только придумать, как их к вам переправлять. Доход пополам, естественно.

– Рафик. – Мне стало смешно. – Это хорошая идея, но мелковата. Извини, я этим заниматься не смогу.

– Слушай, ваши эмигранты «Комсомолку» читали? Там теперь такое пишут, они себе даже не представляют! Да что они читали? Нет, верное дело, если его раскрутить.

– Рафик, почти все теперь на Интернете лежит. Нет, вряд ли что-нибудь выйдет.

– Я понимаю. Давай так договоримся – если найдешь кого-нибудь заинтересованного, сразу же мне звонишь. Обещаешь?

* * *

Мы долго прощались, обнимая друг друга, обменивались адресами и телефонами. Я улетал через два дня. Во время посадки в самолет «Аэрофлота» я взял несколько газет и глянцевого журналов, лежавших около прохода. Находясь на земной тверди я газет не читал, следуя совету профессора Преображенского. В результате часа три я гнусно хихикал. Я вспоминал тревожную молодость и многочисленные истории, рассказанные доверчивым школьникам из маленькой радиорубки на четвертом этаже. И даже слегка позавидовал ребятам, которые теперь рассказывают эти байки всей России.

Домой я добрался смертельно уставшим и сразу же заснул. Разбудил меня телефонный звонок.

– Алло! Алло!

– Это Рафик. Как дела? Долетел нормально?

– А, Рафик, привет. Ничего долетел.

– Слушай, я все про газеты. Я обо всем договорился, ты должен мне помочь. Завтра к вам привезут чемодан прессы, везет его парнишка с усиками, зовут Степой. Рейс прилетает в пять вечера. У вас есть такой магазин, то ли Самовар называется, то ли Петушок, русский, короче. Этот чемодан надо туда подвезти...

– Что-то со связью случилось. Алло? Алло? – закричал я. – Не слышно. Рафик, не слышно.

Рафик набрал мой телефон еще несколько раз и больше не перезванивал. Мне до сих пор перед ним неловко. Кстати, недавно покупал в русском магазине селедку с черным хлебом и обратил внимание на стеллаж с кучей русских газет примерно двухнедельной давности. А вдруг...

Я дал себе слово, что в следующий приезд в Москву я обязательно позвоню Рафику. И, может быть, подарю этот рассказ. Он парень хороший, вряд ли обидится.

КОНЕЦ